

На боевом посту

ЖУРНАЛ

ВН

Траве 109
3'90

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

«ТБИЛИССКИЙ
СИНДРОМ»

ШТИРЛИЦ
В ЗАСТЕНКАХ
БЕРИИ

**С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!**

на боевом посту

ВВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

3'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор

А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,

В. В. БАРСУКОВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

Ю. В. ДУРНЕВ,

Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,

А. П. КОТЛЯРОВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

В. Ф. КУЗЬМЕНКО,

Г. А. МАЛЮШКИН,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

А. С. СОКК,

П. А. СТУДЕНИКИН,

В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. А. ШОШИН.

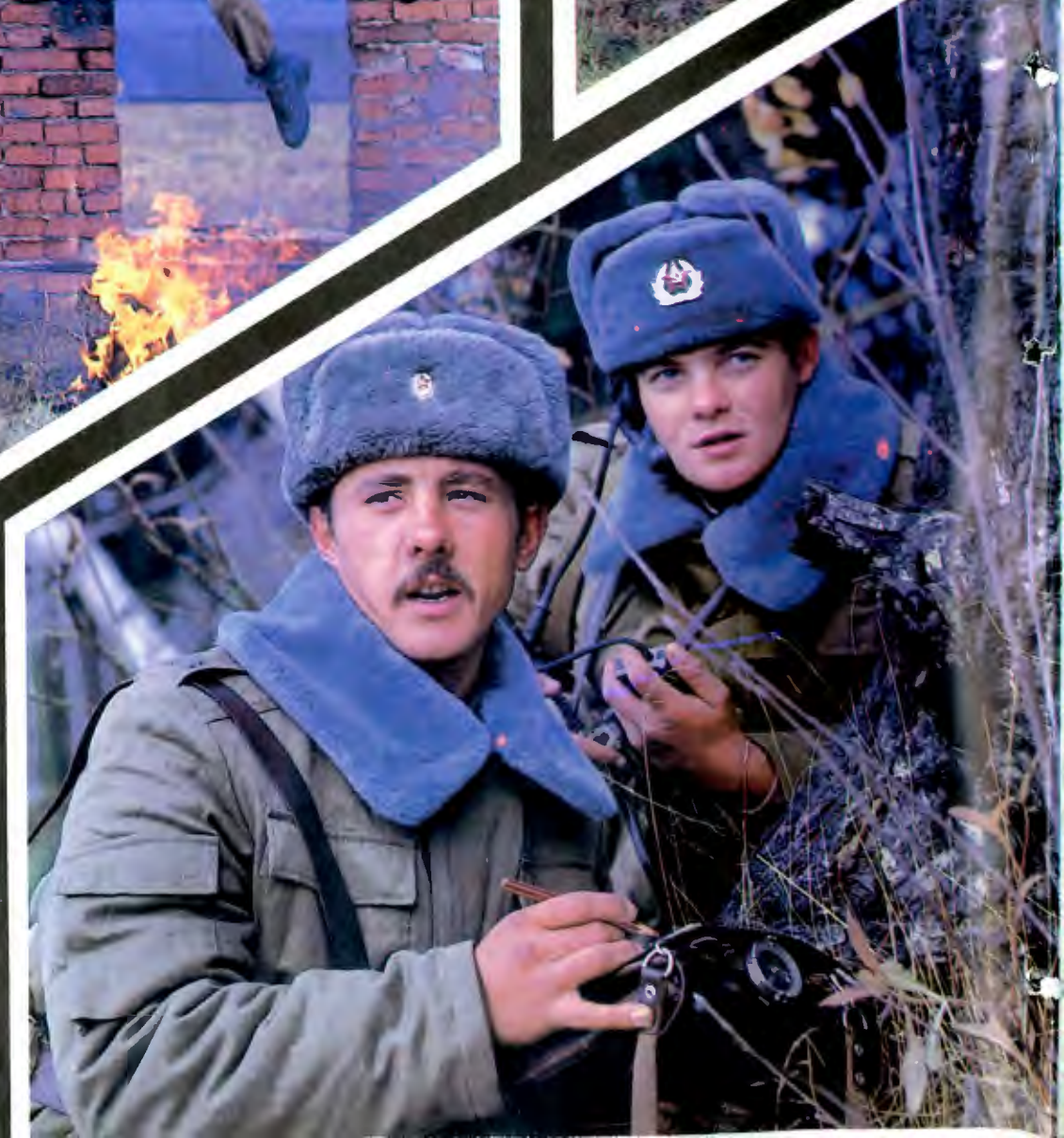
■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: с Днем 8 Марта
поздравляем рядового Оксана
Зварич и всех женщин,
проходящих службу во внут-
ренних войсках!

■ НА СНИМКЕ СПРАВА: от-
дых после "боя".

Фото А. Александрова.

ЧАСТЬ, в которой побывал наш фотокорреспондент, принимала участие в наведении общественного порядка в Фергане, Нагорном Карабахе. Противостоять вооруженным экстремистам солдатам помогли отменная подготовка, выдержка, дисциплина. А мастерство, как известно, куется в поле.

■ На полосе препятствий рядовой В. Губкин.

■ Отделение в атаку ведет сержант А. Мазур.

■ Командир взвода старший лейтенант С. Семенов награжден медалью «За отличие в воинской службе» II степени. Офицер ставит задачу рядовому В. Жидкову.

■ Марш-бросок.

Фото А. Александрова.

В АТАКУ, ВПЕРЕД!

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ

И ХОТЯ волнения уже позади, свыкнуться с тем, что избран народным депутатом, поверьте, непросто. Нет, я понимаю: не боги горшки обжигают, да на то у нас и народовластие в стране, чтобы у каждого гражданина была реальная возможность проявить себя на общественной ниве, и тем не менее...

Может быть, впервые после того, как майор Коротков, замполит нашего батальона, предложил людям на предстоящих выборах в сельский Совет кандидатуру не комбата, не кого-либо из коммунистов, а мою, я посмотрел на себя, на все происходящее вокруг куда внимательнее и пристальнее.

Я — латыш. Фамилию ношу русскую, по отцу. Мать — латышка, хотя тут тоже не так просто, как кажется на первый взгляд. Только мой дед — Павел Петрович — коренной латыш, латгалец, так с древних времен прозывались выходцы из восточной части Латвии. А бабушка — полька. Так что мама моя вполне могла бы считаться тоже польских кровей. Впрочем, так ли уж это было важно до последнего времени? В Латвии испокон веков бок о бок трудились, влюблялись, создавали смешанные браки люди разных народов. И никого не считали представителем неполноценной расы, пришлым или, как сейчас это модно говорить, мигрантом.

Откуда же взялась эта национальная рознь? Что за напасть такая свалилась на Латвию, а вместе с ней на десятки других больших и малых народов, казалось бы, мирно уживавшихся на великих просторах Советского Союза?

ОНО ПОНЯТНО, много накопилось у нас нерешенных проблем за годы безгласности, бездумного одобрения всего и вся, что бы ни спускалось «сверху». Ну, а теперь, выходит, во всех этих бедах легче всего обвинить не себя, а мигрантов, поселившихся в твоём доме и едящих твой хлеб?

Но в чем виноваты простые люди, судьба которых срослась с нашей общей судьбой, отдающие силы, знания, опыт на благо Советской Латвии и считающие ее землей не менее родной, чем сами латыши? Ни в чем. Взять, например, языковые проблемы. Всем хорошо известно, что в школах не хватает учителей латышского языка, на предприятиях и в учреждениях — квалифицированных переводчиков. Нет достаточного количества словарей, плохо с курсами. В таких условиях, наверно, не следовало бы спешить с введением государственного языка в делопроизводство. Национальная культура от этого уж точно не пострадала бы. Но куда там!

А возьмите отношение к Советской Армии. Ее ведь иначе как оккупационной и не называют.

А я считаю, что мне посчастливилось начинать службу, почувствовать себя защитником страны, а стало быть, и Латвии в прославленной Померанской дивизии, ее дважды орденосным полку. Срочную закончил старшим сержантом, командиром отличного экипажа «Т-62». Русские и белорусы, эстонцы и латыши, мы жили одной семьей. По десять месяцев в году пропадали на полях учений, танкодромах, порой сутками не смыкая глаз, выполняя задачи неполными экипажами. Нагрузка дай боже, зато и школа!

Перед партийным съездом немало работы у секретаря парткома части майора В. Зубрицкого.

Фото В. БУЛГАКОВА.

А сколько шуму поднято в республике вокруг службы наших ребят исключительно на родине или не дальше Литвы и Эстонии. Но ведь разве их призывают в средневековую дружину? К тому же и до этого немало прибалтийских парней пополняло собой Краснознаменный Прибалтийский военный округ. Нет, родителям, решившим опекать детишек, по всей вероятности, до их седых волос, и этого мало. Рядом с домом будет лучше, уберегутся от «дедовщины». Как же! Во-первых, по себе знаю, как трудно постоянно сознавать, что рядом живут твои родители, друзья, невеста, а ты в силу службы не можешь наведаться к ним. И во-вторых, «дедовщина» хоть и бич, но не повсеместный. В нашем танковом полку сами условия жизни и быта исключали безобразия.

Не будем наивными. В республике идет серьезная борьба за власть. Град критики обрушивается на КПСС со стороны Народного фронта Латвии, целого ряда неформальных организаций, открыто выступавших за демонтаж Советской власти, выход из состава СССР.

Я НЕ ВЕРЮ тем, кто говорит, что его палкой загоняли в комсомол. Были и у нас в школе «дальновидные» подростки, считавшие, что членство в ВЛКСМ сыграет им на руку в дальнейшем. Сам я просто не хотел отставать от других и, помню, все переживал, а ну как не примут из-за моих неполных четырнадцати. Приняли. И до двадцати восьми лет носил я свой комсомольский билет. А вот когда предложили вступить в партию, отказался. В ней, на мой взгляд, было много людей незрелых, случайных. Не гуляешь, не злоупотребляешь спиртным, на службу не опаздываешь — и, выходит, достоин? Нет, так быть не должно.

Может быть, для кого-то из коммунистов это прозвучит обидно, но, извините, товарищи, и сейчас слишком много среди вас мещан, людей, которые от беспартийных только тем и отличаются, что ходят на партсобрания, куда, кстати, все чаще теперь зовут и нас, благо чуть ли не все они проводятся открытыми.

Компартия Латвии пережила нелегкую зиму. 12 декабря стало ясно, что в основных регионах республики — Латгале, Курземе, Видземе — представители НФЛ набрали более 60 процентов голосов избирателей. Успех сопутствовал им и в половине районов города Риги. А что же коммунисты?

Как отмечал первый секретарь Рижского ГК партии А. Клауцен, они чаще предпочитают признавать ошибки, чем решительно отстаивать свою позицию; развенчивать неформалов, эксплуатирующих национальную идею не для улучшения дел в стране, республике, а как форму борьбы за власть.

ДЛЯ МЕНЯ более чем убедительно зву-

чат доводы М. С. Горбачева на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, где рассматривался вопрос о национальной политике партии в современных условиях. Выступая с докладом, он остудил некоторые горячие головы вот такими цифрами. Сегодня Латвия за счет ввоза удовлетворяет 96 процентов своих потребностей в топливе, 63 процента в продукции машиностроения. Братские республики поставляют ей половину необходимой электроэнергии, полностью цветные и на девяносто процентов черные металлы, четыре пятых сырья для химической промышленности.

До и после срочной я в общей сложности три года проработал в городе Олайне на заводе «Химреактив» аппаратчиком химического производства. Сызмала сам сохой пахал землю. Так что жизнь знаю и право на свое суждение имею. А оно таково: если моя Латвия пожелает отделиться от Советского Союза, это отбросит ее на полвека назад. Мне бы не хотелось жить в таких условиях. Не желал бы я этого ни жане, ни трюм своим детишкам, ни родным и близким.

Впрочем, так думают многие. Вот хотя бы суждения директора совхоза «Мадлиена» Ю. Белявника, которые напечатаны во втором сборнике «Латвия сегодня»:

«Говорят: нам поможет Запад. Но здесь есть немало серьезных контраргументов. Во-первых, пока вся экономика будет переориентирована на связи с Западом, сельское хозяйство полностью окажется дезорганизовано, а в городах из-за простоев предприятий начнется массовая безработица. Во-вторых, для приобретения в странах Запада сырья и техники нужны валюта или же конкурентоспособные товары. У Латвии нет ни того, ни другого, как нет и природных богатств. В-третьих, надо осознать, что экономическая помощь любой западной страны будет связана с политическими требованиями. Маленькие государства ведь никогда не могли диктовать свои условия богатым странам и их правительствам.

Так о какой же независимости идет речь? Легко представить, что такие серьезные экономические потрясения и политические перемены не останутся без последствий. Неизбежны волнения масс и стычки».

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить...

Я ОТДАЮ себе отчет в том, что мои избиратели ждут от меня четкой и ясной позиции, решительности в выражении их интересов. Мои взгляды согласуются с положениями платформы, предложенной Коммунистической партией на выборах в республиканские и местные Советы. В ней, по-моему, есть все — забота о судьбе страны, перестройки, каждого советского человека, в том числе и военнослужащего, о завтрашнем дне нашего общего многонационального дома.

Пропорщик Э. СМИРНОВ,
народный депутат.

112
113

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

ПОЧТИ одновременно с публикацией очерка майора Е. Артюхова о нашем училище «Альма-матер, или Размышления о жизни солдат четвертого года службы» (На боевом посту, 1989, № 4) в пермской областной газете «Молодая гвардия» был напечатан репортаж Т. Яковлевой «Служить бы рад...». Оба материала никого не оставили равнодушными. Касаются они не только нас, но во многом отражают ситуацию, сложившуюся в самой системе военного образования. Это повод для действительно откровенного и принципиального разговора. Тем более, что и Всесоюзный студенческий форум, в котором принимали участие курсанты наших училищ, выявил острую реакцию учащейся молодежи на нерешенные социально-экономические проблемы, ее неудовлетворенность ходом перестройки системы образования и воспитания, медлительностью в решении многих насущных и назревших вопросов жизни. А на заседании Политбюро ЦК КПСС признано целесообразным основные принципы молодежной политики партии в современных условиях отразить в платформе КПСС к XXVIII съезду партии.

МНОГО накопилось в училище проблем. Большинство из них упирается в саму систему, в учебные программы и уставы, в догматичные методики. И перестройка тут идет туго.

А ведь ни для кого не секрет — престиж военной профессии падает. Причин тому немало. Это и несоответствие оплаты ратного труда его содержанию и напряженности, и бытовая неустроенность, и безработица жен многих офицеров и прапорщиков. Я назвал лишь то, что, как говорится, лежит на поверхности. Снижаются конкурсы в военные училища, обрываются

офицерские династии. Формализм, процентомания, авторитарные методы руководства обучением и воспитанием в центре и на местах — все, чем больна высшая школа, не обошло стороной и нас.

Слушатель, студент, курсант — центральные фигуры перестройки высшей школы. О них — основные заботы. Пора отрешиться от расхожего принципа печальной памяти духовного безвременья: я говорю — вы слушаете; я вам «вправляю мозги» — вы исправляетесь... Изменились времена. Изменился и угол зрения. То, к чему притерпелись, с чем годами и десятилетиями молча ладили, сегодня уже не устраивает никого. Нужны радикальные изменения в деятельности военных училищ.

Один из центральных при этом вопрос: каковы роль и функции военных училищ МВД после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР о выведении из состава Вооруженных Сил СССР пограничных, внутренних и железнодорожных войск?

Сегодня командные училища присваивают своим выпускникам квалификацию: офицер мотострелковых войск с высшим военно-специальным образованием, преподаватель начального военного обучения. Она выбрана с ориентировкой на бывший Минпрос, а перечень учебных предметов, с учетом, разумеется, специфики училища, почти полностью повторяет набор дисциплин факультетов педагогики и методики начального обучения пединститутот. Например, в программе курса общей и военной педагогики предписывается раскрыть будущим офицерам «формы и методы внеклассных занятий, работы внешкольных учреждений, пионерских и комсомольских организаций в школе». Вот и подумалось, а что, если десятилетие назад ошиблись в главном — в выборе варианта профессии-

онализации училищ МВД? Или он уже морально устарел? Соответствуют ли ныне наши военные училища концепции реформы высшей школы и реалиям в связи с выходом внутренних войск из Вооруженных Сил? Давайте оставим себе право на ошибку, но лишим всех права ее скрывать. Давайте уважительно, терпимо, без подозрений и окриков попытаемся высказать свои сомнения. И сделаем это сейчас, в начале длительного пути формирования правового государства.

ВПОЛНЕ понимаю младшего сержанта В. Гришкевича, восстановленного в училище. Слишком много у него связано с офицерской профессией, отчего и приложил он немало усилий, чтобы вернуться в стены вуза. У него есть время, чтобы приобрести такие жизненно необходимые качества, как ответственность за порученное дело, требовательность к себе и подчиненным. Без этого, как известно, терпят неудачи многие на офицерском поприще. Если взглянуть на вещи шире и глубже, к чему призывает и журнальная публикация, то следует согласиться, что питомцы наши отражают как в капле воды сильные и слабые стороны сложившегося на сегодня командно-преподавательского состава, уровень его образования, жизненного, служебного, методического опыта, педагогического мастерства и, если хотите, такта.

Аудитория прощает преподавателям многое. Но она никогда не простит поверхностные, нудные лекции, смонтированные из нескольких популярных брошюр и вузовских учебников, или серые, трафаретные семинары, групповые занятия, которые не вызвали интереса, не побудили хотя бы к простому обмену мнениями. Но понимают это далеко не все, в том числе и люди опытные. Так, старший преподаватель тактики подполковник В. Коптелов, живя старым багажом, на разборе занятия заместителем начальника училища повел себя амбициозно. Уверовав в собственную непогрешимость, он нагрубил проверяющему, за что был подвергнут суду офицерской чести, снижен в занимаемой должности. Факт сам по себе тревожный, говорящий о многом. Никакие академии, никакие университеты не приведут к успеху, если нет уважения и доверия к обучаемым.

НА МОЙ ВЗГЛЯД, назначать майора, а тем более подполковника преподавателем — поздно. Без необходимого педстажа предлагать сразу должность старшего преподавателя, пожалуй, тоже не следует. Но порочный подход, к сожалению, бытует при формировании педагогического коллектива нашего училища. Редка альтернатива при назначении не только на преподавательские, но и на командные должности. Комплектование идет где-то далеко, внутри кабинетов кадровых органов, и о том, есть ли у офицера дан-

ные для работы в военно-учебном заведении, судят чаще всего по анкете. К тому же не берется в расчет и такая житейская истина: наиболее ценными кадрами не поступится ни один командир или начальник...

Необходимо, думается, всячески поддерживать и мнение, прозвучавшее в журнале, что командир на каждый учебный взвод курсантов — это все-таки роскошь. Раньше один офицер приходился на две курсантские группы и неплохо справлялся со своими обязанностями, опираясь на сержантов, партийный и комсомольский актив. Возможно, к этому следовало бы вернуться при одном неперенном условии — освободить командиров от несвойственных им функций. А за счет высвободившихся средств в каждой роте, конечно, было бы полезно иметь заместителя командира по политической части. Результат, не сомневаюсь, превзойдет ожидания.

ПО ОПЫТУ родственных вузов у нас в училище разрабатывается профессиограмма выпускника, в чем большой вклад заместителя начальника кафедры партийно-политической работы, педагогики и психологии подполковника В. Доброторского. В ней в связи с нынешней профориентацией показано содержание профессии, подчеркнута значимость каждой учебной дисциплины в формировании будущих офицеров. Профессиограмма дает возможность всем преподавателям, офицерам учебных подразделений правильно ориентировать курсантов в подготовке к службе в войсках, обеспечить последовательность приобретения практических навыков, преемственность отдельных видов групповых, индивидуальных заданий и принципа их постепенного усложнения. Однако теперь вслед за накопленным опытом нужен и обобщающий этап. Пока же курсанты программу обучения все-таки «проходят». Предстоит уладить исследования на межвузовском уровне и продолжить самим разработку структуры профессиограммы, помня при этом высказывание М. С. Горбачева на студенческом форуме о том, что в реформе высшей школы важно обеспечить постоянное развитие, обновление системы образования в соответствии с потребностями быстро меняющегося времени.

НЕМАЛЫЙ пласт — привитие курсантам культуры поведения, эстетическое воспитание. Все это жизненно, если одухотворено делом, которому служишь, а не понукается лозунгами, девизами и надуманными, не от жизни идущими мероприятиями. А именно ими, к сожалению, до предела заполнен широко распространенный перспективный комплексный план основных массово-политических мероприятий по воспитанию курсантов на весь период обучения.

Собираем в частях листовки о своих выпускниках. Жаль только, что нет в учили-

ще филиала Центрального музея внутренних войск. Не припомню, чтобы оттуда привезли хотя бы одну передвижную экспозицию или выставку.

Подростеряли мы и культуру чтения. Наверное, не случайно, когда председатель Государственной экзаменационной комиссии спросил в беседе с выпускным курсом, какая самая читаемая книга года; то вместо широкого перечня произведений, которые у всех на слуху, пошли ссылки на то, что «проходили» еще в школе. Вот и подумалось: может быть, взамен военно-научного общества или внутри его создать клуб или секцию любителей политической, художественно-публицистической книги?

Тормозом на сегодня является то, что действующие программы и учебники во всем без исключения общественным наукам не дают научно-критической картины социальной жизни, перенасыщены схоластикой и догматизмом, а по тактике внутренних войск, замечу попутно, учебник вообще отсутствует.

РЕЗЕРВ активизации учебного процесса — занятия курсантов по индивидуальным планам. На каждом курсе, в каждой роте, да и в каждом взводе есть курсанты, кому по силам учиться именно так. К тому же, если подойти по-государственному, они могли бы сослужить хорошую службу вузу, например, по набору абитуриентов. Для этого, досрочно приняв экзамены, надо отпустить лучших всего лишь на 7—10 дней раньше установленного срока и позаботиться о целенаправленном проведении ими каникулярных отпусков, особенно зимних. Вручить краткую историческую справку об училище и путевку, которая будет возвращаться ими с отметкой о проведенной работе в частях по месту жительства. Так мы сможем сэкономить немало средств, уходящих на бесконечные командировки офицеров по «вербовке» очередного набора.

Возьму на себя смелость утверждать, что учебно-воспитательный процесс сегодня громоздок, излишне регламентирован, оторван от жизни. Это подтверждает и анкетирование старшего курса. Есть проблемы, которые в дополнение к поднятым в журнале (преодолеть разрыв между словом и делом; подвести под вузовскую перестройку законодательную базу; изменить социальный статус курсантов и др.) прямо вопиют. Так, к примеру, абсолютное большинство абитуриентов, прибыв в училище, далеко не полностью представляют себе будущую профессию, характер учебы в училище МВД. Отдельные из них, столкнувшись с такими непривычными для себя вещами, как дисциплина строя, необходимость строгого соблюдения распорядка дня, беспрекословного выполнения приказов и распоряжений командиров и началь-

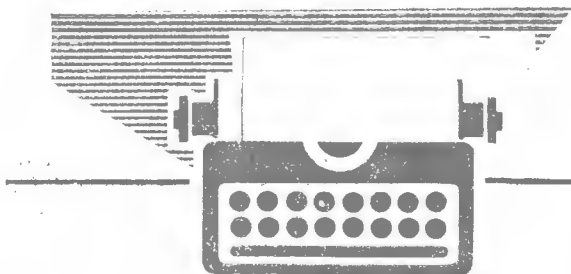
ников, участие войск в, скажем так, не очень-то популярных у народов ряда республик страны акциях, начинают сомневаться в правильности своего выбора. Не редко на столы командиров ложатся рапорты с просьбой отчислить из училища... Бывало, конечно, с иными курсантами расставались без особого сожаления. Но с других вспоминают с горечью и болью. Вот и случай с В. Гришкевичем его нынешний заместитель командира батальона по политической части подполковник В. Потопальский комментирует так: «Этот горький опыт нужно обязательно использовать в интересах дела. Ведь пока курсантов будут воспринимать лишь как будущие офицерские кадры, игнорировать как личности с их печальями и радостями, интересами и заботами, вряд ли они перестанут быть солдатами зного года службы». С этим трудно не согласиться.

С ПОЗИЦИЙ современных требований нельзя не сказать и о материальной базе нашего училища. Она находится в тяжелом состоянии. Здесь надо пройти через момент истины. В стадии строительства второй учебный корпус. Но как нет сейчас, так и не запланированы оборудованные по последнему слову амфитеатровые аудитории для лекционных потоков. А ведь этому военному городку через какое-то десятилетие предстоит вступить в XXI век. Нет пока и спортзала, плавательного бассейна, бани. Общая забота — низкая техническая оснащенность учебно-воспитательного процесса, не говоря уже о компьютеризации, элементарной училищной типографии.

КАК ДОСТИЖЕНИЕ преподносится сегодня то, что курсанты — по одному от курса — вошли в ученый совет училища, хотя представительство их должно быть значительней. А уж если говорить по большому счету, то давно пора перестать уподоблять их пассажирам поезда, которых не спрашивают о маршруте, скорости движения и комфорте, а только говорят: смотрите сюда, смотрите туда, запомните это, уясните то... И последнее. В войсковой печати, в том числе в журнале «На боевом посту», все еще дозированно подается реальная действительность, довольно робко ставятся наиболее болезненные проблемы военных училищ. А ведь всесоюзные форумы сначала учителей, а теперь — студентов, подготовка к XXVIII съезду КПСС настоятельно диктуют необходимость принятия мер по радикальной перестройке вузовского дела. Но при этом важно сохранить все лучшее, что наработано десятилетиями. Чтобы, как говорится, вместе с водой не выплеснуть нам и ребенка.

Подполковник В. ЧАВАЧИН,
заместитель начальника кафедры
марксизма-ленинизма ПВВКУ МВД СССР,
кандидат философских наук, доцент.

113
114

НУЖНЫ ЛИ НАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ?

Нет-нет да и раздаются такие голоса. И не где-то в подворотнях, кулуарах, а с громких трибун, с представительных форумов и совещаний. Даже на пленуме Московского комитета партии прозвучала мысль, мол, поаккуратнее надо быть с призывом отстаивать социалистические ценности и идеалы.

Уже и само слово «социалистический» кое у кого вызывает озноб, прямо-таки аллергию. Если революция, то почему она социалистическая, если плюрализм, то при чем тут социалистический, да и стоит ли идеал рассматривать в таком контексте? Вопросов больше, чем ответов. А подливают в огонь горючего некоторые средства массовой информации. Хотим мы этого или нет, но через прессу частенько получают визу на вхождение в нашу жизнь, мягко говоря, сомнительные моральные и культурные ценности.

«В последнее время, — как сказал в одном из своих выступлений Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев, — появились и такие рекомендации, из которых следует, что «спасение» наше в одном — отказаться от социалистических ценностей и вести перестройку на капиталистический лад. Есть и такое.

Нет надобности говорить о том, что это противоречит сути перестройки, направленной на социалистическое обновление общества».

Мы все были свидетелями, как и на Съездах народных депутатов СССР кое-кто начал активно ставить под сомнение руководящую роль КПСС, навязывая обсуждение вопросов о перекройке статей Консти-

туции СССР. Что это, если не попытка ударить по партии, по ее авторитету? И правильно поступило большинство Съезда, дав решительный отпор этому.

Делегаты Съезда с обеспокоенностью говорили, что находятся такие «идеологи», которые пытаются девальвировать наши ценности. Но если отнять у нас традиции Стаханова, если обезличить в сердцах юных подвиг Павки Корчагина, попытаться принизить мужество молодого гвардейца, стойкость Петра Барбашова, отвагу воинов-интернационалистов, среди которых в Афганистане было немало воспитанников внутренних войск, то это значит лишить нас истоков, которые питают социалистические ценности, наши идеалы.

Мы не все заимствуем из нашего прошлого. Решительно отвергаем слепую покорность, отказываемся от безразличия, отбрасываем апатию. Но подлинные ценности революционного наследия всегда будут с нами. И прежде всего — наши идеалы, рожденные Октябрем, выстраданные народом, завоеванные его кровью: «Вся власть Советам!», «Фабрики и заводы — рабочим», «Мир — народам», «Каждой нации — свободное развитие». И здесь же, конечно, самоотверженность в борьбе за дело народа, исторический оптимизм и любовь к Родине, социалистический интернационализм.

Именно эти идеалы наши парии отстаивали в Фергане, защищают сегодня в Нагорном Карабахе, Баку и Южной Осетии, везде, где людям нужна помощь, где есть угроза общественной безопасности.

Такие идеалы нам нужны. Они всегда в нашем арсенале, как острейшее оружие, как компас.

115

Генерал-майор В. А. ПОНОМАРЕВ,
начальник Приволжского управления внутренних войск МВД СССР,
отвечает на вопросы нашего корреспондента

НЕ УПУСТИТЬ СВОЙ ШАНС

— Каждому из нас предоставлялось три месяца на раздумье: кому отдать свой голос на выборах в Советы народных депутатов Российской Федерации. И хотя голосование тайное, контроль за волеизъявлением недопустим, все же, Вячеслав Анатольевич, за кого, если не секрет, проголосуете вы 4 марта?

— Да какие могут быть секреты?! Все мы видим, в каком тяжелейшем состоянии находится Россия. Ей нужны не только реформы, а и настоящая сыновья любовь, забота. На такое способны люди совестливые, деятельные, компетентные. Но это совсем не значит, что Советы народных депутатов РСФСР должны сплошь состоять из юристов, экономистов, социологов и т. д., в чем нередко пытаются убеждать нас иные говоруны. Кто будет отстаивать тогда интересы рабочего человека? Или, например, кто даст гарантию, что, не имея своего представительства в Советах всех уровней, мы, военнослужащие, не станем жертвами скоропалительных, непрофессиональных решений новых органов власти?

Моя симпатия, как коммуниста, на стороне партии. Ее предвыборную платформу полностью поддерживаю. В Обращении ЦК КПСС к советскому народу в связи с предстоящими выборами есть очень хорошие слова: «Избирая съю, Советскую власть, мы выбираем мир, благополучие, труд во имя лучшей жизни всех соотечественников».

— Насколько мы понимаем, кандидаты в народные депутаты — представители во-

зглавляемого вами управления войск — настроены серьезно побороться за места в Советах и при желаемом исходе по-настоящему отдать себя депутатской деятельности?

— Безусловно. Выборы народных депутатов СССР нас тоже кое-чему научили. Не стану перечислять причины неудач, скажу только: для того, чтобы на этот раз не упустить свой шанс, мы постарались не повторять ошибок, отойти от шаблона и стереотипов. Внесли коррективы в деятельность идеологического актива: главное внимание в предвыборной работе уделять острым проблемам нашей жизни и деятельности войск, сразу же правдивостью, убедительностью своих доводов опровергнуть домыслы и слухи.

Мы проанализировали статистические данные опроса, проведенного Волго-Вятским отделением Всесоюзного центра изучения общественного мнения совместно с горьковским горкомом ВЛКСМ по итогам выборов в высший орган власти страны. Цифры свидетельствовали, что менее трети опрошенных сразу выбрали за кого голосовать; 27 процентов молодых избирателей пришли к своему решению только к середине предвыборной кампании; еще четверть — определилась в день голосования, буквально на избирательном участке. Стало быть, бороться надо до конца, невзирая на то, что поначалу кое-кто из избирателей в силу не совсем верного понимания значения нашей службы, возможно, и окажется не на нашей стороне. Не надо

терять уверенность: в конце концов люди сумеют отличить кликушу с демагогическими заявлениями и несостоятельными обещаниями от человека дела, чью миссию по поддержанию общественного порядка в Закавказье и Средней Азии товарищ М. С. Горбачев назвал спасительной.

Как смотрит на военного гражданский человек? С полным ли доверием? Нет. А почему? Да потому, что в его глазах мы временные люди на территории поселкового, городского, районного ли Совета. По возможности мы это учли. К примеру, майор В. Смолин выдвинут в один из райсоветов Чебоксар. По национальности он чуваш, продолжительное время служит в Чувашии, отлично знает проблемы и города, и республики. И деловые качества у него на высоте. Ему по душе общественная работа, близки заботы и тревоги земляков, он не равнодушен к людям, нуждающимся в помощи и поддержке.

Впрочем, какой бы крепкой ни была предвыборная платформа кандидата, ему самому не под силу преодолеть избирательный марафон. Не те нынче времена, да и один в поле не воин. Поэтому на первый план вышла наступательная работа повсеместно созданных инициативных групп. Партийные и комсомольские активисты, хозяйственники, журналисты, офицеры и прапорщики, имеющие депутатский опыт, практически до 4 марта останутся и консультантами кандидатов в народные депутаты, и организаторами политической, агитационной работы среди военнослужащих, местного населения. Конечно, им приходится потяжелее, чем гражданским коллегам: служба есть служба, к тому же материально-техническая база у нас оставляет желать лучшего. Однако наши берут, как говорится, не числом, а умением.

— Интересно, какие вопросы чаще всего звучали на встречах избирателей с кандидатами в депутаты из наших войск, их доверенными лицами?

— На союзном уровне Советы берут власть в свои руки. На местах же, извините, пока одни разговоры. Вот и хочется избирателям получить гарантии необратимости политической реформы, ощутить ее правовое и материальное обеспечение. Это во-первых.

Во-вторых, что вполне естественно, всех интересует деятельность внутренних войск и в годы перестройки, и в годы застоя,

и особенно в сталинские времена. Народ желает знать всю правду без недомолвок и приукрашивания. Предвидя ход событий, мы стремились, чтобы наши товарищи были основательно «подкованы» в любом вопросе. Тем более, что за последний год уровень гласности значительно возрос.

— В числе просчетов на выборах народных депутатов СССР отмечалось наше общее неумение использовать средства массовой информации. Есть ли здесь заметные сдвиги?

— В «Комсомольце Татарии», саратовской «Заре молодежи», горьковских «Ленинской смене» и «Горьковской правде», других газетах появились материалы о внутренних войсках, нелегкой службе наших солдат и офицеров. Выступили в печати генерал-майор Л. Павлов, полковник С. Кавун...

Интересной получилась дискуссия о фильмах «Караул» и «Кирпичный флаг» редактора войсковой газеты «Начеку» подполковника А. Чибисова с журналистом А. Блудышевым в художественно-публицистической передаче горьковского телевидения «Зеркала». Следом использовали телеэкран представители частей, где служат офицеры А. Горлов, Ю. Ильин... Словом, и здесь сдвиги есть.

— Если представители войск вашего управления победят на выборах, то как они смогут совмещать трудную службу с не менее ответственными депутатскими обязанностями? Не помешает ли одно другому?

— Этот вопрос мы обсуждали еще в ходе выдвижения кандидатов в народные депутаты. Учитывали их занятость по службе, возможность периодического отвлечения от выполнения функциональных обязанностей и т. п. Мы ни в коем случае не оставим наших депутатов без внимания, заботы и участия. При необходимости снизим им и служебную нагрузку.

— В связи с этим, Вячеслав Анатольевич, и такой деликатный вопрос. Не помешает ли народному избраннику его общественная работа продвигаться по служебной лестнице? Ведь депутатские обязанности придется выполнять длительное время.

— Думаю, если такая ситуация возникнет, мы сможем сделать так, чтобы человек ни в чем не был ущемлен. Иначе это будет просто несправедливо.

115
116

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

ВЕК ЖИВИ— ВЕК УЧИТЬСЯ

В девятом номере журнала за 1989 год было опубликовано письмо младшего сержанта Б. Алиева «Зачем же учили?...» В нем автор недоумевал: учили его, учили на прапорщика — выучили, а звания не присвоили. В редакцию уж и ответ за подписью генерал-майора В. Пономарева пришел, что рассматривается наконец вопрос о присвоении Б. Алиеву должного звания. И было это в апреле! Ну, подумали мы, все теперь в порядке.

Не тут-то было. В конце сентября Алиев вновь обратился в журнал: опять ему предлагают... поехать поучиться на прапорщика. Каково? Младший сержант пишет, что «это просто издевательство и бюрократизм». Мы тоже так считаем.

ОТ РЕДАКЦИИ. Пока заметка готовилась к печати, из Приволжского УВВ пришло сообщение: Б. Алиеву присвоено звание прапорщика. Поздравляем!

ПОСТУПИЛА ТЕЛЕГРАММА
Выражаем благодарность военнослужащим, самоотверженно защищавшим жизни тысяч турок-месхетинцев в ферганских событиях летом 1989 года.

Наш народ никогда не забудет мужества рядовых Виктора Шелеца, Сергея Бутова, Александра Дедушенкова, Виктора Гнедеца, Владимира Незнамова, Александра Лазаренко, их командиров — Виктора Еловского, Владимира Васильева, Владимира Енягина. Их имена мы чтим наряду с именами национальных героев.

Председатель
правления колхоза «Адыгюн» БАЙРАГДАРОВ,
беженцы из Ферганской области РИЗАЕВ, АСЛАНОВ,
КАМБАРОВ и другие.

Азербайджанская ССР.

ПИСЬМО ПО ТЕЛЕФОНУ

КТО ВИНОВАТ?

Пролилась кровь на улицах старого Баку. Бесчинства, преступления, забастовки и беспорядки — это дело рук националистических экстремистских группировок. Их цель — разжечь вражду между народами, помешать движению перестройки в Закавказье.

Чрезвычайное положение, введенное в городе, — ответная мера на попытки экстремистов свергнуть Советскую власть в регионе, спровоцировать братоубийственные столкновения.

Не раз приходилось видеть листовки: «Оккупанты, вон из Азербайджана!», «Каратели, убирайтесь из Баку!». Неформалы из кожи вон лезут, чтобы посеять рознь между армией и народом, воинами различных национальностей, вытравить из солдатских сердец светлое чувство интернационализма и патриотизма, дружбы и войскового товарищества. Нас призывают не вмешиваться, вывести войска из республики. Но тщетно, воины внутренних войск не были и не будут сторонниками насилия.

Лейтенант С. ЗАХАРОВ,
политработник, г. Баку.

ХОЧУ СЛУЖИТЬ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Не удивляйтесь, пишет военнотружущий Советской Армии рядовой Вадим Гороховский. Обращаюсь к вам в надежде, что окажете содействие в одном очень важном для меня деле: помогите перевестись в ваши войска, а именно — в орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменную дивизию имени Ф. Э. Дзержинского.

Спросите, чем же вызвана такая просьба?

Расскажу все по порядку.

Летом 88-го поехал на производственную практику — учился я в техникуме на геодезиста — в Ереван. Потом работал в ряде районов на границе Армении и Азербайджана. Побывал и в Нагорном Карабахе. На моих глазах происходили печально известные демонстрации в Ереване, доходившие до крайностей стычки между армянами и азербайджанцами, вечерашними добрыми соседями. Вопросы: почему правительство прислало туда внутренние войска? — у меня не возникало. Только они могли оста-

новить трагическое развитие событий, огрaдить население от хулиганских выходов распоясавшихся экстремистов. Там я впервые увидел, чем занимается дивизия Дзержинского. Там понял, что должен быть среди этих смелых и решительных ребят.

Вернувшись домой, я стал усиленно готовиться к службе во внутренних войсках. Начал серьезно заниматься спортом — атлетической гимнастикой, вырабатывал в себе твердый характер, другие необходимые солдату правопорядка качества. Но судьба распорядилась вопреки моим замыслам. Попал служить в Советскую Армию. Место службы, к сожалению, не выбирают.

Дорогая редакция!

Настоятельно прошу вас — помогите мне. Уверен, что, находясь в прославленной дивизии, принесу гораздо больше пользы Родине и народу.

С надеждой жду ответа.

Рядовой В. ГОРОХОВСКИЙ.

Н-ская часть, г. Москва.

Письмо рядового В. Гороховского комментирует офицер ГУВВ подполковник А. ПОКРОВСКИЙ:

— Перевод из одного вида Вооруженных Сил в другой (к нему приравнивается перевод во внутренние войска) производится распоряжением Генерального штаба Министерства обороны СССР.

Главное управление внутренних войск МВД СССР готово пойти навстречу рядовому В. Гороховскому, но, чтобы ходатайствовать перед министром обороны о его переводе, нам необходимо согласие командира части, где служит воин.

Автору письма следует написать рапорт по команде с просьбой о возбуждении ходатайства перед Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР о переводе его для продолжения службы во внутренних войсках МВД СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Будем считать письмо рядового В. Гороховского официальным обращением к командиру части.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Н. Энис — прапорщик, санинструктор подразделения. В связи с проводимыми в части организационными мероприятиями должность, которую занимала она, теперь комплектуется военнотружущим сверхсрочной службы. На просьбу оставить ее на прежнем месте Нина Владимировна получила отказ. Правомочен ли он!

Предлагаем комментарий старшего офицера управления кадров ГУВВ МВД СССР полковника В. ТУКАЛКИНА.

СОКРАТИЛИ ДОЛЖНОСТЬ...

Следует сразу же сказать, что в данном примере речь идет не о переименовании должности, а о сокращении должности прапорщика и введении должности солдата, которая комплектуется военнотружущим сверхсрочной службы.

В соответствии с существующими нормативными документами прапорщики не могут проходить службу на должностях солдат и

сержантов, поэтому командир вправе предложить военнотружущему, должность которого сокращена, продолжить службу на должности прапорщика в этой или в другой воинской части, где есть вакансии должностей прапорщиков. А при невозможности использования или отказе от перемещения места службы представить прапорщика к увольнению по сокращению штатов.

Мы, жители Абхазии — абхазцы и грузины, русские и мегрелы, армяне и греки, представители других национальностей, просим выразить через ваш журнал искреннюю благодарность войскам МВД СССР за проводимую ими большую работу по нормализации обстановки, обеспечению безопасности и спокойствия грудящихся в нашей автономной республике.

ШАМБА Р. П. и другие
(всего 24 подписи).

Наш регион переживает трудное время. Особенно тяжело пришлось летом восемьдесят девятого. Могли погибнуть ни в чем не повинные люди — дети, старики... Но этого не случилось. Просим передать нашу признательность внутренним войскам МВД СССР.

Сотрудники санатория
«Волга» Л. АГРБА и другие
(всего 14 подписей).

г. Гудаута.

Несколько лет начальником политотдела нашей части был подполковник А. Костогрыз. Много хороших перемен произошло у нас благодаря именно его активной деятельности. Это при его непосредственном участии искоренили мы наконец «дедовщину», подняли на более высокий уровень дисциплину. Под его руководством значительно улучшились жизнь и быт военнослужащих.

Сейчас он выдвинут на вышестоящую должность. Завидуем людям, которые будут служить с ним рядом! Желаем Александру Дмитриевичу здоровья, отличного настроения. А в его успехах на новом месте мы не сомневаемся.

Бывшие сослуживцы
А. КОСТОГРЫЗА

ПОДАРИЛ ЖИЗНЬ

Донор — означает дарящий. Человек, отдающий свою кровь, дарит другому жизнь. Обычно бескорыстно, без лишнего слов. И при этом не считает себя героем: подарили — и все.

В одну из наших газет пришло благодарственное письмо женщины-азербайджанки. Читать без волнения нельзя: «...У меня случилось огромное горе: в тяжелом, бессознательном состоянии моего сына привезли в больницу, срочно нужна была кровь. Такой группы не оказалось. Зашла в одну из палат, там лежал на вид мальчик, который тут же вызвался помочь моему горю ради спасения жизни совсем ему незнакомого человека. Я, как многодетная мать, выражаю ему благодарность за его гуманность...»

Эти строки из письма матери Рази Ажисалиева, который благодаря своевременному переливанию крови остался жив и чувствует себя хорошо. А неизвестный юношей оказался воин наших войск — рядовой Бауыржан Альменов. Комсомолец. Солдат первого года службы. Когда его благодарили, рассказывали о нем даже по местному телевидению, парень был явно смущен: сам он не находил ничего выдающегося в таком поступке. Его пригласили на областной телевизионный конкурс «Самый благородный поступок», где он стал одним из победителей. Получая приз, рядовой Альменов сказал: «Когда потребовалась кровь молодому парню, моему сверстнику, то я ни о чем другом и не мог подумать: надо — и все... Для меня милосердие означает помочь другим, быть добрым к людям, не оставлять их одних с их заботами...»

Хороший поступок совершил Бауыржан. Но еще больше симпатии вызывает его скромность. Ну что такого из ряда вон выходящего в нем, считает Альменов, если его товарищи поступали так же, отдавая свою кровь братьям разных национальностей, пострадавшим в Армении? А таких ребят в его подразделении много: Анатолий Бородич, Ауремус Марксас, Гинтас Жукявичус, Юрий Залугин — всех их служба сделала братьями. И они, не задумываясь, помогают людям, дарят им жизнь.

Подполковник Н. СТРЕЛКОВ.

ЛЕТОПИСЬ РАТНЫХ БУДНЕЙ

В МУЗЕЕ — НОВЫЙ ЭКСПОНАТ

Недавно в филиал Центрального музея внутренних войск при Харьковском высшем военном училище тыла МВД СССР был передан на постоянное хранение красочный альбом — своеобразная летопись служебной деятельности частей и подразделений наших войск в горячих точках страны.

Заботливые руки солдат и местных жителей собрали десятки фотографий с мест тревожных событий, газетные публикации, грамоты — награды воинам за ратный труд, воспоминания и свидетельства очевидцев.

До того, как альбом был выставлен в экспозиции музея, он существовал на развернутых листах фотовыставок, в планшетах полевых ленинских коммат, на городских стендах, в папках командиров и политработников.

Сегодня альбом-летопись доступен для знакомства каждому посетителю. Наглядная иллюстрация доброго предназначения внутренних войск, своеобразный накопитель правдивой информации о делах солдат правопорядка, он пользуется большим вниманием у посетителей музея.

Подполковник в отставке П. ЧАПЛЫГИН.

ВОТ ТАК ПОЗИЦИЯ!

В № 3—89 г. была напечатана статья «Анатомия конфликта», в которой критике подвергся командир части подполковник В. Лефлер. За грубость, нетактичность в отношении подчиненных.

Четыре месяца редакция ждала ответ политотдела Приволжского управления внутренних войск. За это время Владимир Александрович вырос до полковника (иногда критика помогает), а политотдел не смог написать и строчки. Ему напомнили об обязанности своевременно сообщать о принятых мерах.

В конце октября (!) пришел наконец ответ. Но не из политотдела Приволжского управления войск, а из части, где командиром... полковник Лефлер. Сообщалось, что статья и отклики на нее обсуждены на совещании политотдела и в парторганизации управления части.

«Факты грубости, черствости, нетактичности, изложенные в публикации, действительно имели место. Коммунисту Лефлеру строго указано на недопустимость такого отношения к подчиненным. Из публикации журнала и критики коммунистов тов. Лефлер сделал правильные выводы».

Что ж, читатель имеет возможность сделать свой вывод о позиции политотдела войск и задуматься: не формализм ли это и прямое игнорирование выступления журнала? Чем-то другим объяснить факт, когда запрос редакции переправляют в часть, командир которой критикуется, и рекомендуют подготовить соответствующий ответ с оценкой его действий, — затруднительно. До такого еще надо додуматься.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

НИЧЕГО СЕБЕ НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ...

Долго пришлось ждать прапорщику Ю. Романову приказа об увольнении его из войск по окончании срока обязательности — более четырех месяцев. Но не это заставило человека взяться за письмо в журнал. Дело в том, что при расчете его буквально ошарашили новостью: уволен он не по собственному желанию, а по служебному несоответствию. Со всеми вытекающими последствиями.

На запрос редакции по этому тревожному сигналу пришел ответ за подписью генерал-майора З. Сидоренко. В нем сообщается, что жалоба прапорщика обоснованна. Оказывается, приказом начальника внутренних войск МВД СССР по Уралу тов. Романов уволен в запас, как и положено, по выслуге установленного срока службы, но из-за невнимательности командира (фамилия его почему-то не названа) и соответствующих работников штаба (они тоже никак не обозначены) расчет его произведен по служебному несоответствию. Ничего себе невнимательность! Она ведь бьет человека по карману, не говоря уже о моральных издержках.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«ВИДЕО В СОЛДАТСКОМ КЛУБЕ...» (1989, № 9)

Политработник подполковник А. Копьев сообщил, что изложенные в публикации факты в основе своей соответствуют реальному положению дел. Действительно, в части прибегали к услугам видеокооператива, созданного при ЦК ЛКСМУ. Репертуар фильмов для показа военнослужащим кооператорами согласован с Политуправлением Киевского военного округа. Тематика ежемесячно утверждалась политотделом части. Плата за демонстрацию одного фильма составляла 75 копеек, что хоть и гораздо ниже платы в видеоклубах города, тем не менее не каждому солдату по карману. Именно по этой причине было принято решение отказаться от услуг кооператива.

В октябре 1989 года воинская часть в плановом порядке получила видеоманитонфон с набором кассет. При клубе оборудован видеозал.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

118

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКА: ЗА И ПРОТИВ

В последнее время в печати, а также в выступлениях и интервью некоторых народных депутатов СССР, других общественных деятелей высказываются предложения о создании профессиональных, другими словами, наемных внутренних войск МВД СССР. Например, в «Литературной газете» за 29 ноября 1989 года один из авторов вносит предложение иметь их по образу и подобию национальной гвардии США.

Такая перспектива реорганизации внутренних войск может показаться привлека-

тельной. И главный аргумент — поддерживать общественный порядок в экстремальных ситуациях, подобных Фергане, Сумгаиту, Тбилиси будут не 18—20-летние солдаты, а зрелые, подготовленные люди.

Резон в такой постановке вопроса есть — иметь профессиональные части охраны порядка было бы неплохо. Однако необходимо оценить все стороны этого предложения. Остановлюсь только на некоторых.

Первое — финансы. Для перевода не всех внутренних войск, а только той их

ДЕЙСТВОВАТЬ В РАМКАХ ЗАКОНА

«...Я считаю, то, что они сделали до сих пор, они делали ответственно... Они так же, как все мы, заинтересованы в перестройке. И я думаю, на их миссию надо смотреть, как на спасительную миссию... Я уверен, они так и будут действовать — в рамках закона, оберегая безопасность людей».

Эти слова были сказаны М. С. Горбачевым в ноябре 1989 года на Всесоюзном студенческом форуме о войсках внутренних войск, которые выполняли и продолжают выполнять нелегкие, но очень важные задачи по охране правопорядка в регионах, где вспыхивали конфликты на международной почве, — в Закавказье, Средней Азии, Молдавии.

Оценка действиям внутренних войск дана высокая, но в то же время и предельно объективная. За ней — каждодневный и еженощный солдатский труд сотен и сотен военнослужащих, надолго оторванных от дома, от семьи, от мест постоянной дислокации, находящихся в условиях, которые ввиду крайне низкого уровня бытоустрой-

ства принято называть полевыми. К этому следует добавить их явно недостаточную правовую защищенность.

Недостаток правового обеспечения внутренние войска почувствовали особенно остро после сумгаитских событий в феврале 1988 года. Разработанный в спешном порядке Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля того же года «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка» впервые установил на законодательном уровне регламентацию действий военнослужащих в подобных ситуациях.

Однако практика его применения, и особенно расследование причин тбилисской трагедии, послужили основанием для целого ряда выступлений в печати, а также депутатских запросов.

В соответствии с поручением Съезда Комитет Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка всесторонне изучил проблему и сделал вывод о том, что Указ в целом сыграл положительную роль. Вместе

части, которая непосредственно выполняет задачи охраны общественного порядка, потребуется по ориентировочным подсчетам 1,5—2 млрд. рублей в год. В условиях огромного дефицита государственного бюджета такая мера несвоевременна.

Второе — кадры. Чтобы укомплектовать профессиональные части, нужна такая прозаическая вещь, как квартиры. Кто и из каких «фондов» их даст? Ответ однозначный: в нужном количестве их не будет. Часть можно укомплектовать добровольцами и не имея квартир, если дать им оклады по 400—500 рублей. Тогда сумма затрат на их содержание будет уже не 1,5—2 млрд., а в два-три раза больше. И тут есть опасность, что на службу придется наниматься не тот, кто нужен, а тот, кому нужны деньги. Укомплектованные случайными людьми, новые, так называемые, профессиональные части охраны порядка вполне могут оказаться хуже старых, укомплектованных по призыву.

Третье и, очевидно, самое главное — служебно-боевые возможности. Хотим мы или нет, наемные части внутренних войск неизбежно окажутся местными формированиями, а в союзных и автономных республиках — национальными. Поэтому весьма сомнительно, что они смогут выполнять нынешние функции внутренних войск. Автор упомянутой статьи в «Литературной газете» пишет, что 18—20-летние солдаты внутренних войск в Нагорном Карабахе стоят стеной между двумя враждующими лагерями. Встанет ли стеной между экстремистами двух национальностей личный состав местных, национальных профессиональных частей? Как показали действия милиции в названных выше городах, не встанут и свой долг не выполнят.

Следует сказать и о некоторых законодательных актах, имевших место в нашем законотворчестве в последнее время.

Например, известным Указом Президиума Верховного Совета СССР внутренние и пограничные войска — заметьте, войска,

с тем его отдельные положения частично не соответствуют конституционным нормам.

В частности, было признано, что предоставление права входа военнослужащим войск в жилые помещения граждан без законных оснований противоречит статье 55 Конституции СССР. Кроме того, Указ недостаточно четко определяет порядок привлечения внутренних войск к выполнению возложенных на них обязанностей, в нем не нашли должного отражения основания применения специальных средств.

В этой связи Комитет принял решение внести в действующий правовой акт необходимые дополнения и изменения, а затем представить обновленный законопроект на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Одновременно было рекомендовано безотлагательно приступить к разработке проекта закона о внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР, который бы стал прочной правовой базой по вопросам их строительства, служебной деятельности и обучения, комплектования кадрами и личным составом, обеспечения всем необходимым для успешного выполнения поставленных задач.

Работу группы по подготовке документов возглавили народные депутаты СССР Н. Федоров и С. Станкевич, в нее были включены ученые-правоведы и практические работники Министерства внутренних дел, в том числе внутренних войск, Министерства юстиции СССР, Верховного суда, а также Прокуратуры СССР и других заинтересованных ведомств и организаций.

В ноябре 1989 г. дополненный и в ряде положений обновленный законопроект об

обязанностях и правах внутренних войск при охране общественного порядка был представлен в парламентский Комитет, заинтересованно обсужден его членами, предметно доработан и внесен в Верховный Совет СССР.

Однако вследствие большой загруженности осенней сессии нашего парламента, срок работы которой, как известно, был даже продлен, некоторые внеплановые законопроекты, в том числе и наш войсковой, отложены для рассмотрения на одной из очередных сессий.

В представленном законопроекте нашли отражение изменения, которые произошли в правовом положении внутренних войск в связи с выведением их из состава Вооруженных Сил СССР, уточнены принципы управления ими. В частности, в ст. 1 указано, что внутренние войска входят в систему Министерства внутренних дел СССР и в своей деятельности руководствуются законами СССР и другими законодательными актами СССР, постановлениями Совета Министров СССР, общевойсковыми уставами. Руководство внутренними войсками осуществляет Министр внутренних дел СССР, а непосредственное управление — командующий внутренними войсками Министерства внутренних дел СССР.

Приведена в соответствии с Конституцией СССР часть вторая статьи 2. В проекте новой редакции она относится не ко всей статье, а только к ее третьему пункту и изложена следующим образом: «Привлечение внутренних войск к выполнению обязанностей, указанных в настоящей статье, осуществляется по решению Министра внутренних дел СССР. В случаях, предус-

118
119

а не что-то другое—в нарушение статьи 4 Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» выведены из состава Вооруженных Сил СССР. Получилось, что полки и батальоны, имеющие на вооружении современное автоматическое оружие, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, вертолеты, технику инженерных и химических войск и т. д., по смыслу этого Указа являются безоружной силой. Абсурд. Но этот абсурд узаконен, очевидно, с целью показать, что пограничные и внутренние войска созданы не для войны. Наши законотворческие органы не нашли другого пути достижения такой цели. А можно было отнести внутренние и пограничные войска к вспомогательным Вооруженным Силам, не доводя государственный акт до нелепости.

Другой пример. Первый Съезд народных депутатов СССР под аплодисменты принял постановление об освобождении студентов от военной службы, не посчитавшись ни с Конституцией Союза СССР, ни с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности».

Ради чего принято это антиконституционное постановление, разделившее советскую молодежь призывного возраста на обязанных и необязанных? Необязанные согласно этому постановлению идут получать образование в вуз, а обязанные — тянуть солдатскую ляжку за себя и за того, кто в вузе. Может быть, у нас не хватает дипломированных специалистов? Оказывается, их в избытке. С дипломами продавцы и телемастера, рубщики мяса на рынке и автослесари, шоферы такси и грузчики...

Конечно, непродуманность и незаконность данного постановления можно доказывать и дальше, но оно уже принято да еще под аплодисменты.

Так же вдруг могут принять законодательный акт и о комплектовании войск на профессиональной основе. Случись подобное, они окажутся в тяжелом положении.

В. БАРСУКОВ,
генерал-майор запаса,
кандидат военных наук, доцент.

мотренных пунктом 3 части первой настоящей статьи, решение принимается по просьбе Совета Министров соответствующей союзной или автономной республики либо с согласия Совета Министров СССР при обязательном рассмотрении данного вопроса с Советом Министров соответствующей союзной или автономной республики».

В соответствии с рекомендациями народных депутатов СССР оговорено, что внутренним войскам предоставляется право входить в жилые помещения, принадлежащие частным лицам, только для непосредственного пресечения преступлений против жизни и здоровья граждан. В новой статье 6 перечислены находящиеся в распоряжении внутренних войск специальные средства, а также случаи, при которых они могут быть использованы.

В законопроекте более определенно сформулированы положения, регламентирующие применение личным составом внутренних войск оружия как крайней меры при выполнении служебных обязанностей.

Что же касается законопроекта о внутренних войсках МВД СССР, предполагается, что он будет состоять из четырех разделов, которые объединят общие положения, обязанности внутренних войск, их права, а также финансовое и материально-техническое обеспечение войск.

Этот важнейший документ создается не на пустом месте. При его разработке учитывается опыт строительства внутренних войск как элемента системы Министерства внутренних дел СССР и составной части единой военной организации Советского государства. Одновременно принимаются

меры к изучению принципов организации и деятельности аналогичных формирований в зарубежных странах.

Представляется, что в будущей законопроекту должны войти нормы, не предусмотренные общевойсковыми уставами, но применяемые, в частности, в ходе патрульно-постовой и конвойной службы личного состава соответствующих частей и подразделений войск. По всей вероятности, в нем найдут отражение положения об ответственности должностных лиц и личного состава за неправильные действия и, конечно же, вопросы правовой и социальной защищенности военнослужащих и членов их семей.

В последнее время в печати все чаще появляются статьи, письма читателей, в которых прослеживается мысль о необходимости перехода внутренних войск на добровольный принцип комплектования ввиду специфики выполняемых ими задач, высоких морально-психологических перегрузок, испытываемых воинами на службе.

Не вдаваясь в рассуждения по поводу этой весьма сложной и многогранной проблемы, хотелось бы, чтобы как можно больше военнослужащих войск высказали свое мнение, внесли аргументированные и глубоко продуманные предложения.

В такой же мере нуждается во всестороннем осмыслении и обсуждении в воинских коллективах будущей проект закона о внутренних войсках, который по завершении основной работы над его текстом будет представлен на суд войсковой ответственности.

Полковник Л. СМЕРНОВ,
кандидат исторических наук.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В. КУДРЯВЦЕВ,
СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА
ЧАСТИ, ДЕЛЕГАТ XXI СЪЕЗДА ВЛКСМ

Первый тайм мы уже проиграли

Болит душа за комсомол. Хочется, чтобы наш союз скорее освободился от административных пут, от всякого рода приспособленцев и тех, кому с комсомолом явно не по пути. Надо решительнее переходить в наступление — конкретными реформами и делами утверждать жизненность наших идеалов. Потому что первый тайм, по-моему, мы уже проиграли.

Происходит растаскивание комсомола по «национальным квартирам», размывание его идеалов и принципов, отчего он теряет свое лицо и политическую наступательность. Пример «перестройки» методом саморазрушения демонстрирует комсомол Прибалтийских республик. Путь дробления союза на мелкие аморфные организации, отказ от Ленина — это губительный путь.

А посмотрите, как показал себя местный комсомол в горячих точках. Примеров смелости, принципиальности лидеров ВЛКСМ в борьбе за овладение политической ситуацией — единицы. Формально считая себя авангардом молодежи, на деле

местный комсомольский актив, как правило, отсиживался за спинами парней в форме военнослужащих внутренних войск, милиции. Молчат комсомольские работники в большинстве своем и тогда, когда в адрес солдат, прапорщиков и офицеров внутренних войск льются потоки оскорблений и клеветы в средствах массовой информации, как это случилось, к примеру, в связи с известными событиями в Тбилиси. Нам за коллег, честно говоря, стыдно. А им за себя?

Выступление нашего товарища капитана С. Демиденко на IX пленуме ЦК ВЛКСМ вызвало поддержку в войсках, в стране. Но в адрес Сергея поступают и оскорбительные, грязные письма с обвинениями его во всех мыслимых и немыслимых грехах. Некоторые даже утверждают, что Демиденко своим выступлением доказал, что лютой ненавистью ненавидит народы Закавказья. Какая чушь! И вместо того, чтобы конструктивно, по-деловому откликнуться на смелое выступление своего кол-

леги из внутренних войск, поддержать его предложение действовать совместно во имя скорейшего установления спокойствия и мира в стране, комсомольские лидеры на местах предпочли либо отмолчаться, либо настороженно и с недоверием высказаться в ответ.

В основе моей платформы на предстоящий съезд — решительная борьба комсомола за повышение авторитета воинской службы, усиление военно-патриотического воспитания молодежи, правовая, социальная защита человека в военной форме в нашей стране.

Сейчас много говорится о необходимости профессиональной армии. Я против этой идеи. Но я за повышение уровня профессиональной подготовки каждого солдата, за обучение войск с обязательным использованием опыта действий в горячих точках. А подготовка оперативных частей войск должна, видимо, соответствовать подготовке подразделений специального назначения. И вклад в это могут и должны внести комсомольские организации.

Целесообразно создать при комитетах ВЛКСМ спортивные секции по военно-прикладным видам спорта. В моей части, например, при комитете ВЛКСМ действует секция рукопашного боя. Это, кроме улучшения боевой подготовки, позволит быстрее сплачивать коллектив вокруг комсомольского актива. Не надо забывать, что в мужском молодежном коллективе всегда ценились не только ум, но и физическая сила, сноровка. Не случайно на «гражданке» такой популярностью пользуются военно-патриотические клубы с преподаванием приемов рукопашного боя.

Что касается выполнения нашими комсомольцами задач в экстремальных условиях, то считаю необходимым добиваться от молодежного съезда ходатайства перед правительством о совершенствовании правовой защищенности солдат внутренних войск, о соответствующей зарубежным аналогам их экипировке.

Комсомольцев в военной форме всегда называли боевым отрядом ВЛКСМ. Думаю, что и на съезде мы отмалчиваться не будем, дадим бой тем, кому не по душе наш Ленинский Коммунистический Союз.

БОЙ — ГЛАСНОСТИ

Для тех, кто вершит неправое дело, гласность всегда была первейшим врагом. Не случайно и экстремисты из Народного фронта Азербайджана устроили самую настоящую охоту за представителями средств массовой информации: избивают журналистов, отбирают у них блокноты, портят и уничтожают фотоаппаратуру. Так, при проведении съемок в Баку был захвачен боевиками и доставлен в штаб НФА фотокорреспондент ТАСС В. Великкин. Ему угрожали убийством в случае повторного задержания, уничтожили отснятую им фотопленку. Насилию подверглись корреспондент ТАСС Н. Демидов и фотокорреспондент А. Соловьев. Сотрудники местной милиции, к сожалению, подчас действуют заодно с активистами Народного фронта. Корреспонденту журнала «На боевом посту» капитану В. Герашенко они не дали возможности снять сцену глумления боевиков над армянскими гражданами.

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

13 января в аэропорту города Степанакерта приземлился самолет Як-40, прибывший из Еревана. При его досмотре наряд военной комендатуры обнаружил 21 самодельную гранату, 2 гранаты войсковые без запалов, 21 детонатор, 70 электродетонаторов с бикфордовым шнуром, 15 охотничьих ружей [в том числе 3 пятизарядных карабина], 1 самодельный автомат под 9-миллиметровые патроны пистолета Макарова и 2 самодельные минометные установки без боеприпасов.

УДАРЫ НА СЕБЯ

В начале февраля в столице Таджикистана были спровоцированы массовые беспорядки. За двое суток погромщики разграбили в Душанбе 24 магазина, 19 учреждений сферы быта, 25 киосков и ларьков. На улицах хулиганы избивали людей.

Солдаты внутренних войск и сотрудники милиции преградили путь распоясавшимся экстремистам. И тогда в них полетели камни, бутылки с зажигательной смесью и серной кислотой. Военнослужащих душили ударами из электропровода, выдергивали из цепи стальными баграми. Но они не отступили...

Из оперативных сводок штаба внутренних войск МВД СССР.

МЕСТО СЛУЖБЫ — НКАО

■ Что возобладает на этот раз — эмоции или разум? Вопрос постоянно возникает, когда речь идет о проблемах Нагорного Карабаха. Чтобы эмоции, выплеснувшиеся через край, не привели к событиям трагическим, и стоят, каждый на своем посту, воины внутренних войск.

■ «Скорая помощь в погонах» — так окрестили наших солдат газетчики.

■ Рядовой Сергей Карпушенко служит в подразделении специального назначения. Правда, красивый краповый берет в Карабахе надевает он редко: более привычным стал стальной шлем.

■ Главная забота солдат — дороги. Здесь должен быть порядок днем и ночью.

Фото С. ГРЯЗЕВА.

120

121

ПЫЛЬ В ГЛАЗА

- БОЕВАЯ УЧЕБА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ФЕРГАНЫ
- ПРИПИСКИ — ВЕЩЬ ОБЫДЕННАЯ
- НЕУМЕНИЕ ИЛИ ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО!

Фергана. Солдаты порядка здесь по-прежнему экипированы так же основательно, как летом прошлого года. Так же патрулируют улицы, площади, несут службу на КПП и на собственном опыте убеждаются — от знаний и навыков каждого зависит результат службы, иными словами — порядок в городе.

Патрулирование само по себе и хорошая школа, и строгий экзамен — все пробелы в профессиональной подготовке видны как на экране. Поработать бы над их устранением в учебное время, но вот беда: занятия, например, в части, где обязанности командира временно исполнял подполковник Ш. Ниязов, редкое явление. В понедельник вместо них провели строевой смотр. Во вторник учебные планы не устояли перед необходимостью обеспечить порядок на стадионе во время футбольного матча. В четверг было комсомольское собрание части — тоже никто не учился. В пятницу — баня. Суббота — опять служба и день и ночь. Что касается воскресенья, то должен же быть у людей какой-то отдых?

Впрочем, на одном занятии по политической подготовке удалось побывать. Руководитель группы лейтенант Д. Кашков к нему не был готов. Зная об этом, командир роты старший лейтенант И. Жидков и заместитель командира батальона по политчасти майор С. Кузеванов тем не менее бросили молодого офицера на произвол судьбы. Первый ушел с ротой в баню, второй во время занятия спокойно сидел в канцелярии, словно происходящее его никак не касалось. Скорее всего, майор постарался уйти от вопросов, почему не только руководитель, но и слушатели не готовы: у личного состава не было ни тетрадей, ни ручек.

Впрочем, замкомбата внес «вклад» в обучение и воспитание личного состава взвода, а заодно и руководителя группы, записав карандашом в журнале: «Политподготовки должно быть не два, а четыре часа в неделю!»

Кашков, выполняя «карандашные» указания коммунистов-руководителей, перестарался. В часть из училища он прибыл пятнадцатого августа, а заодно и записав в журнале, уже девятого августа проводил занятия с личным составом взвода. Ровно столько часов, сколько указали начальники. Приказ — закон!

Вообще приписки во взводе, в роте, да и в части в целом — вещь обыденная. Если неопытный Кашков заполнял журнал два раза в месяц, вписывая часы липовых занятий, то опытный ротный, действуя по принципу «провел — запиши, не провел — запиши трижды!» — втирал очки изо дня в день. Его расчет прост: в батальоне схватить за руку некому — замполит прямо диктует офицерам, сколько приписывать часов политподготовки, а исполняющий обязанности командира батальона капитан В. Печерин не меньше Жидкова заинтересован в иллюзии полного благополучия с боевой учебой. По его словам, за записи в журналах он отвечает головой. За записи, но не за живое дело...

Подполковник Ш. Ниязов, правда, опровергает довод комбата. Он вместе со штабом стоит за реальные занятия, а не за приписки. Ни ему, ни исполняющему обязанности начальника штаба части майору В. Непомнящему о последних ничего не известно.

В самом деле, откуда ему знать — ни в один журнал врио командира ни разу не заглядывал, и трудно сказать, был ли он когда на занятии: записей о том нигде не нашлось. Офицеры войсковой оперативной группы, которая расположилась недалеко от части, контроль за боевой учебой личного состава тоже осуществляли слабо, помощь — тем более. Единственное занятие по тактической подготовке внутренних войск, проведенное под руководством начальника группы, погоды не сделало. К сожалению, опытные офицеры не взяли на себя труд подготовиться и провести занятия по наиболее важным темам, требующим к тому же для их организации немалой власти. Глядя на них, и подполковник Ниязов, и штаб части умыли руки и... передоверили все командирам взводов: пусть учатся плавать! С «утопленников» — спросим...

Поэтому лейтенант Кашков старательно обходит глубокие места. Ему не до учебно-тренировочных карт, не до передовой методики. Самый популярный в его взводе предмет — физподготовка, точнее, приемы рукопашного боя с оружием.

Пятое занятие по этой теме выглядело как ознакомительное — длинный рассказ, обстоятельный показ и робкая тренировка в составе отделений. Сержанты настойчи-

во добивались равенства в шеренгах и одинакового положения оружия, словно готовили взвод к показательному занятию. Если учесть, что применение щита и резиновой палки на службе куда вероятнее, просто непонятно было, зачем лейтенант расходовал время на отработку укола штыком и удара прикладом. Хотя, что ему оставалось делать, если никто из прямых начальников не позаботился о том, чтобы занятие он вел по-другому.

Ситуацию такую трудно назвать нормальной. Согласен: боевая учеба в особых условиях—дело новое. Да, в горячих точках много молодых офицеров, которые по неопытности, по легкомыслию ли проводят занятия на низком уровне. Бывает. Только давайте все же не путать грешное с праведным. Ведь часто не от лейтенантов, а от организаторской работы, от позиции, отношения к делу прямых начальников зависит конечный результат боевой подготовки. Их обвинить в некомпетентности трудно. Здесь, скорее, другое. В пунктах временной дислокации они, как правило, заняли должности на ступень выше своих штатных. Не всем это испытание удалось выдержать. Некоторые офицеры самоустранились от «черновой» работы, к какой здесь, наверное, относят организацию боевой учебы и личное участие в проведении занятий. Их распоряжения оседают в бумагах, не находя исполнителей, и спросить не с кого. Не с себя же!

У заместителя начальника войсковой оперативной группы по политчасти подполковника Е. Землянского я спросил, как он расценивает тот факт, что в течение сорока дней у слушателей групп политзанятий не было ни тетрадей, ни ручек. Он ответил, что обратил внимание руководителей на эти недостатки, о чем сделал записи в журналах. А о массовых приписках спокойно заметил: «Ну, это бывает!»

После этакого разговора подумалось: чего же ждать от замполита батальона, если заместитель начальника политотдела соединения воспринимает как должное и очковитительство, и скудную обеспеченность политических занятий?

Хотя стоило только обратиться к шефам из объединения «Ферганантеоргсинтез» с просьбой приобрести солдатам для ведения конспектов несколько сот тетрадей и шариковых ручек, двадцать пять политических карт мира и Советского Союза, они сказали: «О чем речь—выписывайте счет, мы оплатим».

Днями раньше шефы подарили военнослужащим цветной телевизор, каждому офицеру—по радиоприемнику, а на каждое отделение — фотоаппарат и часы.

Подумалось, люди невоенные позаботились и о материальном стимулировании ратного труда военнослужащих, и о том, чтобы они могли посмотреть телевизор,

послушать радио. А офицеры, которым функциональные обязанности предписывают день и ночь радеть о солдатах, проявили нерасторопность. Чем объяснить это, чем их оправдать?

Ссылками на боевую службу? Но ведь боевая учеба и, как результат, профессиональная подготовка—той же службе надежный помощник. Она помогает защитить себя и людей от преступных посягательств. Здесь, как нигде, верно утверждение «знание—сила»...

В поисках людей, искренне обеспокоенных качеством боевой учебы в особых условиях, я уже в Москве обратился в управление боевой подготовки ГУВВ к полковнику М. Львову с просьбой прокомментировать известные читателям факты.

«Организационно-методические указания на 1988—89 годы,—сказал Михаил Александрович,—обязывали командиров полностью отработать учебную программу. Но нельзя не учитывать, что с момента ввода документа в действие в характере боевой службы, а значит, и учебы, многое изменилось. Странно, почему на местах не все это поняли. В указаниях на 1990—91 годы такого требования нет. Никто не упрекнет командира части, если он с карандашом в руке докажет, что его подчиненные отработали программу настолько, насколько смогли. Кроме того, за всю историю внутренних войск я не знаю случая, когда части или соединению хотя бы на балл снизили оценку за неполную отработку учебной программы. Оправдывать же приписки жесткой позицией ГУВВ—значит валить с больной головы на здоровую».

Теперь понятно. Главк, стремясь идти в ногу со временем, полагается на ответственность нижестоящих командиров, начальников, штабов, взвешенность их подходов к организации обучения подчиненных, несущих службу в особых условиях. Доверие вещь серьезная и нужная, только как быть, если им злоупотребляют, если нежелание офицеров заниматься учебой становится нормой?

Значит, нужен жесткий контроль и, может быть, на первых порах—программа-минимум боевой подготовки специально для горячих точек? Сосредоточить усилия на качественной стороне проводимых занятий, совершенствовать командирскую подготовку, научить офицеров работать в условиях дефицита времени. Это забота забот первых лиц, командиров-единоначальников, у которых достаточно власти для осуществления принятых решений. Иначе смелые, находчивые командиры и политработники—гордость войск, герои Коканда и Ферганы—будут привычно разменивать свое достоинство на дурое благополучие в журналах учета боевой и политической подготовки.

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.

ЕЩЕ РАЗ

ПРО БАБУШКУ, САПЕРНУЮ ЛОПАТКУ

И... «ТБИЛИССКИЙ СИНДРОМ»

В ОТ УЖЕ ГОД продолжают будоражить страну события, имевшие место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года.

Как известно, второй Съезд народных депутатов заслушал доклад комиссии, образованной первым Съездом народных депутатов по расследованию тбилисских событий, принял соответствующее решение, но страсти продолжают накаляться.

Сообщение председателя комиссии А. И. Собчака, опубликованное в печати, и выступление на Съезде заместителя Генерального прокурора СССР, Главного военного прокурора А. Ф. Катусева, которое опубликовано не было, стали еще одним примером противостояния различных сил, выдвинутых на арену борьбы перестройкой.

Что же произошло в Тбилиси 9 апреля 1989 года и что происходит сегодня вокруг этих событий! Почему обсуждение «тбилисского вопроса» приняло буквально с первого дня такой острый характер! Что скрывается за всем этим! Кому выгодно нагнетание обстановки! — эти вопросы задают нам читатели. Они считают при этом, что правдивая, полная, без купюр информация, какой бы жесткой она ни была, не может служить во вред обществу. Просят, в частности, опубликовать выступление на Съезде Главного военного прокурора А. Ф. Катусева.

« Н Е МОГУ ПОНЯТЬ, для чего все это надо, — пишет москвич Вакиль Ахметзянов, — и кому это надо. Я — десантник, служил когда-то в Фергане. Встретил недавно семью беженцев из Ферганы. Боже мой, что же там творилось!

Не могу представить себе, чтобы я мог спокойно наблюдать, как жгут дома, насиляют девчонок, мародерствуют и убивают своих сограждан. А ведь мне говорили, что такое было. И возможным стало только потому, что сработал так называемый «тбилисский синдром».

Нет, не убийц и погромщиков испугалась милиция, испугалась, что за этих самых убийц и погромщиков их притянут к ответу. Вот чего добились и добиваются те, кто раздувает «тбилисскую историю».

Прав, тысячу раз прав Михаил Сергеевич Горбачев, который заявил (простите за цитату: раньше вы, журналисты, этим злоупотребляли, а теперь мы, читатели, стали заниматься тем же): «События в Тбилиси — наша общая боль. Мы переживаем трагизм тех событий, выражаем сочувствие грузинскому народу в связи с тем, что произошло и что повлекло за собой человеческие неоправданные потери, смерть, гибель людей. Это, я думаю, наше общее мнение».

Но я хотел бы сказать вот что. Я один из тех, кто был за то, чтобы вокруг этих событий не разворачивать дискуссию, а попросить комиссию сделать взвешенный доклад, больше думать о том, как нам извлекать уроки, что нам делать для того, чтобы события подобного рода никогда не повторялись...»

«Как видим, обращение Горбачева к здравому смыслу, к благоразумию не дошло до сердца и души многих и многих, — пишет далее В. Ахметзянов, — по-прежнему в печати нет-нет да и промелькнет «бабушка, зарубленная саперной лопаткой». Собчак на Съезде заявил, что все это ни в коем случае нельзя рассматривать как выпад против армии. Это — слова, а на деле получается все наоборот. Стало очевидным, что кто-то с первого дня проводит массивную атаку на армию и внутренние войска...»

Трудно не согласиться с утверждением автора письма о том, что события в Тбилиси (я лично не исключаю, что они были спровоцированы сознательно) послужили поводом для направленной идеологической диверсии, в результате которой «тбилисский вопрос» перерос в масштабную политическую кампанию. «Наш вопрос, — заявил в интервью газете «Молодежь Грузии» народный депутат СССР Мерабу Бердзенишвили, — это игра больших политических сил». Признание депутата более чем откровенно.

Не поленитесь, возьмите подшивки газет «Коммунист», «Заря Востока», «Вечер-

122
123

ний Тбилиси», «Молодежь Грузии», «Народное образование», «Ахалгадра коммунисты» за прошлый год, начиная с апреля, и вы убедитесь, какую чудовищную ложь они преподносили своим читателям в связи с событиями 9 апреля. И не только органы печати. В те дни, когда в Тбилиси прибыла для разбирательства комиссия Съезда народных депутатов, явно с целью оказать на нее давление было опубликовано предварительное заключение следственной подкомиссии комиссии Верховного Совета Грузинской ССР (Заря Востока, 1989, 11 июля). Это образец того, как при желании можно грубо извращать факты и действительность.

Вот лишь некоторые выдержки из этого заключения.

«...9-го апреля в 4 часа утра подразделения Советской Армии и внутренних войск... окружили голодающих и митингующих, безо всякого предупреждения начали вооруженное наступление на них с применением дубинок, заточенных саперных лопат, химических отравляющих веществ и, в некоторых случаях, огнестрельного оружия.

В результате этого наступления погибло 20 человек, получили увечья и отравление химическими веществами, а также другого рода заболевания более 4000 человек.

«Произвол войсковых частей дошел до того, что они беспричинно стали стрелять в играющих на улице детей...»

Не правда ли, жуткая картина? И не беда, что все это потом не подтвердилось, дело-то было сделано. Для наиболее эффективного воздействия на умы и чувства людей, для того, чтобы вызвать к военнослужащим ненависть, подключились и некоторые центральные органы печати, народные депутаты, ученые и писатели.

Мне довелось присутствовать на встрече группы народных депутатов СССР (писатель Б. Васильев, академик А. Сахаров, публицист Ю. Карякин, военный летчик К. Харченко и с ними — Елена Боннэр) с воинскими дзержинцами — участниками событий в Тбилиси. Наш журнал опубликовал стенографический отчет с этой встречи (№ 7, 1989 г.), поэтому не буду рассказывать о ней подробно. Скажу только, что меня тогда поразило. Уже с первых минут, когда Борис Васильев прокурорским тоном стал чинить настоящий допрос солдатам, стало ясно, что они приехали сюда не за истиной, а чтобы устроить настоящее судилище над ними (тележурналисты программы «Взгляд» должны были показать это судилище всему миру). Замысел, однако, не удался: его сорвали в своих выступлениях солдаты и офицеры. После встречи, кстати, академик А. Сахаров сказал: «Не сюда надо было приезжать искать виновных».

С какой надеждой все мы ожидали результатов расследования комиссии народных депутатов СССР!

Да, когда были внесены изменения в регламент работы Съезда, то есть было принято решение наряду с заключением комиссии, с которым должен выступить Собчак, заслушать и военного прокурора, надежды на объективное заключение во-

зросли. Это ведь естественно — учесть при принятии важного решения мнение следователей-профессионалов. На деле же получилась иначе.

— Мы поняли, — заявил в том же интервью, о котором упоминалось выше, народный депутат М. Бердзенишвили, — что противоположная сторона готовится к бою, и этот бой нам надо было принять. Не буду детально оценивать этот шаг Съезда. Скажу одно — это мое личное мнение: Съезд не имел морального права принимать такое решение и ставить на одну доску избранную им же и облеченную его же доверием комиссию Собчак, которая должна была дать политическую, подчеркиваю, политическую оценку событиям в Тбилиси, и выступление юридического лица, каковым является военный прокурор. Это нарушение элементарных парламентских норм. У комиссии одни задачи, у следствия — другие...

Вот так и заявил, а нам-то казалось, задача у них одна — выявить объективную картину случившегося.

— Мы просчитали несколько вариантов наших действий, — продолжает открывенничать народный депутат. — Первый вариант был такой: докладывает Собчак, принимается постановление Съезда, и на этом ставится точка. В этом случае мы делаем заявление депутации и требуем внесения поправок в разработанное Президиумом довольно аморфное постановление. Если поправки не принимаются — депутация покидает зал.

Второй вариант. Выступает Собчак, выступает военный прокурор, и нет обсуждения. И в этом случае концовка та же — добиваться выступления депутации с заявлением, которое должен был сделать Темур Чхеидзе, и требовать справедливого решения.

И третий вариант. Все то же самое плюс обсуждение.

Главное, что я хочу сказать.

Мы не собирались устраивать потасовку и вступать в полемику по мелочам. Наши выступления должны были носить нравственно-политический характер. Мы понимали, что силовой бой нам не выдержать, поэтому приняли решение не поддаваться на провокации.

Думаю, настало время ознакомиться с выступлением на Съезде заместителя Генерального прокурора СССР, Главного военного прокурора **А. Ф. КАТУСЕВА.**

* * *

«Уважаемый товарищ председатель, уважаемые народные депутаты! В Тбилиси произошла трагедия, и мы скорбим по этому поводу вместе со всеми честными людьми Земли. Общественность в стране и за рубежом ждет ясного ответа на вопрос: как это все могло произойти? Есть три во многом не совпадающие оценки. Одна — комиссия Верховного Совета Грузинской ССР, другая — комиссии, созданной первым Съездом народных депутатов, и третья — следственной группы Главной

военной прокуратуры. Закон разрешает, а здравый смысл обязывает меня доложить Съезду установленные следствием факты. Было бы неверным принимать политическое решение на уровне высшего законодательного органа без внимания к результатам следствия. Тем более сейчас, когда взят курс на разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. В нашей истории уже было, когда вначале давались политические оценки, а потом под них подгонялось правосудие. Печальные итоги этой политики общеизвестны.

В заключение комиссии Верховного Совета Грузинской ССР вошли версии и утверждения, не соответствующие действительности, а многие подлинные факты истолковывались тенденциозно. Кстати, с рядом ее выводов комиссия Съезда народных депутатов не согласилась.

В основе разных выводов лежат разные методы выяснения фактических обстоятельств. Комиссия беседует с людьми — следствие допрашивает в условиях процессуальных гарантий. Комиссия консультируется со специалистами — следствие назначает экспертизы, поручает производство объективных экспертам, в том числе (в необходимых случаях) ведущим научным учреждениям.

Главное — следствие не принимает ни одного доказательства без тщательной проверки, анализирует его в совокупности с другими доказательствами, и ни одно из них не имеет преимуществ перед другими.

Например, тбилисские медики в первые же дни указали во врачебных свидетельствах о смерти, что 12 человек погибли в результате асфиксии (от сдавливания), и не более. Вопреки этому на основании заключения патологоанатома Деканосидзе появились выводы, будто причиной смерти явилось также отравление химическими веществами. Явно ненаучное заключение вынудило следователей допросить Деканосидзе, и она нашла мужество признать, что при описании обстоятельств гибели использовала слухи, а в выводах вышла за пределы своей компетенции. Ложность ее заключения — а это содержит признаки уголовно наказуемого деяния — убедительно показали высококвалифицированные эксперты. Следователи в строгом соответствии с законом получили, оформили и направили в экспертные учреждения препараты из внутренних органов и одежду погибших. Эксперты категорически отвергли отравление, заключив, что одежда также не подвергалась воздействию отравляющих веществ.

Однако в ноябре через комиссию Съезда в прокуратуру снова поступили препараты, о которых заявлено, что они без оформления хранились у все той же Деканосидзе. По ним, как это прозвучало у председателя комиссии, консультанты не исключают отравление. Мы назначили новую экспертизу, и снова эксперты сообщили, что выводы об отравлении неправильны, а для подготовки заключения нужно дополнительное время, чтобы установить происхождение этих препаратов.

К сожалению, не приходится брать на

веру и рассказы ряда граждан, на которых ссылаются некоторые источники. К примеру, в фильме уважаемого кинорежиссера Шенгелая есть рассказ некоего Букасова о том, как во время службы в Афганистане он применял такие же боевые отравляющие вещества, что применены в Тбилиси. На самом же деле Букасов в Афганистане никогда не служил, в отравляющих веществах ничего не смыслит.

Следствию приходится разбираться в немалом числе утверждений такого рода. Что же конкретно установлено следствием?

8 апреля 1989 года Совет Министров Грузинской ССР в соответствии с пунктом 3 статьи 125 Конституции республики, осуществляя меры по охране общественного порядка, принял решение о пресечении несанкционированного митинга и освобождении площади возле Дома правительства. Это решение правительства республики явилось правовой основой действий военнослужащих внутренних войск и Советской Армии. Комиссия называет распоряжение правительства республики незаконным только потому, что в нем ставилась задача частям внутренних войск и Советской Армии. При этом не учтено, что союзные министерства внутренних дел и обороны выделили эти части специально для оказания помощи правительству Грузинской ССР для поддержания порядка по его просьбе. Непонятно, почему комиссия не приняла во внимание положение Конституции Грузинской ССР о полномочиях правительства республики.

Никакая демократия не отрицает необходимость иметь силу для поддержания порядка. У нас в стране такой силой являются милиция и внутренние войска.

Я лично против использования армии для этих целей даже с ограниченными функциями. Армия для этого не предназначена и не подготовлена, не имеет соответствующей экипировки. Командование во избежание жертв среди населения не выдает солдатам их табельное оружие. Вот и случается, что невооруженные, ничем не защищенные солдаты, наши с вами дети, охраняющие наш с вами покой, оказываются один на один с сотнями бесчинствующих хулиганов.

В основном докладе прозвучало, что митинги, проводившиеся накануне трагедии, нельзя оценивать по отдельным лозунгам, а их организаторы не отвечают за лозунги. Судите сами, товарищи народные депутаты, вот выдержка из программного выступления 7 апреля одного из руководителей митинга — Церетели. «В Грузии, — сказал он, — должна быть незамедлительно отменена власть марионеточного грузинского правительства. Должны войти армейские подразделения Организации Объединенных Наций. Грузия должна войти в НАТО как военный союзник. Это позиция всех неформальных организаций Грузии, — заявил он, — независимая Грузия должна брать ориентацию на Соединенные Штаты Америки. Мы должны восстать и бороться. После третьей мировой войны империя падет».

123
124

Под влиянием подобных призывов митинги и демонстрации переросли в грубое нарушение общественного порядка. Начиная с 7 апреля, как показали следствию очевидцы, организаторы митингов стали готовиться к жесточайшему сопротивлению властям. Сознвая противоправность готовящихся ими акций и рассчитывая на применение сил правопорядка, изготавливались марлевые повязки и водно-содовые растворы, собирались противогазы на случай использования внутренними войсками специальных слезоточивых средств.

8 апреля руководство республики решило провести демонстрацию военной техники, что, по замыслу, должно было предостеречь экстремистов и в то же время дать остальному населению уверенность, что правительство в состоянии обеспечить общественный порядок. Однако организаторы митинга использовали этот повод для нагнетания напряженности. Группы хулиганов стали забрасывать технику и военнослужащих камнями. Семеро солдат и офицеров получили травмы. Одна из таких бесчинствующих групп захватила автомобиль ГАИ. Его выкатили под гусеницы движущейся боевой машины, а водителя, старшину милиции, избили и пытались заставить лечь под военную технику.

Нападениям подвергались и другие сотрудники ГАИ Грузии. Их оскорбляли, срывали фуражки, погоны, разрывали одежду, пытались избить. Кое-кому пришлось спасаться бегством. До какой дерзости и цинизма доходило. Зрелого мужчину, своего соотечественника, майора милиции, раздели до трусов и погнали по многолюдному проспекту родного города. По призывам организаторов группы молодежи захватили грузовики, городские автобусы, троллейбусы, заставили водителей перегнать почти три десятка этих транспортных средств в район проспекта Руставели и перекрыть подходы к нему.

Попытки сотрудников милиции воспрепятствовать этому встретили дерзкое сопротивление, сопряженное с насилием. Надо сказать, что раздавались и трезвые голоса: «не давать повод правительству для применения силы, ограничиться пассивным неподчинением». Но события определяли уже не эти голоса. Агрессивно настроенные части собравшихся запаслись ножами, металлическими стержнями, обрезками труб, палками, бутылками, горючими смесями. Формировались группы спортсменов и физически крепких мужчин, чтобы отбить любую попытку освободить площадь. Людей призывали к самопожертвованию.

Обстановка обострилась не только в столице. Посланные из Тбилиси представители неформальных организаций днем 8 апреля организовали многочасовой митинг в городе Рустави возле металлургического завода. В ночь на 9 апреля они во главе большой толпы попытались прорваться на завод и остановить его работу. Пожарные машины не охладили их пыл. Дело дошло до рукопашной схватки и предупредительных выстрелов охраны. (Шум в зале).

Вот какой была обстановка в ночь на 9 апреля. На площади перед Домом правительства готовились к принятию, товарища депутаты, не очередные резолюции, а шла подготовка к насилию против сил общественного порядка. На юридическом языке это уже не митинг, а приготовление к действию, которое Уголовным кодексом Грузинской ССР отнесено к преступлению. Поэтому прокуратура Грузинской республики расследует соответствующее уголовное дело. Материалы, выделенные из этого дела прокуратурой республики, направленные нам, послужили основанием для настоящего расследования. Наряду с работниками военной прокуратуры в расследовании дела приняли участие работники МВД и КГБ СССР. В состав следственной группы вошли следователи и прокуроры аппарата Прокуратуры Союза ССР под контролем товарища Сухарева.

Нас упрекают в том, что в расследовании не принимали участие работники прокуратуры Грузии, но это не совсем так. Считаю нецелесообразным включать их в состав следственной группы, чтобы избежать местного давления. Но в соответствии с законом мы поручили прокуратуре Грузии произвести допросы многих десятков свидетелей, выполнить другие следственные действия. Такая практика применяется в других регионах страны и себя оправдывает. Мы не испытываем недоверия к нашим коллегам.

О задачах внутренних войск и подразделений армии вам доложил уважаемый председатель комиссии. Не последнее место отводилось в докладе и сотрудникам республиканской милиции. Те, кто охранял вход в Дом правительства, должны были эвакуировать голодающих в медицинские учреждения. Уголовному розыску республики надлежало задержать организаторов и наиболее активных нарушителей общественного порядка, на службу ГАИ возлагалась задача убрать транспортные баррикады, но ни одна из этих задач не была выполнена, что сказалось и на ходе событий. А теперь говорят, мол, республиканская милиция восстановила бы порядок собственными силами. При анализе причин и обстоятельств трагедии все мы чувствуем щемящую боль от гибели безвинных жертв, но от следователя и прокурора требуются исключительная, я бы сказал, особая беспристрастность и объективность. Глубокое возмущение вызывают усилия тех, кто сегодня стремится манипулировать нашими чувствами в своих политических целях для маскировки собственной подстрекательской роли. Товарищи, причиной смерти 18 человек, в том числе женщин, стала только давка. (Шум в зале).

Как известно, организаторы митинга убедили людей не слушать представителей власти и церкви, не расходиться, не подчиняться и даже принести на это публичную клятву...

Пагубную роль сыграл призыв сесть при приближении внутренних войск. Люди сели где попало. Есть показания, что некоторых женщин силой усаживали на асфальт, превращая в живой барьер. Потом о них спо-

тыкались, на них наступали при возникшей давке.

Уважаемые товарищи, я не знаю, когда командование сообщило комиссии о применении пехотных лопаток, но органы следствия располагают этими данными с первых дней расследования уголовного дела.

Для выполнения поставленной подразделениям Советской Армии задачи — взять под охрану конкретные объекты — военнослужащие должны были, помимо экипировки, иметь в соответствии с уставом огнестрельное оружие. Но у меня язык не поворачивается упрекать командование за то, что оно приказало не выдавать солдатам автоматы и штык-ножи. Для нескольких солдат пехотные лопатки стали единственным средством самозащиты.

А теперь факты. Из 21 заявившего о травмировании пехотными лопатками экспертами объективно установлены повреждения у семи человек. Тяжких телесных повреждений не нанесено, смертельных исходов нет.

Таким образом, из 427 человек, получивших физические травмы на проспекте Руставели и у здания Гостелерадио, 137 человек пострадало от действий военнослужащих, от беспорядков в давке — 290.

Товарищи, привожу вам эти цифры, а сам вижу за ними наших советских людей, независимо от того, кто они — военнослужащие или гражданские лица. Высказывались мнения, что следовало бы применить струю холодной воды, но я вам уже сказал, что такая мера применялась.

Уважаемые товарищи! Прокурору гадать не положено, он должен опираться только на факты. Внутренние войска применяли только два слезоточивых вещества — хлорацетофенон и Си-Эс. На сегодня готовы экспертные заключения в отношении более двух тысяч человек, которые числились подвергнувшимися воздействию раздражающих веществ. Сейчас подтвердилось такое воздействие в отношении только пятидесяти четырех человек из двух тысяч. Это установлено экспертами Организации Объединенных Наций: тридцать пять гражданских лиц и девятнадцать военнослужащих. Часть экспертиз еще не завершена.

Уважаемые товарищи народные депутаты! Я представил вам факты, установленные на сегодня следствием. Я не просто озвучил с трибуны написанное, а пережил это лично, так как 9 апреля, как заместитель Генерального Прокурора СССР, никакого отношения в то время к армии не имевший, находился в Тбилиси, видел всю трагедию и разбирался с ее причинами. Ответственность за объективность фактов, доложенных вам, я готов взять на себя». (Аплодисменты).

* * *

Наверное, не всем известно, что грузинская депутация, не «приняв боя» (по выражению Мерабу Бердзенишвили), еще во время выступления А. Ф. Катусева покинула зал. Остался только первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. Гумбаридзе, который, дослушав до

конца выступление Главного военного прокурора и, не дожидаясь пока председатель предоставит ему слово, вышел на трибуну и после горячей заigaretельной речи тоже покинул зал заседаний.

Гиви Григорьевич, конечно же, не согласился с выводами военной прокуратуры, но не шел, видимо, нужным опровергать факты, а дал свою интерпретацию событий, в основе которой была политическая оценка их. Его выступление тоже не опубликовано в «Известиях», мы, к сожалению, не имеем для этого возможностей, но, чтобы прочувствовать накал эмоций, хотелось бы привести выдержки из его речи. Например, такую: «Военная прокуратура, совершенно очевидно реализующая «командирский» заказ своих старших коллег, неуместно становится у нас едва ли не вровень, а то и выше парламентской комиссии, хотя хорошо известно, чем в свое время увенчалась подмена политических расследований — криминальными, а политических органов — карательными. И вся эта тенденциозность, необъективность — во имя одного: спасти честь мундира.

Сбивать народ не вправе никто. Только сам народ может быть себе объективным и справедливым судьей. Вот почему грузинская делегация выражает полное недоверие представителям военной прокуратуры и категорически настаивает на создании новой следственной группы с ее подчинением гражданским юристам и обязательным включением в нее представителей прокуратуры Грузинской ССР.

Создается твердое ощущение: не пытаясь ли кто-то вновь резко дестабилизировать обстановку в Грузии?..»

Комментарии, как говорится, тут излишни: трудно — даже если очень захотеть — в выступлении Главного военного прокурора обнаружить обвинения в адрес грузинского народа, стремление любой ценой сохранить «честь мундира» (а вот это смахивает уже на прямое оскорбление) и, наконец, явно алогично обвинение «кого-то» в желании «вновь резко дестабилизировать обстановку в Грузии».

Да, видимо, все-таки прав народный депутат СССР Мерабу Бердзенишвили, когда не постеснялся сказать, что «наш вопрос — это игра больших политических сил».

Политическая игра... Во время работы Съезда среди делегатов гуляла вот такая листовка:

ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ О ТБИЛИСИ!

По данным экспертов Организации Объединенных Наций т. г. Лошадкина Н. А., Горбовского А. Д., а также множества комиссий (советских и международных), ни на одном теле погибших в Тбилиси 9 апреля 1989 года колодых, рубленых, разможженных ран нет! Ужасы с окровавленными лопатками — вымыслены.

Кем и зачем?

Огнестрельные ранения мирному населению нанесены оружием невоенного образца! Эксперты категорически отрицают возможность смерти людей из-за применения химических веществ!

Они приводят неопровержимые доказательства того, что:

— специально обученные боевики готовились к сопротивлению;

— в ряде точек боевики опрокинули войска и, по их словам, устроили «кровавую баню».

Итак, невинными жертвами войск названы отряды хорошо подготовленных боевиков. Люди погибли не от рук военных, а были раздавлены сопротивляющейся толпой. Требуйте данных, требуйте правды! Не сказок и инсинуаций, а фактов, аргументов и точных цифр. Почему не прерывается цепь лжи? Почему лгут некоторые депутаты? Почему и кто заинтересован, чтобы всю ответственность свалить на военных? Почему вдохновители национализма и экстремизма стали героями? Требуйте показа ленинградской передачи от 8 декабря 1989 года по Центральному телевидению! Требуйте объективных данных, всеобщей гласности расследований, проведенных специалистами! Требуйте фактов, а не измышлений!

Не знаю, на каком основании председатель комиссии А. Собчак заявил, что эта листовка — дело рук военных, а в распространении ее среди депутатов обвинил мифического адмирала, пройдясь при этом насчет его «флотской чести».

Похоже, постановление по «тбилисскому вопросу», принятое Съездом, еще более усилило конфронтацию сторон. Об этом говорит, например, опубликованное в «Огоньке» пространное интервью все с тем же Собчаком, который, как мне показалось, грозит теперь привлечь к уголовной ответственности и Главного военного прокурора. Причем речь идет не об официальном выступлении А. Ф. Катусева на Съезде, а о их предварительной встрече, в ходе которой и выявились между ними принципиальные расхождения. Скажу о них кратко: комиссия, возглавляемая Собчаком, не признала, что в толпе на площади Дома правительства действовали подготовленные группы боевиков, что митингующие якобы применяли самодельные взрывные и зажигательные устройства... Еще одно расхождение — относительно причин смерти. «Нам, — заявил Собчак, — дали заключение независимые специалисты, профессора, академики, сделавшие вывод, что причиной смерти большинства погибших было совокупное действие давки и вдыхания химических спецсредств...»

Вряд ли есть необходимость останавливаться на этом — обо всем сказано уже немало, в том числе и в выступлении Главного военного прокурора. Но вот что бросается в глаза. Стоит кому-либо — будь это просто офицер или Главный военный прокурор — выразить свое, не сходное мнение, его тут же пытаются обвинить во всех грехах, а то и запугать. Так поступили и с помощником начальника политотдела внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью капитаном С. Демиденко, который «посмел» на IX пленуме ЦК ВЛКСМ заявить: «...долго ли еще нам, солдатам, расплачиваться тяжелым физическим трудом, нервами, здоровьем и жизнью за бездеятельность,

попустительство и национальное ослепление местного руководства закавказских республик». Печать обвинила капитана, знаете в чем? — в «бесчестном отношении к офицерской чести».

Теперь о претензиях к внутренним войскам.

«...С особой тревогой, — сказал в своем докладе А. Собчак, — комиссия отмечает предпринимавшиеся руководством внутренних войск попытки сокрытия самого факта применения отравляющих веществ».

Применение спецсредств «Черемуха» было официально ими признано 13 апреля с. г. (1989. — Ред.) и то лишь под давлением неопровержимых улик.

В последующем шло поэтапное признание различных модификаций «Черемухи» и газа Си-Эс...»

— Это утверждение, мягко говоря, не отвечает действительности, — заявил на встрече с журналистами начальник внутренних войск генерал-полковник Ю. В. Шаталин. — Уже на следующий день, 10 апреля все средства, которые были применены, кроме газа Си-Эс, были представлены для широкого обозрения в одной из воинских частей.

Что касается газа Си-Эс, то о нем командование просто не знало. В Тбилиси этот газ солдатам не выдавался — воинская часть прибыла из Степанакерта, и у некоторых он оставался из старых запасов...

Передо мной письма от тех, кому довелось принять непосредственное участие в апрельских событиях в Тбилиси. Многие из них уже уволились в запас, но пережитое там осталось рубцом на сердце, видимо, навсегда.

«До сих пор не могу понять, — пишет сержант запаса Александр Жигиль, — что же произошло тогда в Тбилиси, что вообще происходит у нас в стране. Из нас попытались сделать потенциальных преступников, не разобравшись в сути вопроса, очернили на всю страну. Дошло до того, что своих защитников стали называть оккупантами и даже — фашистами, а тех, по ком давно плачет тюрьма, произвели в национальные герои. И сейчас еще перед глазами стоят картины одна страшнее другой: вот несколько экстремистов с большим бревном устремляются на нас тараном по телам лежащих на земле голодающих, вот здоровенный амбал схватил за волосы и швырнул в бурлящую толпу молодую растерзанную девчонку, которой удалось вырваться из этого месива... В нас летели булыжники, на наши головы обрушивались с балконов различные тяжелые предметы. И... мы — преступники, а те — герои. Скажите, для чего это делается?»

...Игра больших политических сил.

Чем такие «игры» могут обернуться для народа, впечатляюще показали Фергана, Баку и Нагорный Карабах.

Полковник П. СТУДЕНИКИН.

НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ

Многих наших читателей волнует проблема создания у нас правового государства, его цели и сущность. В письмах в редакцию — живой интерес к совершенствованию структуры власти, демократизации политической системы, к изменению уголовного законодательства, проблеме прав человека и их надежной гарантии. Вот почему было решено провести «круглый стол» с участием ученых-юристов, юристов-практиков, историков, журналистов, представителей Политуправления и штаба внутренних войск. Вел «круглый стол» главный редактор журнала «На боевом посту» полковник А. Горлов, кандидат исторических наук.

■ **А. ГОРЛОВ:** Товарищи, в сегодняшнем разговоре согласились принять участие генерал-майор Балахонов Юрий Андреевич, начальник управления штаба ГУВВ; полковник юстиции Бобренев Владимир Александрович, заместитель начальника отдела Главной военной прокуратуры; полковник юстиции Серегин Вячеслав Павлович, начальник кафедры военного права Военно-политической академии им. В. И. Ленина, кандидат юридических наук, доцент; полковник Сокольских Николай Иванович, помощник Главного военного прокурора; подполковник милиции Тымков Дмитрий Иванович, заместитель начальника отдела Главного управления уголовного розыска МВД СССР; полковник Уколов Анатолий Иванович, начальник отдела пропаганды и агитации Политуправления внутренних войск.

Разумеется, никакой «круглый стол», ни даже многодневная дискуссия не способны вместить всех проблем правового государства. Поэтому мы решили заострить внимание на ряде конкретных вопросов, затрагивающих пути практического строительства правового государства, криминогенной ситуации в стране и правовой защищенности военнослужащих внутренних войск. Итак, позвольте мне перейти к первой проблеме, вынесенной сегодня на обсуждение.

Прежде всего хотелось, чтобы участники нашего «круглого стола» высказали свое отношение к существующему юридическому фундаменту. Есть мнение, что наше государство не может быть правовым, будучи в том состоянии, в каком оно сейчас

находится. Другими словами, пока командно-административная система не ушла, сколько бы мы ни говорили о гарантии прав, все равно они не гарантированы. В результате: одни игнорируют существующие нормы, другие ждут, пока правовая пирамида будет выстроена на правовых началах. А на этом фоне криминогенная обстановка продолжает ухудшаться.

■ **Н. СОКОЛЬСКИХ:** Юридический фундамент — это действующие законы. А их сегодня накопилось тридцать тысяч. И не только простому человеку, но и юристу в этом «море» сложно разобраться. Это одна сторона вопроса. Другая же — то, как мы обращаемся с этими нормативными актами. Соблюдаем их или не соблюдаем. Ведь известно, хорошая нормативная база — это только полдела, надо еще, чтобы она действовала. Сейчас идет активное обновление законов. Процесс, безусловно, прогрессивный, но, если новые законы не станут законами для всех в нашей стране, как это было раньше, говорить о построении правового государства просто бессмысленно.

Некоторые пытаются объяснить сложную криминогенную обстановку, рост преступности тем процессом законодательства, который сегодня развернулся. Дескать, новые законы пока не созданы, старые уже не действуют в полную силу, вот и делают, что хотят. По моему убеждению, состояние преступности всегда определяли конкретные причины. Если говорить о нашей ситуации, назову несколько основных (их, конечно же, больше). Прежде всего

126

На снимке: идет дискуссия.

Фото прапорщика С. НАУМОВА.

рост преступлений определяется экономическими условиями нашей жизни. А каковы эти условия, вы прекрасно знаете. Нехватка одного, другого, третьего, сплошной дефицит. Все это оживляет черный рынок, стимулирует спекуляцию, оживляет все виды паразитизма, идет расслоение общества. На дельцах теневой экономики начинают греть руки уголовники, ширится racket. Одним словом, идет цепная реакция.

Другой фактор тесно связан с первым. Это психология людей. Мы говорим, бытие определяет сознание. Так вот и у нас сейчас экономические трудности во многом влияют на психологию людей. Снижается трудовая дисциплина, распространяются нигилистические взгляды на обязанности человека перед обществом. Сегодня в правоохранительных органах скопилось столько материалов о правонарушениях, что юристы просто не успевают обработать даже то, что уже есть. В такой ситуации обращения к совести людей, призывы очиститься и жить в дальнейшем честно, думаю, сыграют определенную воспитательную роль. Нужно использовать все возможные рычаги.

■ **А. УКОЛОВ:** Полезно бы затронуть и проблему конкретных практических действий по укреплению правопорядка сегодня. Высказываются суждения, что наше общество настолько больно преступностью, что вылечить его можно только неординарными методами. Как это, к примеру, попытались сделать в Казахстане, объявив, что тот, кто добровольно сдаст ценности, найденные нечестно, будет освобожден от наказания. Как, по-вашему, Владимир Александрович, тот ли это путь?

■ **В. БОБРЕНЕВ:** Порочный стиль, насаждаемый командно-административной системой, заключался в том, что многое решалось волевыми методами: судить или миловать, решали не юристы, а руководители

партийных или советских органов. Рецидивом этого, наверное, и стал в условиях гласности и демократизации тот шквал критики, который обрушился на правоохранительные органы.

Волна критики не только нанесла ущерб престижу и авторитету следствия, прокуратуры, суда, но и побудила руководителей этих органов как в центре, так и на местах ужесточить спрос с самих юристов. Ошибок больших или малых в любом следствии избежать трудно. А когда следователь вместо двух-трех дел ведет двадцать, а его все время подгоняют, промахи неизбежны. Хотя я нисколько не оправдываю ошибок следователей. Но если раньше на это «строго указывали», то сегодня очень строго взыскивают, не разбираясь особенно, что же повлекло ошибку. В результате одни работники (а это прежде всего те, кто имеет высокую квалификацию и дорожит собственным достоинством) стали уходить из правоохранительных органов, другие сосредоточились только на том, чтобы не вызывать гнев начальства. Борьба с преступниками почти некому.

Другая негативная сторона. В последнее время все чаще раздаются призывы к гуманизации. Делается это как-то односторонне. Правоохранительные органы обвиняются в отсутствии гуманности к преступникам, но порой люди забывают о гуманности к жертвам преступлений. И как итог: нерешительность и перестраховка и следователей, и судов. Следственные аппараты меньше стали направлять дел в суд, суды больше выносят оправдательных приговоров (имеются в виду те, для которых просто не всегда были основания). Сказалось и отсутствие правовой защищенности свидетелей. Что касается ответственности свидетеля за дачу ложных показаний, тут закон четко формулирует требования, но, когда надо защитить свидетеля от угроз и шантажа — это практически очень сложно. Вот и получается, что, дав на следствии

правдивые показания, люди в суде от них отказываются, дела валятся, преступники снова выходят на свободу. На фоне резкого роста преступности судимость почти не растет, а криминогенная обстановка продолжает ухудшаться. Здесь пробелы нашего механизма борьбы с правонарушениями налицо. И преступники это уловили: отказываются от показаний, охаивают следователей, запугивают свидетелей.

Картина на первый взгляд мрачная, но есть уверенность, что постановление Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью», целый пакет законодательных актов, которые сейчас готовятся, решения второго Съезда народных депутатов изменят ситуацию в лучшую сторону. Много мы, юристы, ждем и от новых Основ уголовного законодательства. Отменен указ о согласовании при привлечении к ответственности военнослужащих, совершивших преступления. Это все шаги вперед к правовому государству.

Принятие Закона о конституционном надзоре в СССР вторым Съездом народных депутатов, несомненно, сыграет огромную роль в формировании социалистического правового государства, совершенствовании советского законодательства, укреплении режима законности и правопорядка в стране.

(Из материалов второго Съезда народных депутатов СССР)

■ **В. СЕРЕГИН:** Суть правового государства — это, во-первых, закон для всех. Но у нас даже Верховный Совет СССР нарушает действующие законы, принимая решение об увольнении военнослужащих срочной службы, призванных из высших учебных заведений. Но ведь в законе такого положения нет. Второй элемент правового государства — нормативное закрепление социальной справедливости. От этого мы тоже пока еще далеки. И, наконец, третий элемент: равная ответственность гражданина перед государством и государства перед гражданином. То есть, к примеру, выслужил офицер положенный срок в звании, находится на соответствующей должности. Командир должен заблаговременно позаботиться о представлении

его к очередному званию, если, конечно, нет взысканий и серьезных упущений по службе. А у нас сплошь и рядом командиры поступают как бог на душу положит: хочет — подпишет представление, хочет — нет. Где наша военная прокуратура, почему она не занимается этим большим вопросом, не контролирует в этом направлении деятельность командиров и начальников? А вы говорите правовое государство! В-четвертых, правовое государство — это государство, в котором есть законы. У нас же их нет: с 1936 года по настоящее время у нас приняты сотни законов, которые практически не действуют. Зато у нас тысячи, десятки тысяч актов подзаконных, ведомственных. Мы дошли до того, что у нас закон вступает в силу только после того, как будет объявлен в приказе министра. Значит, чья власть в стране?

Возьмем внутренние войска. Товарищи, кто вы, в каких юридических рамках действуете? Ведь нет у нас закона о внутренних войсках. Применяют их в горячей точке — они же и виноваты, не применяют — опять виноваты.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА:** В газете «Вечерняя Москва», на грузинском и ленинградском телевидении прошли интервью с народным депутатом СССР доктором юридических наук А. Собчаком, где вновь муссируются известные события в Тбилиси и вновь фигурируют «жандармские роты». Понятно, что речь идет о подразделениях внутренних войск, которые, как составная часть МВД СССР, призваны совместно с милицией оберегать честь и достоинство граждан, участвовать в защите общественного порядка.

И хотя выводы и заключение комиссии по расследованию событий в Тбилиси прозвучали на II Съезде народных депутатов, образ «жандарма» в лице солдата внутренних войск кочет по газетным страницам, нагнетая ажиотаж у тех, кому на руку дискредитация перестройки и дестабилизация обстановки в стране.

■ **В. СЕРЕГИН:** Еще один, пятый элемент, предполагаемый правовым государством, — это существование механизма, обеспечивающего правопорядок в стране. В этом направлении сейчас делается многое, и мы не можем сказать, что вообще ничего нет.

Вот тут говорили о преступности в стране. Есть, конечно, объективные причины, и мы от них никуда не денемся. А если взять армейские, войсковые условия? Ведь много неясностей и в тех уставах, по которым мы служим и живем. Это также создает почву для нарушений. Вот, например, определяет ли устав, когда военнослужащий находится при исполнении служебных обязанностей? Нет этого. А это уже прямой выход на правовые вопросы.

726
127

Или возьмем другое. Где и кем определено, когда командира и начальника можно привлечь к ответственности за нарушение, допущенное его подчиненным? А у нас это слышно и рядом.

Могу привести такой пример. Вот часто жалуются офицеры, что жен без прописки не принимают на работу. Но ведь в кодексе о труде ничего не сказано о прописке. Нужны паспорт, заявление и трудовая книжка. Берем положение о паспорте. Там просто сказано, что это документ, удостоверяющий личность. О прописке опять ни слова. Так откуда же взяли, что без прописки нельзя принимать на работу? Оказывается, 27 декабря 1932 года был принят закон, в котором говорится, что в целях борьбы с врагами народа, с кулаками и преступниками всех их прописать в сельской местности, в город не пускать и без прописки на работу не брать. То есть многие наши сегодняшние несурзацы идут из времен культа личности и никак не вяжутся с современными условиями жизни, хотя действуют на правах законов.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА:** Полностью согласен с вами. Мне кажется, что нынешняя командно-административная система — это результат действия наших законов, точнее их бездействия. Порой кажется, что тот или иной закон принимается только для того, чтобы отчитаться, что такой закон есть. Принесет ли он пользу, будет ли действовать — об этом никто не задумывается, это никого не беспокоит. Серьезные претензии к прокурорскому надзору вообще и во внутренних войсках в частности. Чем у нас занимается военная прокуратура? Да только смотрит, не нарушены ли интересы государства, а до каждого конкретного человека и дела нет. Примеров таких хоть отбавляй. Здесь уже говорилось о присвоении воинских званий. То же и с отпусками. Положен прапорщику дополнительный отпуск: могут дать, могут и не дать — никто ни с кого не спросит. А если задержался на сутки из того же отпуска (пусть даже по уважительной причине), семь шкур спустят.

■ **А. ГОРЛОВ:** Резкий рост преступности не только вызывает обеспокоенную тревогу у населения, но и осложняет ход перестроенных процессов в обществе. В постановлении Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью» намечен целый комплекс серьезных и конкретных мер. Среди них — использование внутренних войск в борьбе с преступным элементом. Как видятся вам место и роль внутренних войск в этой деятельности?

■ **В. СЕРЕГИН:** Это сегодня очень важный вопрос. От мобильности, обученности, оснащенности внутренних войск во многом

будет зависеть порядок внутри страны. И, конечно же, действовать они должны в рамках закона. Только так можно остановить вал преступности.

■ **Д. ТЫМКОВ:** Мы сегодня много говорим о росте преступности, о сложной криминогенной обстановке, но разговор этот шел как-то отвлеченно, без конкретных цифр, а они, бесспорно, впечатляют. Представьте себе: только за первые десять месяцев прошлого года в стране совершено почти два миллиона преступлений. И такая картина наблюдается во всех республиках, краях и областях. Особую тревогу у нас вызывает рост корыстных преступлений — они увеличились почти на 20 процентов за два года: кражи, грабежи, разбои. Очень высок остаток нераскрытых преступлений — более 80 процентов. Наиболее неблагоприятная криминогенная ситуация сложилась в Латвии, Эстонии, Казахстане, Тувинской АССР, Тюменской области. Сложной продолжает оставаться обстановка на улицах, площадях, в парках и скверах в Марийской АССР, Ростовской и Ульяновской областях.

Есть и положительные моменты. Так, к примеру, снизилось число преступлений в сфере экономики, а также количество правонарушений, совершенных людьми, находившимися в нетрезвом состоянии. В то же время есть динамика роста случаев взяточничества, хищений государственного и общественного имущества работниками предприятий, организаций и учреждений.

Только за прошлый год к уголовной ответственности привлечено более шестисот тысяч человек.

Тенденцию к росту имеют тяжкие преступления. По нашим данным, сегодня на улицах совершается каждое восьмое убийство, каждое четвертое тяжкое телесное повреждение и каждый второй грабеж... Конечно же, одной милиции, как бы она ни была хорошо технически оснащена и как бы ни были увеличены ее штаты, справиться с ростом преступности, переломить решительно ход событий не под силу. Необходимо участие в этом деле внутренних войск.

■ **Ю. БАЛАХОНОВ:** В постановлении Верховного Совета СССР четко сказано об использовании внутренних войск в борьбе с преступностью. Эта важная государственная задача всем своим грузом и ответственностью ляжет в первую очередь на специальные моторизованные части милиции.

Несмотря на то, что в соответствии с решением правительства численность войск, и в том числе милицйских частей, растет, их использование для несения патрульно-постовой службы и борьбы с уличной преступностью затруднено сегодня по одной причине.

Всем хорошо известно, что обстановку гласности и демократизации в стране не упустили возможность использовать и экстремистские элементы. Раздувая конфликты на национальной и другой почве, они отвлекают значительные силы на длительный период.

Задачи, стоящие перед внутренними войсками сейчас, сформулированы в ответах М. С. Горбачева на вопросы делегатов Всесоюзного студенческого форума. Было подчеркнуто, что так или иначе возникают ситуации, когда надо оградить, обезопасить наш процесс перестройки и жизнь людей. Думается, понимать это нужно в широком смысле. Ведь, несомненно, со временем конфликтные ситуации в горячих точках страны будут разрешены и войска вернутся к местам постоянной дислокации. Что касается специальных моторизованных частей милиции, они снова смогут принять активное участие в поддержании правопорядка на улицах наших городов, пресечении хулиганских и преступных проявлений.

■ **А. ГОРЛОВ:** Сегодня наши войска — это прежде всего гарант правопорядка в регионах со сложной обстановкой, вызванной конфликтами на почве межнациональных отношений. Действовать, не секрет, приходится как в реальном бою, с применением исключительных мер. Однако до сих пор нет глубоко продуманного, охватывающего все стороны деятельности закона о внутренних войсках. Как вам, Юрий Андреевич, представляется, в чем прямая необходимость такого закона и что не должно быть упущено законодателями при его создании?

■ **Ю. БАЛАХОНОВ:** 28 июля 1988 года впервые за всю историю существования внутренних войск был принят правовой документ, регламентирующий их деятельность в определенных ситуациях. Я имею в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Закона же, регламентирующего всю служебно-боевую деятельность войск, пока нет. Работа над таким документом сейчас ведется. Необходимость в нем назрела давно, и это связано не только с выводом внутренних войск из состава Вооруженных Сил. Охрана правопорядка сегодня действительно одна из важнейших задач, но ведь есть у нас помимо милицейских и оперативные, и конвойные части. Их сложная деятельность также нуждается в правовой регламентации.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА:** Сейчас разрабатывается и закон о советской милиции. Зачем два закона: о войсках и о милиции, ведь при охране общественного порядка они выполняют одни и те же функции!

■ **В. СЕРЕГИН:** Видимо, это небезосновательно. Милиция — это территориальный правоохранительный орган, который подчиняется местным властям и поддерживает порядок в обычной обстановке. Когда же обстановка дестабилизируется и восстановить ее силами милиции невозможно, как было, к примеру, в Баку, прибегают к помощи внутренних войск, то есть к силе, более мощной, с более широкими возможностями и управляемой из центра. Поэтому все же, на мой взгляд, необходимы два закона. Да и по опыту других стран мы можем видеть это. Везде деятельность внутренних войск регламентируется специальными законами. Но речь не только о регламентации, а и о правовой защите военнослужащих.

■ **А. ГОРЛОВ:** Мы уже говорили здесь о пока еще недостаточной правовой защищенности военнослужащих внутренних войск. Но сегодня вопрос из вопросов как в войсках, так и в Вооруженных Силах: правовая защищенность офицеров. Хотелось бы услышать мнение участников «круглого стола» по этой проблеме. Было бы интересно для наших читателей и то, что делается и будет сделано у нас в этом направлении!

■ **В. БОБРЕНЕВ:** В течение нескольких лет осуществлялась разработка новых уставов, но вот уже третий год переносится их принятие. Главная причина, на мой взгляд: отсутствие принципиально новых подходов к регламентации уклада воинской жизни. Наконец проекты новых уставов были опубликованы для обсуждения. Удалось ли в них дать ответы на все поставленные жизнью вопросы, сказать однозначно нельзя. Это же касается и тех положений, которые определяют правовую защищенность военнослужащих.

Отсутствие должной заботы и внимания к офицерам, их правовая и социальная незащищенность — тема, актуальная сегодня в любом воинском коллективе. К сожалению, каких-либо новых принципиальных подходов к этой проблеме в проектах уставов недостаточно, хотя именно сейчас такая возможность представляется.

Возьмем главу 4 Устава внутренней службы, где говорится о размещении военнослужащих. В ней приведен подробный перечень помещений, начиная от спального и до сушилок, условий размещения личного состава роты, прапорщиков, мичманов, военнослужащих-женщин и так далее: Все это традиционно, безусловно правильно и жизненно необходимо. Но почему-то ничего не сказано, где и в каких условиях должен проживать (читать — размещаться) офицер, его семья?

Можно предвидеть чей-то довод о том, что вопросы жилищного обустройства офи-

~~1914~~
128

Дальний гарнизон... Жизнь и служба здесь вопреки немалым трудностям идут своим чередом.

■ В минуты отдыха любит выйти с семьей на природу старший лейтенант В. Пожидаев (снимок на 1 странице вклейки).

■ Ратные будни этого гарнизона, как и всюду, наполнены боевой учебой. Ни крутые сопки, ни болота умелым солдатам не помеха.

■ В карауле будет полный порядок, когда на боевую службу заступает сержант Р. Подгорный и его подчиненные.

■ Подполковник В. Орлов и капитан В. Нечаев готовятся к занятиям.

■ Хорошее настроение у прапорщика Ирины Корниенко (снимок на 4 странице вклейки).

Фото Р. РЯЗНОВА.

церов и их семей урегулированы общегосударственным законодательством, специальными руководящими документами своего ведомства. Думается, именно такой подход во многом способствовал обострению жилищного вопроса, привел к сложившемуся на сегодня явно ненормальному положению с обеспечением офицеров жилой площадью.

Ведь офицеры относятся к особой категории советских граждан. Они проходят действительную службу, а следовательно, и проживают не где захочется, а где предписано приказом командования, и потому нуждаются в специальных законодательных гарантиях реализации своего конституционного права на жилье. Жилье пора рассматривать в качестве одного из видов гарантируемого натурального довольствия военнослужащих, которое согласно статье 69 Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» они должны получать за счет государства. Нельзя дальше оставлять такое положение, при котором офицер годами ждет получения того, что ему надлежит иметь по закону.

Поэтому, на мой взгляд, в устав необходимо ввести специальную норму, определяющую порядок размещения офицерского состава. Причем для командиров подразделений, непосредственно занятых с личным составом, устав должен предусматривать обеспечение служебной жилой площадью. При отсутствии возможности ее немедленного предоставления следует предусмотреть временное размещение офицеров и их семей в общежитиях воинской части. Это сразу же превращает обеспечение жильем в прямую уставную обязанность командиров и начальников как полкового звена, так и вышестоящих должностных лиц.

■ РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Известно, что специальными постановлениями Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР молодые специалисты, окончившие высшие и средние специальные заведения и выехавшие по распределению к месту работы, подлежат немедленному внеочередному обеспечению жильем за счет тех предприятий, в которые они направлены. Такой же порядок действует в отношении лиц, выехавших на работу в другие местности по оргнабору. Почему же не закрепить такое же право на жилище за офицерами!

■ В. БОБРЕНЕВ: Идея, бесспорно, интересная, но решит ли еще одно постановление эту сложнейшую проблему? Как мы с вами знаем, и молодые специалисты, несмотря на первоочередное право, долгие годы не получают жилья.

■ В. СЕРЕГИН: О какой правовой защищенности офицера можно говорить, если всем известно: совершил подчиненный проступок — его командира обязательно накажут. Видится необходимым в качестве принципиальной меры установить специальную норму, запрещающую налагать взыскание на командиров (начальников) за проступки, совершенные их подчиненными. Любой вид юридической ответственности может наступить только при виновном — умышленном или неосторожном — нарушении охраняемых законом общественных отношений. За допущенное нарушение должен отвечать только непосредственный виновник — такой основополагающий принцип ответственности в нашем советском праве.

Необходимы законы о правах и обязанностях милиции, внутренних войск, адвокатуры, режиме особого положения, об усилении правовой защищенности работников правоохранительной системы.

(Из материалов второго Съезда народных депутатов СССР)

В повседневной воинской действительности, к сожалению, такого подхода придерживаются далеко не всегда. Немало известно случаев, когда за самовольную отлучку подчиненного отвечали по восходящей командир взвода, роты, полка. А если произошло что-то серьезное, то нередко взыскания раздаются начальникам и более высокого ранга. Именно такой подход породил порочную практику сокрытия нарушений воинской дисциплины, происшествий, когда командиры во избежание всяческих неприятностей по службе и строгих взысканий оставляют безнаказанными злостных нарушителей воинской дисциплины, правопорядка. Ничто так не развращает, как попустительство, чувство собственной безнаказанности. Причем нарушитель прекрасно осознает, что старшему начальнику вовсе невыгодно предавать его неблагоприятные деяния гласности, проявлять принципиальность, взыскательность. Все это ведет к новым, подчас более опасным проявлениям недисциплинированности. В то же время у сослуживцев такого безнаказанного нарушителя подрывается вера в справедливость, в возможность добиться ее законными способами.

Наверное, все-таки следует отдельной статьей устава запретить наложение взысканий на командиров (начальников) за проступки подчиненных, кроме случаев, когда причиной таких проступков явились неправильные действия (бездействие) самих командиров либо ими созданные предпосылки, обусловившие случившееся.

Сам факт обсуждения проблем преступности и законности на уровне Съезда... новый шаг верховной власти на пути формирования правового государства.

(Из материалов второго Съезда народных депутатов СССР)

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:** Как вы считаете, следует ли как-то регламентировать продолжительность служебного времени офицеров?

■ **В. БОБРЕНЕВ:** Распределение служебного времени офицеров непосредственно относится к сфере социальных прав, которая, как ни странно, в проекте Устава внутренней службы осталась обойденной. Причем здесь можно вести речь не о каких-нибудь нововведениях, а хотя бы о закреплении того, что на сегодня определено действующими приказами. Имеется в виду необходимость внесения в главу 5 Устава внутренней службы специальной статьи, предусматривающей продолжительность нормального служебного времени офицеров, прапорщиков и мичманов согласно Конституции СССР—41 час в неделю, а также обязательное предоставление всем категориям военнослужащих еженедельных дней отдыха. Здесь же требуется четко оговорить особенности, случаи, когда продолжительность служебного времени может превышать обычную для условий нормальной повседневной службы. Речь идет о нахождении в нарядах, на боевом дежурстве, на учениях и других специальных мероприятиях, при повышенной боеготовности.

Недоумение вызывает и заложенное в проект Устава внутренней службы ограничение права военнослужащих на отдых.

Получается, что лица, не занятые в выходные дни в суточном наряде, имеют еженедельный день отдыха (или даже два), а те, кто дежурит по полку, по столовой, находится в карауле, такого дня отдыха лишаются. Причем наряд представляет собой наиболее трудный и напряженный вид воинской службы. Сменившемуся с наряда в выходной день, особенно если такая смена происходит в вечерние часы, совершенно не предоставляется времени для нормального восстановления физических сил, снятия психологического напряжения. В конце концов для того, чтобы привести себя в надлежащий вид на предстоящую неделю. Если действительно проявлять заботу о людях, то нужно распространить правило о предоставлении дней отдыха в течение последующей недели лицам, задействованным на дежурстве не только в праздники, но и в выходные дни.

Будем надеяться, что в ходе широкого обсуждения проектов новых общевоинских уставов будут учтены мнения командиров, политработников, армейской общественности и вопросы правовой и социальной защищенности офицеров получат более конкретное толкование.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА:** Отвечая на вопросы, здесь ссылались на общевоинские уставы, но ведь внутренние войска выведены из состава Вооруженных Сил. Какое же отношение новые уставы будут иметь к нам!

■ **В. СЕРЕГИН:** Думается, самое прямое. Ведь никто не отменял действие в войсках этих уставов и никто не говорил, что ваша служба перестала быть воинской. Другое дело, что задачи внутренние войска выполняют специфические. И военная организация на фундаменте воинских уставов при этом необходима.

■ **А. ГОРЛОВ:** Как и ожидалось, разговор наш получился несколько шире, чем предполагалось. Однако это и правильно, ведь сегодняшних участников нашего «круглого стола» интересуют самые разные вопросы в русле темы правового государства, защиты прав военнослужащих внутренних войск. Надеюсь, что на некоторые из этих вопросов в той или иной степени ответить удалось. Да и нельзя, наверное, в рамках одного мероприятия объять необъятное. Поэтому работу в этом направлении мы будем продолжать и дальше. А всех, кто пришел на нашу встречу, хочется поблагодарить от имени читателей за внимание к нашему журналу.

Беседу записали
полковник Ю. ДУРНЕВ,
подполковник О. ВОЛКОВ.

ХРОНИКА ТРЕВОЖНЫХ ДНЕЙ

Скорбным эхом отозвались по всей стране трагические события горячего лета Ферганы... Это подлый, жестокий удар по перестройке. В средствах массовой информации давались сообщения о положении в регионе, о действиях правоохранительных органов и внутренних войск МВД СССР. Однако многих людей до сих пор волнуют вопросы: в чем истоки трагедии? Как могло случиться подобное? Кто управлял действиями экстремистов? Турки высланы, экстремисты добились своего, следовательно, правительство поддерживает их? Не связаны ли события в Фергане с выпуском из-под стражи коррумпированных элементов? Нельзя ли заменить местную милицию на личный состав внутренних войск?

Ответы на эти и многие другие волнующие вопросы можно найти в сборнике «Ферганский дневник. Лето 1989», выпущенном Политическим управлением внутренних войск МВД СССР. В издании полностью отражена хроника тех тревожных дней. Авторы ведут рассказ о воинах внутренних войск, которые, в полном смысле слова, не жалея себя, встали на защиту покоя и жизни наших людей: «...плексигласовые щиты разлетались вдребезги от ударов камней нападающих, а молодые солдаты все равно стойко и мужественно отстаивали позиции. Ребята зачастую выступали в роли «живой изгороди».

Решительные меры начали применяться только после того, как стало ясно, что первые оценки ситуации оказались ошибочными и солдаты столкнулись не с хулиганствующими элементами, а с хорошо организованными и вооруженными формированиями. Но даже после получения разрешения на применение огнестрельного оружия военнослужащие действовали гуманно.

В сборнике помещено интервью Министра внутренних дел СССР В. В. Бакина корреспонденту Узбекского телевидения и радио 5 июня, в котором он оценивает сложившуюся ситуацию.

В информации начальника внутренних войск МВД СССР генерал-полковника Ю. В. Шаталина обстоятельно освещаются действия войск в Ферганской долине по пресечению деяний националистических элементов: «Мы ничего не скрываем, нам нужна правда и только правда, которая должна отразить реальную картину происходящих событий и стать серьезным уроком на будущее». Ферганские события дают убедительный ответ на домыслы и слухи, показывают, что внутренние войска нужны. Именно они являются реальной силой, призванной обеспечить правопослушность.

Е. КАНДЫБИНА.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«ВСЕ «ЗА». ЧТО ЖЕ МЕШАЕТ?» (1989, № 7)

Из ГУИД МВД СССР сообщили, что статья «Все «за». Что же мешает?» рассмотрена. В ней правильно говорится о необходимости совершенствовать существующую ныне систему принудительного лечения и трудового перевоспитания алкоголиков и наркоманов.

МВД СССР совместно с Минздравом СССР разработало и направило в инстанции проекты новых законодательных актов по деятельности ЛТП. Предусматривается, в частности, ввести дифференцированные условия содержания лечащихся в зависимости от эффективности лечения, отношения к труду, соблюдения режимных требований и выработки установки на трезвый образ жизни.

Вместе с тем необходимо отметить, что укрепление режима и правопорядка в ЛТП в значительной мере зависит от совместных усилий работников всех служб профилакториев и воинских подразделений.

В целях укрепления режима и правопорядка в ЛТП на места направлена межведомственная инструкция, конкретизирующая порядок применения некоторых норм действующего законодательства в отношении злостных нарушителей режима.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

В редакцию пришло письмо, в котором военнослужащие жаловались, что свой единственный выходной день проводят на различных хозяйственных работах. Одновременно рассказали о неадекватном поведении заместителя командира части подполковника В. Кузнецова. Он в пылу гнева не раз называл их не иначе как «преступниками в военной форме».

Как сообщил политработник офицер В. Шелюк, письмо личного состава роты внимательно изучено. Для тех, кто несет службу в воскресенье, выходной день перенесен на среду. Поведение офицера В. Кузнецова рассмотрено на командовании и партийном бюро управления части.

К сожалению, из ответа неясно, как же быть с хозяйствами в выходные дни?

Прапорщик Мария ИГНАТЬЕВА

СОНЕТЫ

* * *

Легко стопами к тверди прикасаясь,
 Вслед силы набирающей весне,
 В былое по приметам возвращаясь,
 Шла женщина по теплой целине.
 С вершины безымянного кургана
 Широкий плес предстал ее глазам...
 Какие бури бушевали там,
 Раздув меха военного органа!
 Броня трещала, и ревел фугас,
 Земля от взрывов дыбом поднялась,
 День изнемог от грохота и воя...
 Перед степной разящей тишиной,
 Среди цветов, на бывшем поле боя,
 Застыла Ника — крылья за спиной.

* * *

Истории кровавые мгновенья,
 Затмило вас сияние наград,
 И горше, чем чертополох забвенья,
 Бесстыдный лицемерия парад,
 Под гром оркестров и речей помпезных
 У стен Кремля захоронивший прах...
 А косточки — белеют на полях!
 Там — мавзолеем погибших Неизвестных!
 От их непогребенности святой
 Не откупиться мраморной плитой
 И ежегодным ритуалом тризны!
 Даль памяти — кошмар пустых глазниц...
 В жестоких бурях из судьбы Отчизны
 Росой свинцовой — смыли столько лиц...

* * *

Я окна в майский день открою,
 Прервав печальных размышлений час,
 Нет, не слепого случая игрою
 Чужая память болью входит в нас.
 То — горечь воздаянья и прозренья
 В трагических сращениях судеб.
 И лебедой и гарью пахнет хлеб
 На всех могилах в День Поминовенья.
 Не счесть имен, помеченных крестом!
 Но все-таки живому — о живом,
 И новый день несет свои заботы.
 Не убоявшись сполохов зарниц,
 Крылами чертят формулы полета
 В весеннем небе стаи белых птиц.

Прапорщик Евгения БУТОРИНА

* * *

Подарили тюльпаны.
Я в хрустальную вазу
Их поставила.
Они были красными
И, наверно, от страха,
Пестрыми были.
Словно шумное море
Разноцветных тюльпанов
На моем окне.
А потом принесли мне,
Забежав мимоходом,
Белый тюльпан.
Он стоял, словно лебедь,
На волнах из тюльпанов.
И мне вдруг показалось,
Что ты одинок.

* * *

Без тебя живу, без тебя.
Не завидуя, не виня.
Словно ласточка без гнезда,
Словно без загадки звезда.
Словно тишина без сверчка,
Домик карточный без качка.
Словно улочка без дворов,
Лес без пил и без топоров,
Пес охотничий без чутья,
Без землетрясений земля,
Словно зоопарк без зверья.
Так и я живу без тебя.

* * *

Будь проклято наивное начало...
Но снова поднимаюсь и бегу
По зыбкому, подтаявшему льду
Туда, где прежде музыка звучала.

Прапорщик Наталья НЕТЛЕВСКАЯ

ВЫ ВЕРНУЛИСЬ...

Как вернулись из страшной войны...
Не расскажут правдивые книжки,
Как себе оставались верны,
Не прося у судьбы передышки.
Что за боль, что не просто болит?!
Что за память — с годами не легче?!
Разрастается камень-гранит...
Кто придумал, что время излечит?
До конца не назначить цены
Сорок пятого года весне...
Вы вернулись из страшной войны,
Вы остались на страшной войне.

Обращение к читателю

У «Советского воина» богатейшая история, накрепко переплетенная с героическими страницами нашей Родины. 15 апреля 1919 года — дата рождения журнала. Правда, в пору своей далекой юности он именовался «Красноармейцем» (одно время — «Красноармейцем и краснофлотцем»), но у него, как и у сегодняшнего «Советского воина», все тот же верный и преданный читатель и друг — юность в солдатской шинели.

НАШ РАССКАЗ О ЯРКОЙ И ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА ДМИТРИЯ БЫСТРОЛЕТОВА

Он не раз тонул в море и горел в огне, был графом и нищим, матросом и могильщиком, в него стреляли в упор, он погибал от лютых морозов Севера и нестерпимой жары Сахары, был дружен с принцами, лордами, фашистскими боссами и с вождем племени пигмеев...

Закончил университеты в Праге и Цюрихе, брал уроки графики у профессоров Парижской и Берлинской академий художеств, знал 22 языка. Его голова оценивалась врагом очень дорого.

Почти 16 лет в разведке!

Арестовали его свои, дома, под утро. Допросы, пытки и... 16 лет сталинских лагерей.

После освобождения надо было жить. И он жил, работал, боролся.

ОДНАЖДЫ в редакции появился интеллигентного вида мужчина: борода, очки. В руках у него был довольно внушительный чемодан, который сразу насторожил меня: были случаи, когда графоманы приносили нам рукописи в авоськах, один раз даже в солдатском вещмешке. Неужели и на этот раз?..

Щелкнули замки, крышка откинулась, и мне стало не по себе: добрый десяток аккуратно переплетенных томов. «Не дать их оставить», — мелькнула мысль.

Геннадий Иванович — так он представился — видно, догадался, о чем я подумал, усмехнулся почти незаметно, сказал:

— Автор этих рукописей умер. Родных у него, кажется, не осталось. Прочитайте! Хотя бы один том. — Достал книгу в черном переплете и положил мне на стол. Добавил: — Если решитесь опубликовать, публикуйте.

А. С.
133

По своему статусу «Советский воин» — общественно-политический и литературно-художественный журнал. Это говорит о его широких творческих возможностях, многообразии жанров, яркой иллюстративной палитре.

У «Советского воина» есть свой козырь — приверженность литературным публикациям. Это давняя и добрая традиция журнала, который щедро предоставляет свою площадь как большим, широко известным писателям, так и молодым литераторам. В нынешнем году читатели смогут познакомиться с произведениями Валентина Пикуля и Владимира Богомолова,

Василия Быкова и Ивана Стаднюка, Михаила Алексеева и Петра Проскурина, Вячеслава Кондратьева и Бориса Можаяева...

Особую значимость сегодня приобрела публицистика. Ее с большим интересом воспринимают читатели за строго определенную авторскую позицию, остроту поднимаемых проблем, литературную отточенность слова. Вы в этом, уважаемые читатели, сполна можете убедиться, прочитав материалы Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Григория Бакланова, Олжаса Сулейменова, Владимира Солоухина. Поверьте, это будут очень приятные встречи.

Множество непростых задач ставит пе-

Он попрощался и ушел. А я взвесил на руке том, порадовался, что все кончилось относительно благополучно, и открыл ради любопытства первую страницу. Буквально через несколько минут, краснея от стыда, я понял, что совершил великую глупость, готов был бежать за владельцем драгоценнейшего чемодана. Но...

«Будем печатать», — ознакомившись, единогласно решили члены редколлегии. Естественно, с разрешения компетентных органов. Такое разрешение было получено.

Так в «Советском воине» появились «Записки из тридцать восьмого» Дмитрия Быстролетова. После публикации в редакцию пошла письма с просьбой рассказать об этом человеке подрабее; как он стал разведчиком, какую роль принес Родине, чем занимался в последние годы?

И вдруг звонок:

— Спасибо огромное за публикацию. Я — дочь Дмитрия Александровича. Приемная дочь, — уточнила она.

Напросился в гости. Приехал в небольшую квартиру на Преображенке. Магдалина Васильевна достала альбомы с фотографиями, оставшиеся рукописи, рисунки...

— Многие Дмитрий Александрович сжег в ванной. Время-то после Хрущева изменилось. Его ведь потом опять вызывали. Опасаясь, что после смерти у нас могут быть неприятности, — пояснила она. — «Черные книги» — как вы их называли — Дмитрий Александрович начал писать еще в лагере. На бумажных обрывках, которые затем сшивал. Три такие тетрадки я сама держала в руках. Где они? Тут своя история. Это было еще в пятьдесят втором: ко мне пришел очень странный человек. Узбек или казах. Обросший, большой. «Ты — Лина? Я от Дмитрия-бека». Сначала ничего не поняла, потом догадалась. Мама писала, что в лагере познакомилась с необыкновенным человеком, что, возможно, от него придет гость. Да, говорю, я — Лина. Тогда «гость» снял телогрейку, распорол подкладку, достал смятые тетради. «Возьми, дочка. Сохрани. Я жизнью рисковал. Дмитрий-бек — большая голова. Корана в руках нет, а читает. Береги!» И ушел. Коран Дмитрий Александрович действительно знал наизусть. Столько он знал и умел. Удивительный человек! Возвратился

из лагеря в 1959 году, в феврале. Открываю дверь — господи! Рост — два метра. Без шапки, в каком-то рванье, заросший, худой. Маму еще тогда не освободили. У нее тоже судьба — не позавидуешь. — Магдалина Васильевна заплакала: — За что им такое?

...Об Анне Михайловне Ивановой — второй жене Дмитрия Александровича — следует рассказать хотя бы кратко. Не соедини их лагерная любовь, не выжить бы, не выстоять автору «Черных книг», что он не раз подтверждает в воспоминаниях.

Встретились Дмитрий Александрович и Анна Михайловна в первый ее «срок» в Сусловском лагере. И не потеряли друг друга. Она настойчиво убеждала его в письмах ехать после освобождения в Москву, к ее дочери Лине и ждать.

Вот как он сам пишет о возвращении:

«Гремит оркестрами привокзальная площадь. Бушующее от восторга море людей. Высоко взметнулись сотни плакатов. На них слова: «Пламенный привет сибирским страдальцам!»

Подходит поезд. В толпе молнией пробегают одно слово: «Идут!» И вот они — истощенные, больные, но безмерно счастливые.

Мгновения торжественной встречи — их первая награда.

Люди плачут, не скрывая слез.

Возвратившихся бережно усаживают в автомобили, похожие на корзины цветов. Нарядный кортеж движется через бушующую восторгом толпу к лучшим гостиницам и домам отдыха...

Что это — выдумка, сон! Нет.

Только случилось такое не у нас: так встречали в Западной Германии «героев Сталинграда» эсэсовцев — «черных» и «коричневых» сынов — из вполне заслуженного ими сибирского заключения.

Встрече был намеренно придан политический характер.

После фашистов, с которыми в сталинских лагерях спал и работал бок о бок, вернулся из Сибири и я. Вернулся, как очень многие, на развалины: семья выбита, имущество растащено «друзьями». Это было возвращение на пустое место, в никуда.

ред обществом перестройка. «Советский воин» поможет своим читателям быть в курсе особенностей этого поистине революционного процесса, его влияния на армейскую среду и, что особенно важно, — участия самой армии в перестройке. Посмотрите на остроту рубрик, они говорят сами за себя: «Курсом перестройки», «Реабилитированы историей», «Единоначалие и демократия», «Командировка по тревожному письму», «От факта к проблеме», «Кардиограмма совести», «Поговорим об интересном», «Клуб знакомств» и др. Естественно, под броскими рубриками должны стоять подобающие материалы — по своей

остроте, проблемности, форме подачи, литературной обработке.

Обнадеживающи перспективы «Советского воина», чье становление и мужание продолжается сообразно с требованиями дня, задачами перестройки. Вскоре журнал намерен значительно расширить географические рамки и снять языковые барьеры: «Советский воин» будут читать жители Средней Азии, Прибалтики, Закавказья, словом, он будет выходить на языках всех союзных республик. «Советский воин» смелее шагнет к зарубежному читателю.

Небезынтересны и такие новации: вме-

По прибытии в Москву буквально выполз на перрон Казанского вокзала. На мне болталась телогрейка с вырванными на груди и спине номерами, шапку в дороге украли, в кармане лежала справка, что швей у меня нет, и удостоверение, что я действительно шпион, террорист и заговорщик, освобожденный досрочно как неизлечимо больной.

Постовой милиционер остановил меня:

— Ты оттуда!

— Оттуда...

— Так давай отселева к такой-то матери! Катись, чтоб духу твоего здесь!..»

На этом историю возвращения хочу прервать и вернуться к началу биографии Д. А. Быстролетова.

При разговоре с людьми, которые знали Дмитрия Александровича — Еленой Григорьевной и Петром Спиридоновичем Кольцовыми, Владимиром Георгиевичем Боборыкиным, Сергеем Сергеевичем Милашевым, думалось о том, что потери, понесенные в те годы, невосполнимы, потому что под видом борьбы с «врагами народа» вытравили лучший генетический фонд нации.

Итак, о начале биографии Д. А. Быстролетова.

Даже появление его на свет романтично. Мать его, Клавдия Дмитриевна Быстролетова, родилась и выросла в богатой казачьей семье. Под влиянием старшего брата — студента уехала в Петроград, поступила на Высшие женские курсы.

В те годы брат великого писателя Льва Толстого, Александр Николаевич, решил создать в Крыму образцовую крестьянскую деревню. Эта идея пришлась по душе романтической девушке, и она последовала за молодым графом, работала учительницей. Там у нее и родился мальчик — якобы от графа. Достоверность факта документами не подтверждена, но не верить автору воспоминаний оснований у нас нет.

Мальчик воспитывался в Санкт-Петербурге у родственников. С малых лет его учили музыке, рисованию и особенно языкам: английскому, французскому, немецкому... Турецкому он выучился у няньки, когда переехал жить к матери в Анапу.

Учился в гимназии и одновременно в мореходной школе. По окончании их был зачислен в 1-й специальный (штурманский) класс мореходного училища.

Для продолжения учебы нужно было проплавать год матросом на торговых судах. Его взяли коچهгаром на пароход, с него перевелся на шхуну «Преподобный Сергей».

Спасаясь от мобилизации в деникинскую армию, Дмитрий вместе с товарищами организуют бунт на судне, берут под арест капитана и уходят в Турцию.

Вот его описание скитаний в Стамбуле.

«...Живописнейший, тысячу раз воспетый проклятый город длинной полосой тянется вдоль пролива и разделен двумя параллельными Босфору улицами — верхней, Пэрой, и нижней, Галатой. Пэра — это светлый мир банков, посольств, богатых магазинов и нарядной публики. Галата — торговая портовая часть с шумной многоязычной толпой моряков, докеров, воров и проституток. Между нижним и верхним городом тянутся ступенчатые улицы и переулки, где прячутся разврат и уголовщина. Каждый вечер с американских, английских, французских и итальянских военных судов на берег высаживаются тысячи моряков и морских пехотинцев — сытых и здоровых молодых людей, у которых карманы лопаются от денег. Эти бездельники жаждут удовольствий, и город, где все продается и покупается, предлагает им самый широкий выбор. За доллар можно ваксой разных цветов почистить лицо бывшего врангелевского офицера, за два — напоить его пивом и заставить с дерева мочиться на головы прохожих, за три — провести ночь в притоне с тараканьими бегами, за пять — лопасть в «гарем турецкого пашы», где нагие жены белых офицеров картинно возлежали на коврах и предлагали опий или гашиш. Предлагалось все, что спрашивалось и покупалось. А за полдоллара юркие проводники из бывших петербургских пажей и праведов вели матросов и солдат на Тартуш, в обширный квартал публичных домов и опасных вертепов. Опасных потому, что счастливым, которые там много выигрывали, при выходе всаживали нож в спину, забирали деньги, а труп

134

сто привычного «Иллюстрированного приложения» выходит комсомольско-молодежное приложение «Боевой товарищ», где немало интересного могут найти для себя молодые читатели — и те, кто сегодня в армейском строю, и те, кто готовится стать защитником Родины.

Новый 1990 год ознаменовался рождением еще одного редакционного подразделения — отдела «Военная фотохроника»: он будет централизованно, на договорных началах обеспечивать различные городские, областные, краевые и республиканские газеты и другие средства массовой информации высококачественными сним-

ками о жизни и боевой учебе Вооруженных Сил.

И еще об очень важном хочется сказать при нашей встрече. Мы, советские журналисты, сотрудники «Советского воина», очень надеемся на вас, уважаемые читатели. На вашу отзывчивость и доброе к нам расположение, участие в создании нашего журнала. Да, именно на-ше-го, ибо с вашей помощью мы сможем сделать интересный журнал, который войдет в ваш дом, вашу судьбу советчиком и другом. Так что давайте дружить!

Главный редактор журнала «Советский воин» полковник Л. ГОЛОВНЕВ.

швыряли в потоки мочи и помоев, струившихся по обеим сторонам мостовых-пестниц.

Эти ступенчатые спуски легко представить. На мокрых зловонных ступенях лежат тысячи людей, копошатся дети, умирают больные и старые. Умерших волочат вниз, на Галату, и подбрасывают там так, чтобы утром труп заметил и убрал патруль английской полиции. Над лежащими беженцами пышно вьется по стенам виноград и цветы-вьюнки, розовые и голубые. Справа и слева — только публичные дома. Их окна длинные, как витрины, они без стекол, но с подоконниками, на которых голые женщины аккуратно разложили груди разного цвета и всевозможных размеров и веса: каждый прохожий может выбрать себе товар на ощупь. Все женщины одновременно кричат на разных языках, рекламируя достоинства своего товара. В довершение турецкие городские власти для увеселения иностранцев посылают сюда шарманщиков. Все в целом — совершенное безумие, сипнотифозный бред. Иногда вдруг вспыхивает драка, быстро переходящая в бой: американцев с англичанами или белых с неграми. Бьют друг друга обломками мебели или режут бритвами. Тогда кровь течет ручьем по грязным ступеням и брызжет на спящих или мирно ужинающих беженцев...

В Стамбуле Дмитрию Быстролетову жилось скверно. С рассвета дотемна рыскал по улицам в поисках хоть какой-нибудь работы, питался огрызками и порою стонал от тоски и горя. Все его изголодавшееся существо жалко кричало: домой, на родину! А родина была так далека, что даже во сне переставала сниться.

Позднее он всегда с улыбкой благодарности вспоминал рижую еврейку из Одессы, мадам Розу Лейзер: в ее публичном доме второй этаж пустовал, и туда Роза пускала нечевать всех безработных русских моряков. Полиция на Тартуш не заглядывала, и ночлег им был обеспечен. А днем женщины штопали ему носки и латали штаны, как самому тихому, молодому и голодному.

Затерявшись в этом земном отделении преисподней, он умер бы голодной

смертью, если бы все-таки иногда не подвертывалась случайная работа: оштукатурить стены в новом кабаке Вертинского «Черная роза», отбить ракушки с поставленного в док бразильского судна, поднести с рынка продукты во французский ресторан Дорэ.

Но судьба проявила к нему благосклонность. Он встретил в этом аду русских людей, которые помогли ему поступить на последний курс колледжа, чтобы по окончании его уехать в Прагу для поступления в университет.

С 1922 года он — студент юридического факультета одного из старейших университетов мира — Пражского. Обращение его в консульство РСФСР с просьбой об отправке домой окончилось неудачей. «Учитесь. Родине нужны образованные юноши, специалисты», — сказали ему.

По окончании университета ему была устроена командировка в Москву, где произошла встреча с Артуром Христиановичем Артузовым. Разговор был долгим, подробным...

Так Дмитрий Александрович Быстролетов стал профессиональным разведчиком.

Об этой своей деятельности он пишет скупо, сразу же предупредив, что почти все имена и места событий изменены, что у профессионалов разведки есть секреты, о которых говорить не будет принято никогда.

И все же несколько выдержек следует привести, так как мы пока не располагаем воспоминаниями боевых товарищей Дмитрия Александровича (многие погибли в лагерях, уничтожены на местах, поумирали в мирное время), хотя не теряем надежды, что кто-то жив и откликнется. Вряд ли сохранился в архивах КГБ подробный формуляр деятельности разведчика Быстролетова, коль он 16 лет числился во «врагах народа», да и потом — «лишенцем», человеком без прописки.

Вот копия одного приказа:

«...№ 1042/3, 17 ноября 1932 г., г. Москва. За успешное проведение ряда разработок крупного оперативного значения и проявленную при этом исключительную настойчивость — награждаю:

Быстролетова Д. А.—сотрудника ИНО ОГПУ—боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с к.-р. (контрреволюцией). От коллегии ОГПУ.

Зам. пред. ОГПУ—Балицкий».

Подпись и штамп: НКВД СССР — Иностранный отдел ГУГБ.

Но что стояло за этим приказом? Какие события и люди?

Есть у него строки, частично раскрывающие суть его работы: «Я не был трусом, но не был и глупцом. Сознание вечной опасности отравляет разведчика все наиболее спокойные и радостные моменты его внешне благополучной жизни.

Не завидуйте разведчику, когда он надевает утром шелковый халат, днем садится за хорошо сервированный стол, а ночью идет в дорогой ресторан об руку с красивой женщиной. Помните, смерть всегда с ним: в виде браунинга в кармане брюк или ампулы с ядом.

Произошел весьма неприятный случай. В одном нашем посольстве работал на высокой должности поверенного в делах некий Беседовский, еврей по национальности, «испытанный» член партии. Он воспользовался полученным из Москвы денежным фондом, уложил валюту и наиболее важные документы в портфель и бежал в объятия французской разведки.

Выдал секреты, имена, явки, которые знал. Потом опубликовал книгу. Ее внимательно прочитал Сталин и написал на титульном листе единственное слово.

Меня вызвали на конспиративное свидание из «португальских фьордов» в отель «Викинг» в Осло и приказали срочно явиться в Москву. Как австрийский инженер-текстильщик я немедленно отправился в долгий зигзагообразный путь, пока не оказался на Лубянке и не получил в руки «эпопею» книгу с резолюцией «Возобновить».

За этой фразой стояла огромная работа, связанная с поиском людей, вербовкой, налаживанием сложного механизма связей и явок, которые создавались годами и были провалены одним предателем...»

И еще об одном событии из жизни разведчика нельзя не рассказать. Оно абсолютно достоверно.

Еще будучи в Праге, молодой Дмитрий Быстролетов познакомился с красавицей чешской по имени Иоланта. Они стали мужем и женой. Естественно, молодая жена скоро была вовлечена в разведывательную деятельность.

В 1936 году была сыграна еще одна свадьба, которая для любого обычного человека покажется кошмарной. Разведчик выдал замуж свою молодую красавицу жену за полковника итальянского генштаба: другого выхода не было, и он убедил Иоланту. Сменили паспорт... Полковник не устоял.

А дальше события разворачивались, как в детективном фильме. Иоланта сняла слепок с ключа от сейфа, который находился в кабинете здесь же, на вилле.

Ночью истинный муж забрался в окно, открытое Иолантой. Документы разложил на столе, стал фотографировать. Почти за-

кончил, когда раздался шорох и дверь открылась.

Полковник вошел в кабинет. Повернул голову туда, куда смотрела Рона-Иоланта, и разом увидел все—направленный на него пистолет, фотоаппарат, открытый сейф, папку с документами.

Секунды две все молчали.

— Он тебя держит под пистолетом, Рона!—наконец выдал полковник.

— Нет,—ответила Иоланта.— Дай ему уйти без шума. Помни о себе. Это главное. Никто ничего не узнает.

Полковник повалился в кресло...

Эта операция крепко пошатнула здоровье Иоланты, и ей было разрешено выехать в Москву. В 1937 году возвратился домой и Дмитрий Быстролетов. Они получили квартиру.

Шел разговор о новом задании. Но начались аресты. В 1938 году пришел и его черед. Бутырская тюрьма, Лефортовская, Сибирские лагеря...

Иоланту не трогали. Почему, не понять. Какая-то шестеренка машины уничтожения, видно, пробуксовала. И все-таки молодая женщина была ею раздавлена.

Она приехала к мужу в лагерь весной 1941 года. Прорвалась через все кордоны и запреты, чтобы проститься: открывшийся туберкулез буквально сжигал ее. Им разрешили свидание.

...О смерти жены он узнал из письма, которое было передано в обход цензуры. Незнакомая женщина писала: «Выполняю последнюю волю вашей жены. Она хотела, чтобы вы знали правду.

1 января 1942 года нас, неблагонадежных жен репрессированных мужей, погрузили на открытые платформы и повезли в Куйбышев. Многие замерзли в дороге. Оставшихся поселили в барак, в котором не было даже нар. У Иоланты не прекращались горловые кровотечения. Она принимала, что всем мешает. Где-то достала нож, выползла за уборную... Ее нашли утром мертвой.

Вот такая горькая правда. Простите, но я поклялась ей, что если останусь в живых, сообщу...»

Зимой сорок первого умерла от горя и мать Быстролетова.

И вряд ли бы он выжил—сам об этом гозорил не раз и писал, если бы не повстречал Анну Михайловну. Она оживила его душу. Через 16 долгих, каторжных лет Быстролетов вернулся в Москву, жил в семье ее дочери, ждал.

— Мы с мужем купили Дмитрию Александровичу одежду,—рассказывала Магдалина Васильевна.— Не ахти, конечно, какую. Стала я его откармливать, лечить, ведь он приехал после инсульта, больной. Спасибо участковому нашему—Быкову. Ведь жить-то в Москве без прописки было нельзя. А кто пропишет бывшего «врага народа»? Но Быков будто не замечал, сам фронтовик, понимал. Скоро и мама возвратилась.

Анну Михайловну освободили по амнистии, потому работы для нее в Москве не нашлось. Сколько порогов обила! И они уехали за сто первый километр—под Рязань. Стала там работать на небольшом заводике. Перед ней были две задачи:

поставить на ноги мужа и добиться их полной реабилитации. Через год пришлось переехать в город Александров. Причина одна: местные власти не желали жить рядом со «шпионом» и «террористкой».

В апреле 1956 года они наконец получили справки о полной реабилитации. «...Дело отменено, прекращено за недостаточностью обвинения». Коротко и ясно. Будто ничего и не было.

Здоровье Дмитрия Александровича улучшилось, и они переехали в Москву. Естественно, что здесь их никто не ждал. А они имели право на жилье, на работу, на материальную помощь, коль стали полноправными гражданами государства.

Он не сомневался, что, однажды ошибившись, власть защитит. И что интересно, перед его упорством бюрократия нехотя, но отступала. Сначала ему частично возместили ущерб, нанесенный при аресте, выплатили небольшую сумму. Затем дали двенадцатиметровую комнату, а потом и пенсию, как бывшему разведчику.

Отдельную квартиру предоставили позднее, когда Председателем КГБ СССР стал Ю. В. Андропов.

В 1958 году Дмитрий Александрович устроился работать в медицинский реферативный журнал, который постепенно преобразовался в НИИ медицинской и медико-технической информации Министерства здравоохранения СССР. Нужно было проверять правильность переводов с девятнадцати языков по всем бесчисленным разделам медицины, с ее поистине необозримой терминологией.

Жизнь налаживалась. Но однажды раздался звонок:

— Дмитрий Александрович Быстролетов? Находитесь дома, за вами сейчас приедут!

Анны Михайловны дома не было. Он собрал узелок, приготовился к худшему. Но приехавший, увидев вещички в руках, виновато улыбнулся, обнял:

— Мы рады, что вы живы. Нужно помочь. Есть документы, в которых без вас нам не разобраться. Разведка понесла огромные потери.

Несколько месяцев почти каждый день он ездил в знакомое здание и как бы возвращался в годы молодости. Перед ним в документах проходили поломанные судьбы. О многих из этих людей никто ничего не узнает.

Тогда у него и родилось желание рассказать, поведать хотя бы о своей жизни.

Ему несколько раз и довольно подолгу приходилось бывать в Африке в качестве коммерсанта, репортера... И он пишет роман, где его герой Гай ван Эгмонт, художник и журналист, совершает необыкновенное путешествие, полное приключений и драматических ситуаций.

Но написать—полдела. Начались хождения по редакциям. Читали с интересом, а печатать не решались. Одним не верилось, что подобное могло быть, другие советовали «надеть на негрятянок хотя бы бюстгалтеры».

Некий рецензент Е. Г. Посняцкий писал: «Перед нами плут (о герое романа), авантюрист с декадентским налетом, довольно типичный представитель литературных пер-

сонажей буржуазного колониального романа. Искатель приключений. В настоящем виде книгу печатать нельзя».

И все же роман «В старой Африке» увидел свет.

Затем он написал повесть «Парабеллум», в которой его герой Гай ван Эгмонт действует уже в фашистской Германии.

Но творчество, основанное на иносказательности, не давало радости. Душу жгло совсем иное. Он встречал иногда сотаврицей по лагерям. Это были люди из другого мира, о котором почти никто ничего не знал или, что хуже, не хотели ничего знать.

И он задумывает серию книг о лагерной жизни, о страшном времени насилия, бесправия. Еще когда только начал первую книгу, понял, что добровольно возвращает себя на круги ада и пережить их еще раз будет не менее тяжело.

Первый круг ада — самый страшный.

Но он устоял, заставил себя вжиться в лагерный быт. Пригодились и натренированность тела, и знание медицины, и опыт разведчика. Более того, он уже тогда пытался понять причины, выявить «темные силы», заставившие Сталина создать машину уничтожения собственного народа. Да и Сталин ли ее создал? Началось это еще в 1918-м, когда Троцкий и Свердлов превратили в жизнь политику геноцида против казачества, а после—вообще против крестьян, всего народа. Трагическое перемешалось с кровавым фарсом. Как понять, кто же во всем виноват?

Особой пореде людей, а вернее, нелюдям—уголовникам, уркам, в книгах отведено достаточно много места. В сравнении с «контриками», «бытовиками» их в лагере всегда было меньшинство. Но в своей наглости, жестокости, изощренном хамстве и почти полной безнаказанности они не просто стояли над большинством, но и третировали его круглосуточно. Вырывали пищу, отнимали силой теплую одежду, присылаемую из дому—носки, белье, рукавицы, свитеры...

Люди не выдерживали: протесты их были разнообразны, но кончались почти всегда одинаково.

«Зимой в полярную вьюжную ночь, после приема [одно время Д. Быстролетов работал пенеломом], когда больные и врачи разошлись по баракам и жизнь в лагере замерла, я закончил уборку и составление списков больных для нарядчика и побрел меж темных бараков в контору, окна которой светились сквозь крутящийся снег. По дороге наткнулся на странную фигуру, похожую на невусокий столбик.

Вгляделся: голый мальчик, облепленный снегом. Он не дрожал: замерзание уже прошло эту фазу.

— Ты что здесь делаешь! Заблудился! Из какого барака!

Мальчик с трудом разжал рот, еле слышно сказал:

— Дяденька, я нарочно замерзаю. Бросьте меня. Я хочу умереть.

Взрослые искали спасение в членовредительстве: рубили себе на руках пальцы, обваривали ногу. [На раскаленную печь ставился большой чайник воды и нагре-

вался до бурного кипения. Затем человек, обув тесный носок грубой вязки, начинал медленно поливать стопу кипятком. Носок долго сохранял высокую температуру, нога проваривалась, и ступню ампутировали).

Особенно тяжело в лагерях было женщинам. Молодые становились наложницами уголовников. Некоторые не хотели идти по этому пути, писали на белой тряпице «Смерть Сталину» и стояли перед баракком, пока их не арестовывали. За подобное полагалась пуля...»

Однажды судьба устроила ему настоящее испытание. Шел 1948 год. Война кончилась, но «врагов народа» прощать никто не собирался.

Его как медика отправили с конвоиром к пострадавшему геологу. Когда они возвращались, конвоир при переправе через злую речонку утонул. Остался только его вещмешок.

«Я схватил мешок за нижние углы — тридцать две банки тушенки. Тридцать двое суток борьбы за свободу обеспечены.

Сто пятьдесят километров до Енисея — неделя пути. Порт Дудинка. Высматриваю иностранное судно, стоящее на якоре близ другого, тоже иностранного. Ночью раздеваюсь, добираюсь до шлюпки. Несколько слов вахтенному на английском, французском или голландском: мол, выпил лишнего, затошнило и кувырнулся. Доставьте на судно.

А там к капитану, один на один: «Я — английский разведчик. За доставку получите хорошенькую сумму!»

Меня будут искать. Но по другому маршруту.

...Я сидел на камне вольно, так, как отдыхал когда-то на диванах кафе «Ротонда» в Париже или уютных креслах дансинга «Алгонквин» в Нью-Йорке.

Можно было бы бежать. Шанс был. Но он вернулся в лагерь. Вернулся, чтобы снова отсчитывать дни и ночи до того мгновения, когда ему скажут: «Свободен!»

И такой момент пришел. Его, чуть живого после болезни, вместе с другими больными бросили в сани, отвезли на станцию и выкинули как дрова. Ездовой «вольняшка» сказал: «Хотите — подышайте, а не хотите — бейтесь за жизнь. Воля вас так встретит, что лагерь раем покажется».

Слова эти ему не раз еще припомнятся. Читая написанное бывшим разведчиком, не перестаешь восхищаться мужеством этого человека, фантастической работоспособностью. Он сразу задумал написать двенадцать томов: 1. Следствие, суд, этап на Север. 2. Север. 3. Этап на Большую землю. 4. Маринский распад и Маринское отделение Сиблага. 5. Приезд жены и все о ней. 6. Суловское отделение. 7. Дети и подростки в Сиблаге. 8. Спецобъект и этап в Тайшет. 9. Озерлаг в Тайшете и Камышлаг в Омске. 10. Общий анализ. 11. Возвращение. Хрущевщина. 12. Комментарии.

План — одновременно и схема его лагерных передвижений.

...Написаны все двенадцать книг. В некоторых томах по 150—200 машинописных страниц, в других — по 400—500. Труд фантастический. «Я живу как в угаре, как в

одном ни на минуту не прекращающемся порыве — кое-как ем и мало отдыхаю, моя голова вечно занята мыслями о том, что писать дальше, планами, расчетами, поисками удачных слов и фраз. Я боюсь что-нибудь забыть, боюсь не завершить задуманное, боюсь нового нападения рака или третьего инсульта. А главное, боюсь, что события обломят меня», — писал Д. А. Быстролетов.

И опасения его были не напрасными. Тяжело здоровье, а самое печальное, — менялось время. Всплеск интереса к «лагерной» теме в 60-х годах быстро иссяк.

Автор «Черных книг» показывал пару томов литконсультантам Союза писателей СССР, ходил и в редакции журналов. Получал квалифицированные отрицательные рецензии. Ему доказывали, что не просматривается сюжет, нарушается композиция. Все вроде бы верно. В художественном отношении «Черные книги» уязвимы, во многом слабы. Но в них столько правды! Ее-то, наверное, и страшились редакторы.

Приведу для примера отрывок из одиннадцатой книги, которая хорошо показывает и смелость автора, и его пронизательность:

«Я обязан рассказать о дальнейшем потому, что и на воле вижу слишком много примет лагерной жизни.

Советский человек, безмерно перегруженный работами и устающий от бессмысленной траты сил больше, чем от полезной работы, он духовно растет только на страницах газет: его рост тормозится неустроенностью жизни, грандиозным беспорядком, пьянством, прилежно и настойчиво насаждаемым сверху. У нас мало настоящих законенных преступников, но мелких нарушителей, мешающих честным труженикам спокойно жить, уйма.

Сладкие обещания не выполняются, благородные призывы оказываются обманом, люди устали от несоответствия между тем, что пишется, и тем, что делается вокруг.

Наши люди хотят так мало — здравого смысла, честности и порядка. Хотят уважения к себе. Дождутся ли!»

Сам он не дождался.

Вернее, дождался того, чего опасался. Дело в том, что слух о его книгах дошел до соответствующих органов. Вызвали...

— Дмитрий Александрович приехал с Лубянки расстроенный, но какой-то сдержанный, — рассказывает Магдалина Васильевна. — Бросил только одно слово: «Намекнули». Кто, о чем — было ясно. Он сжег в ванной часть рукописей. И слег: инсульт! Скоро его не стало. Он и умер необычно. Попросил сестру вызвать жену, дал последние распоряжения, посмотрел на присутствующих, сказал: «Прощайте. Все».

Закрыв глаза, и сердце остановилось, будто по приказу.

Теперь пришла пора и нам выполнить долг перед ним, перед всеми невинно пострадавшими.

Полковник А. КЛЮЧЕНКОВ,
специальный корреспондент
журнала «Советский воин».

ХЛЕБУШКО

А. ФАТЬЯНОВ

*БОЙЦАМ ВТОРОЙ МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК, ПАВШИМ ПОД УВАРОВОЙ,
ПОСВЯЩАЮ*

Когда мои близкие, дети, внуки собираются в день Первомая за праздничным столом, никто уже не удивляется тому, что перед каждым лежит по кусочку ржаного хлеба... Не называйте это чудачеством старого человека или излишней сентиментальностью, не надо. В один из далеких военных Первомаев я дал себе слово так отмечать праздник, в самый канун которого потерял Сашу Лазарева, Виталия Филиппова, Хорена Иштояна, Федю Рощупкина... Я расскажу сейчас о гибели лишь одного из своих друзей, и вы, думаю, поймете, при чем тут май и хлеб-хлебушко.

* * *

Траншеи извивались по сырой, рыжей от прошлогодней травы низине. Дымчатые заросли ольхи, за ними — молодые березы, кусты ив и орешника. Далее — лес, потом станция Уваровка, разбитая в пух и прах немецкими бомбами и снарядами.

Перед нами на более выгодном месте проходила немецкая передовая, а в нескольких километрах от нее — старинный городок Гжатск, который наши войска так и не отбили у немцев в зимней кампании.

Была середина апреля, снег сошел, и только кое-где в лесу бугрились медвежьи ми спинами слежалые, обсыпанные хвоей

сугробы. На возвышенностях уже протрились стежки, а у нас куда ни ступишь — хлюпала вода. Но все равно хорошо: солнце, тепло, птичье щебетанье, отдых после тяжелых зимних боев. Старшина роты Слонь изредка баньку устраивал — на войне это почти курорт. Вот только кормили не по-курортному. Весна, где-то что-то застряло, в чем-то случались перебои...

Но чаще мы страдали из-за обстрела немцами наших эшелонов в Уваровке. Как бы ни китрили интенданты, в какое бы время ни подавали на станцию эшелоны — немецкая артиллерия тут как тут. Контрбатареинная группа отвечала удачно, немецкие орудия замолкали на день-два, но потом все начиналось сначала.

Вот и сегодня под утро я проснулся от воя немецких снарядов, вышел из землянки — в Уваровке грохотали взрывы. Нас тут же подняли и повели на станцию. На путях догорали вагоны, груды кирпича белели от муки, будто возвратилась сюда зима. Мы собрали, что могли, но это были крохи.

Отмывшись от грязи и позавтракав, я устроился на солнышке возле землянки. Ко мне тут же подсел Федя Рощупкин, сказал:

— Опять из-за немцев придется мурцовку хлебать.

Верно, несколько дней подряд нам варили суп с клецками из отрубей. Клецки расплзались сразу, как только попадали в кипящую воду. Получалась болтушка, на которую намекал Федя. Докурив, он помрачнел и закрыл глаза. Пытаясь как-то развеселить его, я стал рассказывать солдатскую побасенку о том, как можно сварить суп из топора, но Федя не среагировал.

С Рощупкиным я сдружился крепко. И знал: если он голоден — замок на рот

45 ★
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОНКУРС

вешал, а если сыт бывал — в пляс готов пуститься, в наряды напрашивался, работал как ломовой. Слонь, прознав слаботь Роцупкина, всегда брал его с собой за продуктами. Там, где надо работать двоим-троим, Роцупкин один справлялся.

Пригравшись на солнышке, я задремал. И вдруг над нами — взжж, взжж, взжж! А через минуту за лесом взрывы захотали.

С нашей стороны последовал ответный удар. На передовой гулко простучали тяжелые немецкие пулеметы, и снова тишина.

Завозились в кустах притихшие птицы.

— Скоро Первое мая, праздник, — тихо проговорил Федя, положив на плечо мне тяжелую руку. — Знаешь, о чем мечтаю? Хлеба в этот день вдосталь наестся, со сладким чаем.

— Хлеба? — переспросил я.

— Эдак полбуханочки за один приесть.

— Экономь, вот я отмечишь, — посоветовал кто-то.

Я тоже не против был отметить праздник мягким душистым хлебом, чтобы ломтики его вольной горкой лежали возле котелка с чаем, и сказал об этом Феде. За разговором мы не заметили, как подошел к нам старшина Слонь.

— Где тут мой интендант? — спросил он.

— Вот он я, — ответил Роцупкин, вскакивая.

— А ну, ходь за мной.

Вернулся Федор в полдень. Веселый. Пошуршав газетой, дал мне два ломтика хлеба с прослойкой жира — американского жира. Я съел их тут же. А Федя все же решил сэкономить хлеб к празднику. Начал в этот же день. Погоняя в обед гольем похлебку с воблой, припрятал хлеб и я...

Хлеб! Было ли в войну больше лакомство, чем душистый его ломоть со сладким чаем или просто посыпанный хрусткой солью?! Да и не только в войну он сладок!..

Разговаривал я о хлебе, а у нас, не смотря на фронтовое затишье, было много работы: строили дзоты, рыли новые ходы сообщений, принимали и обучали пополнение. Мы готовились к новым боям. Некоторым тогда казалось, что немцы еще не отошли от зимнего шока, нажми на них покрепче — и все: покатаются они на запад, на свою любимую «фатерланд». Но они были еще сильны.

Тридцатого апреля наши землянки опустели: немцы начали проявлять активность, и мы заняли места в траншеях, секретках, засадах. Меня с Федором назначили в секрет. На инструктаже нам сказали примерно следующее: не может, мол, вражеская авиация вслепую накрывать наши поезда, а это означает, что сидит где-то недалеко от нас их корректировщик и хорошо бы его обнаружить. Нужны же ему продукты, вода, питание для радики? Значит, пошлют к нему нем-

цы группу. Две ночи усиленных наблюдений ничего не дали, но вполне возможно, что именно сегодня, да еще в расчете на приближающийся праздник — мол, ослабят русские бдительность, — и решится враг на вылазку.

Крадемся мы с Федором по ночному полю, а он все считает, сколько хлеба им на праздник сэкономлено. «Вот уломаю завтра Слоня на сахарок!..»

Ближе к рассвету мы все разговоры прекратили: главным нашим оружием стали глаза и уши.

Невдалеке хрустнула ветка, послышался шорох, напоминающий возню птицы в кустах. Я насторожился. Тихо. Подумал, что почудилось, но скоро увидел крадущихся по поляне четверых людей в маскхалатах. Шли они гуськом левее нас. «Многовато на двоих, — шепотом сказал Роцупкин, — но ничего».

Неизвестные остановились у большого куста. Головной что-то недолго разглядывал, затем повернул группу на нас. Я подал знак Роцупкину: «Огонь!» Выстрелили одновременно. Один немец упал, остальные залегли и открыли стрельбу. Мы были по пульсирующим вспышкам. Силы были неравные: три «шмайссера» против двух винтовок. Как не хватало нам ППП, хотя бы одного на двоих!

Немцы стали перебегать. Оставшийся на поляне прижимал нас огнем, а двое обходили, возможно, хотели взять живыми или отогнать. Мы держались, надеясь на помощь. Перестрелка длилась долго. Отлетевшей от пня щепой ободрало левую руку, но перевязать ее я не мог — немцы наседали.

В тот момент, когда Федор перезаряжал винтовку, прямо на него выскочил ганс, замахом руки потребовал бросить оружие. Тогда мой друг бросился к нему, сделал молниеносный выпад штыком, но в руках у замертво падающего немца все же залаял автомат, и все пули вошли в грудь Федора...

Третьего немца достала моя пуля, а четвертый, видно, не стал искушать судьбу и удрал, тем более, что увидел бегущих на выручку мне солдат. Убитых мы осмотрели, нашли два комплекта батарей для радики, галеты, сухари, консервы...

Как и загадывал Федор, старшина Слонь выделил нам лишний сахар, а я раздал товарищам по куску хлеба, который сэкономил к праздникам Роцупкин. Вот так и помянули мы моего друга, а вместе с ним и других моих товарищей, сослуживцев, павших под Уваровой.

* * *

Нередко слышу: что же героического совершили они, хотя бы тот же Роцупкин? Так ответчу: любая смерть за Родину — это героизм. И потому очень хочу, чтобы помнили мои дети и внуки о тех, кто отстаивал независимость нашей земли: о Хорене Иштояне, Павле Слукком, Косте Бережном, Боязе Абдуллаеве... И кладу на стол куски ржаного хлеба.

И СОЛДАТСКАЯ КОПЕЙКА ВОЕВАЛА

137

С первых дней Великой Отечественной войны Коммунистическая партия обратилась к советскому народу с призывом приложить все силы для разгрома коварного врага, ничего не жалея для фронта, для оснащения Действующей армии.

В августе 1941 г. бойцы и командиры 173-го полка войск НКВД внесли в фонд обороны 69 838 рублей. К ноябрю 41-го личный состав 235-го полка собрал наличными 23 063 рубля и около сорока тысяч облигациями. А в ноябре—декабре коммунисты и комсомольцы отчислили из своего денежного содержания 20 800 рублей на танковую колонну «Чекист Востока». На митинге по этому случаю красноармеец А. Слепёнков сказал: «У меня, как и у всех советских людей, только одна цель — все силы отдать на разгром врага. Фронт требует много средств на вооружение и боеприпасы. Прими, Родина, и мой скромный вклад!»

Горячо встретили воины внутренних войск решение Советского правительства о Государственном военном займе.

В 3-й стрелковой дивизии майор Е. Добринский подпisał на Государственный военный заем на 1400 рублей и внес их наличными. Его примеру последовали однополчане. На текущий счет № 160180 госбанка шли деньги в помощь детям, пострадавшим от фашистских варваров. Так, воины 23-й дивизии войск НКВД, выдержавшие блокаду Ленинграда, в течение войны перечислили на этот счет свыше 100 000 рублей. В ряде частей бойцы и командиры в свободное от службы время проводили

трудовые воскресники, а заработанные деньги передавали в фонд обороны.

Политработник А. Лимаренко в мае 1943 года послал телеграмму Верховному Главнокомандующему: «Девятнадцать месяцев я дрался с фашистами, имею на своем счету свыше 75 уничтоженных вражеских солдат и офицеров, за что награжден орденом «Красной Звезды». Желаю усилить свой удар по врагу, а также приблизить час освобождения моих родных, находящихся на оккупированной немцами территории. Во имя этого вношу наличными пять тысяч рублей и прошу Вас разрешить наркомму вооружения сделать на мои деньги автомат и ручной пулемет, которые желательно получить в распоряжение батальона...»

Вскоре в адрес командира 265-го стрелкового полка внутренних войск пришла телеграмма: «Батальонному комиссару тов. Лимаренко А. П. Примите мой боевой привет и благодарности Красной Армии, тов. Лимаренко, за вашу заботу о вооружении Красной Армии. Ваше желание будет исполнено.

И. Сталин»

В 22-м стрелковом полку военнослужащие, входившие в состав оружейного расчета: старший сержант В. Тетеркин, красноармейцы И. Кынчин, В. Наследов, М. Бутов, И. Терешкин и А. Немцев, сдали 32 000 рублей на постройку пушки и возбудили ходатайство о посылке их на фронт.

Начальник внутренних войск удовлетворил их просьбу. Однополчане, собравшиеся по этому поводу на митинг, тепло проводили воинов, наказали скорее разгромить ненавистного врага.

7 июня 1944 года из полка в Москву Верховному Главнокомандующему была направлена телеграмма: «...Желая быстрейшего разгрома немецких захватчиков, рядовые, сержанты, офицеры и их семьи и вольнонаемный состав части войск НКВД собрали из своих сбережений 65 тысяч рублей и 275 тысяч рублей облигациями, всего 340 тысяч рублей, и внесли их в госбанк. Просим Вас построить на эти средства боевой самолет».

Следуя замечательному почину тамбовских колхозников, собравших 40 миллионов на постройку танковой колонны «Тамбовский колхозник», личный состав внутренних войск постоянно отчислял свои сбережения на строительство танков, самолетов и боевого оружия. Воин-чекист Н. Карташев, узнав, что на фронте погибли его двое братьев, купил миномет и орудие ПА-27 и передал их в Действующую армию.

В 5-й бригаде войск НКВД было собрано 524 000 руб. на танковую колонну «Чекист», в 1-й бригаде бойцы и командиры внесли деньги на колонну танков «Ленинградский осовахи-мовец», в 24-й дивизии — на эскадрилью «Валерий Чкалов».

Средства, которые вносили советские люди на производство стрелкового оружия, танков и самолетов, приближали желанный час победы.

Трудно подсчитать сумму, внесенную воинами внутренних войск в фонд обороны. Да, видимо, и нет такого смысла. Главное, что солдатская копейка воевала.

В. КРИВЕЦ,
С. ШТУТМАН.

**ВОЗРОСШАЯ
СЛОЖНОСТЬ ЗАДАЧ,
КОТОРЫЕ
ПРИХОДИТСЯ
ВЫПОЛНЯТЬ
ВНУТРЕННИМ
ВОЙСКАМ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ,
ПРЕДЪЯВЛЯЕТ
ПОВЫШЕННЫЕ
ТРЕБОВАНИЯ
К БОЕВОЙ ВЫУЧКЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ,
ИХ ФИЗИЧЕСКОЙ
ЗАКАЛКЕ,
МОРАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ
КАЧЕСТВАМ.**

НЕ ВЕДАЯ ПРЕГРАД

В процессе совершенствования знаний и навыков, необходимых личному составу, не должно быть перерывов. Именно такой подход к организации учебы избран в подразделениях, где командирами капитаны Г. Колесник и В. Акулович. В самых разных погодных условиях, в любое время года занятия здесь проходят напряженно и динамично, в строгом соответствии с расписанием.

Надежными помощниками офицеров в обучении воинов являются младшие командиры. Их опыт и личный пример воодушевляют солдат на полную самоотдачу в ратном труде, а это — реальная основа достижения успехов в боевой подготовке.

На снимках:

■ Уверенно преодолевают в ходе полевых занятий водную преграду подчиненные сержанта К. Наткина.

■ Проволочное заграждение — серьезная помеха для наступающих.

Впереди воины отделения сержанта Ш. Абдиева.

■ Кто отличился сегодня? Об этом расскажет боевой листок.

■ Овладение навыками работы на радиостанции. На переднем плане — командир отличного отделения сержант Б. Старовойтов (слева) и рядовой Э. Токарев.

Фото старшего прапорщика
В. СЛАВЯНОВА.

ПРАПОРЩИКИ- КОНТРОЛЕРЫ: НАВБОЛЕЛО!

В этой подборке писем — сгусток острых проблем, которые очень волнуют прапорщиков-контролеров. Авторы просят проникнуться сознанием значимости и актуальности всего того, о чем говорится. Обращают внимание на застойные явления в решении социально-бытовых вопросов. Одновременно вносят конструктивные предложения, направленные на улучшение надзора и режима отбывания наказания осужденными в ИТУ.

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО...

Иду на проверку службы войскового наряда контролеров. Комната, где они обычно находятся, расположена между жилой и производственной зонами. У двери слышу щелчок: сработал электрозамок. Вчера еще его не было, контролеру приходилось стоять в коридоре и контролировать движение. Теперь действует техника.

Взаимодействие... Хорошо, что оно у нас не на словах, а на деле. Начальник учреждения подполковник внутренней службы А. Киселев многое сделал в течение года. Установлено противоперебросовое ограждение, ликвидирован производственный участок на территории жилой зоны, отнимавший столько сил. Оборудована комната контролеров. Тут установлена новая добротная мебель. На очереди техническое оснащение дежурной службы.

Регулярно в паре с контролером заступают на службу в ШИЗО и ПКТ представители администрации. Как результат — укрепился режим, камеры оборудуются согласно последним требованиям.

И все же при проверке именно здесь замечаю беспорядок — камеры прапорщик А. Уралбаев открывает самостоятельно,

рядом с ним нет ДПНК. Спрашиваю: почему?

— Он мне и разрешил самому кормить осужденных.

Вот те раз. Согласно плану надзора двери камер открывает контролер в присутствии дежурного из числа администрации и под руководством ДПНК. Говорим об этом с дежурным помощником начальника колонии. Он признает, что неправ, но в то же время просит и его понять: для контроля за приемом пищи у него остается полчаса, не больше.

Где же выход? Наверное, надо дать право дежурному по ШИЗО—ПКТ (а это в основном инспекторы оперативно-режимной части) осуществлять данную процедуру без ДПНК.

Есть проблемы и в службе дежурного контролера по жилой зоне — контрольно-пропускного пункта (так пост называется теперь). Его задача — регулировать движение сотрудников ИТК из административной зоны в жилую и производственную. Фактически оставить пост он не может. А в его обязанности, кроме того, входит осмотр подземных коммуникаций, присутствие на разводе осужденных на работу и съеме их оттуда, на приеме пищи охраняемыми, сопровождение автотранспорта и т. д. Как успеть ему везде, не покидая поста на КПП? Может быть, подменить его дежурным офицером колонии? Составителям планов надзора надо бы все учитывать, чтобы план был реальным. Пока же неразбериха.

Особо следует сказать о начальниках войсковых нарядов. На них взвалили обязанности контролеров по жилой и производственной зонам плюс еще и свои. Не удивительно, что они с трудом выдерживают такую нагрузку. Разве это нормально? Чем же она компенсируется? Практически ничем.

Удивительно, но факт: начальник войскового наряда теперь дает основную часть показателей результативности на боевой службе. Его подчиненные, находясь на постах в ШИЗО и на КПП, что-либо обнаруживают только во время обысков. Ясно, что количество изъятых запрещенных пред-

158
139

метов не растет. Причина тут еще и в том, что не работают экономические рычаги. Сколько раз ставился вопрос о выплате процентов за какую-то определенную сумму обнаруженных денег, но реакции никакой. Странно получается: за найденный клад государство выплачивает 25 процентов, а иной контролер за год сдает в доход государству тысячи рублей и не имеет за это и копейки. А ведь прапорщику подчас приходится рисковать — изъятие денег у рецидивиста не детская забава. Почему же ГУИД МВД СССР не разрешит начальникам колоний выдавать контролерам проценты с тех сумм, которые они сдали в доход государства?

Старший прапорщик
Ш. КАРИМБАЕВ.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

СПИНОЙ К ЛЮДЯМ,

К ИХ ЗАБОТАМ И ЖИТЕЙСКИМ ПРОБЛЕМАМ ВСТАЛИ ПОЛКОВНИК В. СИВЦОВ И ЕГО ПОДЧИНЕННЫЕ

Давно известно, что лучший способ обороны — наступление. Истина эта не вызвала сомнения и у заместителя командира части по тылу полковника В. Сивцова. Вот почему, когда он приехал в подразделение, где командиром капитан О. Голиков, с ходу пошел в атаку. А если точнее, то начал обвинять контролеров роты, собравшихся на беседу в классе, во всех смертных грехах. Смысл сводился к одному: не надо было никуда жаловаться, тем более посылать телеграмму в адрес Съезда народных депутатов СССР. Потому что, как сказал Виктор Терентьевич, «все равно круг замкнулся и проблему предстоит решать не дяде со стороны, а нам».

Сивцов начал уточнять по спискам очередность на получение квартир, с тем чтобы потом обновленные списки передать администрации ЛТП, где контролеров должны будут поставить на квартирный учет. Хотя, как мне кажется, это необходимо было сделать давным-давно, не дожидаясь взрыва ожесточенности людей, которые, отчаявшись достучаться в закрытые двери кабинетов начальников, решились послать телеграмму в адрес Съезда народных депутатов СССР. Они просили прислать народного депутата для оказания помощи в решении квартирного вопроса. Таким образом был вынесен сор из избы.

Именно так, как я понял, расценили действия контролеров полковник В. Сивцов и его подчиненные.

Вообще реакция на телеграмму была мгновенной. Уже вскоре в штаб части был вызван прапорщик Евгений Ткачев, чья подпись значилась под ней первой.

Сразу скажу, что подписей стояло несколько, так как текст обсуждали все во-

еннослужащие роты. Но на телеграфе «сделали небольшое сокращение», и под телеграммой осталась подпись только Ткачева.

— Вы что там намудрили! — встретил его вопросом полковник В. Сивцов. — С головой у вас все в порядке? Почему ничего не сообщили, мне лично не позвонили?

Что в данной ситуации Ткачев мог объяснить человеку, который, конечно же, хорошо осведомлен обо всем, в том числе о ходоках от контролеров роты, напомнивших о своих проблемах, молящих о помощи? Он молчал не потому, что нечего было сказать, а совсем по другой причине: в ситуации, в какой оказался он, контролер, виноватых не ищут, они уже давно найдены.

С момента появления приказа, разъясняющего порядок постановки контролеров на квартирную очередь и получения жилья, прошел год. Ничего о нем, не зная, контролеры по-прежнему считали, что получать квартиры должны от батальона.

Ну, а те, кто все знал, имея на то основания, поспешили вычеркнуть их из списков очередников части. В новые же списки, которые должны были пойти в ЛТП, контролеров никто не внес. Некому было позаботиться об этом. Тыловики части даже не поинтересовались: а как же там, в ЛТП, приняли контролеров, нуждающихся в жилье?

В ЛТП между тем их никто не ждал. Начальник учреждения полковник внутренней службы С. Калужный заявил, что ничего не знает о вышедшем приказе, а потому, дескать, не ему решать жилищные проблемы контролеров.

После такого поворота событий очередной «гонец» был послан в штаб части. Надо думать, его появление там было подобно грому среди ясного неба. В штабе-то уповали, что с контролерами ЛТП больше нет никаких проблем. Но, поудивлявшись, заверили, что такое распоряжение поступит. Забегая вперед, скажу, что этого не произошло до сих пор!

А тогда, весной, контролеры еще надеялись, что недоразумение выяснится и их поставят на очередь, а остро нуждающихся, таких, например, как прапорщик Н. Воробьев, у которого четверо детей, обеспечат жильем.

Я пишу об этом подробно, чтобы читатели представили себе ситуацию: не с бухты-барахты возникло решение послать телеграмму в адрес Съезда народных депутатов. Этому предшествовали длительные по времени попытки обратиться на себя внимание администрации ЛТП и командования части.

Приезд после телеграммы полковника В. Сивцова не поставил точки в этой истории. Он встретился с начальником ЛТП полковником внутренней службы С. Калужным и напомнил ему, что существует приказ, следуя которому обеспечивать жильем контролеров должны именно охраняемые учреждения. Пожалуй, на сегод-

нышний день это и можно назвать итогом поездки полковника Сивцова.

Перед самым его отъездом у кабинета командира батальона собрались контролеры.

— Сивцов сейчас уедет, — говорили они, — а по-прежнему не ясно, будут—не будут выделять остро нуждающимся жильё, поставят ли нас на квартирную очередь при ЛТП? В этом году намечается сдать дом и в учреждении уже все квартиры распределили... между своими сотрудниками.

Лейтенант В. ЯГОЗИНСКИЙ.

Ордена Красной Звезды УВВ
по Северному Кавказу и Закавказью.

АНОНИМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В службе надзора сейчас, пожалуй, больше, чем где-либо, проблем, требующих скорейшего решения. Естественно, что осуществляющие его люди чувствуют себя не лучшим образом, но когда с ними начинаешь говорить, то они молчат: дескать, разговор себе дороже...

Именно поэтому мне и пришла в голову мысль провести анонимное анкетирование контролеров. Сразу оговорюсь, что это небольшое социологическое исследование было проведено на базе лишь одного подразделения и не все прапорщики приняли участие в опросе.

На что же прежде всего обратили внимание контролеры? Первое: из-за неумелой, дилетантской, по выражению одного из опрошенных, организации процесса демократизации и гуманизации жизни осужденных администрация ИТУ добилась... ослабления режима их содержания. Это снизило почти до нуля уровень правовой защищенности прапорщиков-контролеров. Имеются случаи либерализма в отношении осужденных, вследствие чего они не только не подчиняются требованиям войскового наряда, но и оказывают ему открытое физическое сопротивление. Безнаказанность порождает наглость.

Второе: непродуманное сокращение контролерского состава увеличило его служебную нагрузку более чем в два раза, а оплата труда осталась прежней. Где же, спрашивается, социальная справедливость?

По мнению опрошенных, необходимо в связи с принятием Основ законодательства трудового законодательства внести изменения и дополнения в права и обязанности контролеров по надзору.

Чтобы избежать неоправданных служебных перегрузок, следует строжайшим образом придерживаться установленного лимита заполнения объектов. Пойти даже дальше: без согласия командиров войсковых частей и подразделений, а также без санкции прокуратуры лимит заполнения ни в коем случае не должен быть превышен.

Старший прапорщик И. БОЛДИН.

Приволжское УВВ.

КОММЕНТАРИЙ ОФИЦЕРА ШТАБА ГУВВ МВД СССР ПОЛКОВНИКА А. КАБЛУКОВА:

В письмах контролеров подняты действительно жгучие проблемы, связанные как с выполнением ими служебно-боевых задач, так и с решением социально-бытовых вопросов. Правильно подчеркивается, что в колониях сейчас сконцентрировалась наиболее криминогенная часть осужденных, склонных к совершению любых преступлений. Вполне понятна поэтому тревога службу несущих.

Разделяя ее, ГУВВ принимает необходимые меры. Так, с целью создания нормальных условий для службы контролерскому составу ГУВВ совместно с ГУИД МВД СССР разработали и направили на места указание, определяющее дополнительные меры по распределению функций надзора между военнослужащими подразделениями и администрацией ИТУ. Там четко указано, где и за что отвечает начальствующий состав ИТУ, ЛТП, а где и за что — контролеры. Думается, это поможет, с одной стороны, укрепить правопорядок на объектах, с другой — добиться нормальной служебной нагрузки на прапорщиков.

Судя по письмам, контролеры хотели бы еще раз уточнить, из чего, собственно, складывается служебная нагрузка. Напомню: она включает время несения службы по нормальному и усиленному вариантам, а также выполнение внезапно возникающих задач. Ее учитывают в листе наряда, который ведется командиром подразделения, что позволяет следить за равномерностью распределения и регулярностью предоставления выходных дней.

Приказом МВД СССР предусмотрено оснащение контролеров на период службы специальными средствами («Черемуха-10», палки резиновые). Применяются они как по решению должностных лиц подразделения и ИТУ, так и самостоятельно.

Кроме того, ГУВВ и ГУИД МВД СССР прорабатывают вопросы об увеличении численности контролеров ИТУ.

Что касается поднятого одним из авторов квартирного вопроса, то тут надо сказать следующее. 26 апреля 1988 года Министр внутренних дел СССР подписал документ «О мерах по дальнейшему совершенствованию жилищно-бытового устройства сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск». В документе записано, что военнослужащих подразделений внутренних войск по охране ИТУ, ЛТП, нуждающихся в жилье, учитывать в списках очередников соответствующих ИТУ, ЛТП. Поступающую жилую площадь распределять в порядке установленной очередности по единому списку счередников. Военнослужащих-контролеров обеспечивать жилой площадью наравне с начальствующим и инженерно-техническим составом ИТУ, ЛТП.

Так что действия тт. Сивцова и Кабукова иначе, как бюрократической волокитой и бездушным отношением к людям, не назовешь.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

159
140

Закон СССР «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» стал реальным фактом. Это обязывает нас на многое взглянуть иначе, чем думалось совсем недавно. И в первую очередь, на проблему о равновыгодном эквивалентном экономическом обмене между республиками. Велось немало разговоров о том, что Прибалтийские республики производят и вывозят больше товаров, чем ввозят. Хотелось бы получить компетентный комментарий по этому вопросу на основе конкретных цифр и фактов.

Старший лейтенант А. КОЛЕСНИКОВ.

Что почём В «СЕМЬЕ ЕДИНОЙ»?..

О проблемах республиканского хозрасчета, его достоинствах и недостатках размышляет доктор экономических наук В. Квинт, заместитель председателя научного совета Академии наук СССР по региональной экономике.

— Лозунговый образ «семьи единой» десятилетиями олицетворял для нас дружбу народов СССР. Сколько интернациональных хороводов запечатлели праздничные плакаты! Однако теперь руки в хороводах разжаты. В них появились счета. Друг к другу. Как отнестись к этому!—с такого вопроса мы начали беседу с доктором экономических наук В. Квинтом.

— Еще недавно мои друзья из Эстонии шутили: наша республика — самая независимая. В том смысле, что от нее ничего не зависит. Теперь же, после принятия Закона СССР об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, от обретающих экономическую самостоятельность республик зависит очень многое. Вплоть до международной стабильности. Отдадим прибалтийцам должное: они первыми поставили необходимый вопрос об экономических отношениях республик. Однако в их предложениях о региональном хозрасчете меня сразу же многое насторожило. Во-первых, недостаточная для перестройки открытости. Складывается впечатление, что главной целью является политическая автаркия. В угоду этой идее закрываются глаза на многие реалии. Населению республик стоило бы объяснить угрозу их уровню жизни. Он неизбежно упадет, если в ответ на прибалтийский хозрасчет ответные меры примет и Россия. И это отнюдь не поли-

тический прессинг. Экономическая защищенность не должна быть односторонней; лишь в некоторых брачных контрактах муж и после развода обязан обеспечивать жену.

— Однако председатель Госплана Эстонии считает: «Если изменить политику цен, экономика республики сразу покажет, чего она стоит на самом деле».

— Начнем с популярной ныне фантазии. О том, что в Прибалтике имеются и хорошие перспективы для развития наукоемких отраслей, что здесь способны выйти на зарубежный рынок с сельскохозяйственной продукцией. Однако сравните ее себестоимость в Эстонии и в развитых европейских странах. По молоку эстонские затраты выше в 2,9 раза, по мясу—в 2,8 раза и так далее.

Сегодня экспортируется лишь 2,2 процента промышленной продукции Эстонии. Сама она зарабатывает менее трети потребляемой валюты.

Внутрисоюзные цены на эстонские товары порой в 10—20 раз превышают мировые. С другой стороны, республика получает топливно-энергетическое сырье Сибири высочайшего качества по ценам в 3—7 раз ниже мировых. При этом из года в год растет себестоимость каждой тонны нефти. С середины 80-х снижается ее добыча, однако Россия выполняет свои обязательства по внутрисоюзным поставкам.

Между тем их сокращение, скажем, только на одну пятую привело бы к падению производства в Прибалтике на 40 процентов. Так что при переходе на хозрасчет та же Эстония имеет такую альтернативу: платить за углеводородное сырье его настоящую цену или расширять добычу собственных горючих сланцев. Правда, второй вариант чреват негативными экологическими последствиями. Но тут уже на происки Москвы не спишешь.

Таков баланс цен. И он должен быть ясен каждому экономисту, который не плетется в хвосте возбужденных демонстрантов.

— Однако не только цены определяют справедливость или несправедливость взаимоотношений между регионами.

— Да, Эстония, например, в отличие от России получает в свой бюджет весь подоходный налог, около 98,5 процента налога с оборота. При этом учтите: здесь много предприятий бытового приборостроения и легкой промышленности. А их изделия — с высоким удельным весом налога с оборота в отличие, скажем, от продукции добывающих отраслей Сибири.

Сегодня эффективность региональной экономики зависит в первую очередь от межрегиональных, а не внутрирегиональных связей. К примеру, в Эстонии из 150 отраслей и подотраслей лишь 18 ориентированы на внутренние нужды.

Выравнивание социально-экономического развития республик десятилетиями проводилось в «семье единой» в основном за счет старшей сестры — России. Однако ныне она превратилась в Золушку. Те, кого «подтягивали», по многим параметрам ушли вперед. А инерция прежней политики лишь увеличивает несправедливую дифференциацию. И здесь есть не только такие явные формы, о которых говорил в докладе о национальной политике партии в современных условиях М. С. Горбачев. Для «поддержки» бывших национальных окраин существует еще немало каналов, известных лишь специалистам.

Говорят, Литва, Эстония уже рассчитались за все вложения средств выпущенными изделиями. И больше никто никому не должен. Примем такой «нулевой вариант»? Лучше сопоставим отдачу и потребление в различных республиках (это касается, конечно, не только Прибалтики).

Рост расходов бюджетов многих из них значительно превышает рост доходов. С начала нынешнего десятилетия эти соотношения таковы: в Грузии в 2,4 раза против 1,2; в Эстонии — в 2,1 раза против 1,5; в Латвии — в 2 раза против 1,4 и так далее. Эти данные привел первый заместитель министра финансов СССР В. Пансков.

Ясно, что дефициты покрываются из союзного бюджета. А кто несет на своих плечах основную его тяжесть? Конечно, РСФСР, стоимость основных производственных фондов которой составляет 1 триллион рублей и которая обладает колоссальными природными ресурсами.

В действующей системе цен сальдо межреспубликанского обмена исчисляется для нее 4 миллиардами рублей, то есть вывоз превышает ввоз. В мировых же ценах этот показатель выглядит еще более внушительным — 28,4 миллиарда. Доля России составляет в объеме экспорта страны 81 процент, а по импорту — всего 70. В результате она недополучает еще 12 миллиардов, которые распределяются другим членом «семьи единой». Всего же в прошлом году РСФСР передала им и центру 50 миллиардов рублей.

— И все-таки, возможно, для Прибалтийских республик убедительнее этих выкладок зримый пример высокоразвитой Финляндии, получившей независимость.

— Если бы республики могли вернуться в начало века, то, возможно, они нашли бы свое место в экономической системе Запада. Но машины времени нет. Сегодня мировые рынки поделены без остатка, сформировалась система хозяйственных связей. И в одиночку Эстонии, например, туда не пробиться. Это можно сделать только сообща.

— Видимо, существуют надежды на экономическую помощь из-за рубежа.

— Мы уже убедились, что сейчас Прибалтике почти нечем расплачиваться, а кормить миллионы людей даром никто не будет.

Историю не перепишешь заново. Нельзя идти вперед, всегда смотря назад. Однако оглядываться иногда стоит. Я имею в виду те средства, которые были вложены Союзом. Например, помощь всего Союза позволила Литве к 1987 году увеличить промышленное производство по сравнению с 1940 годом более чем в 80 раз. Это давалось не даром. Вот динамика капиталовложений в хозяйство республики за последние пятилетки: 4156, 5960, 6843, 8685 миллионов рублей. А за один только прошлый год — 3 122 миллиона. Размеры ассигнований на душу населения в основном совпадают с показателями других республик. Однако обратим внимание на структуру создавшихся мощностей. Прибалтика, почти не имеющая серьезных сырьевых запасов, изначально ориентировалась на производство конечных, наиболее рентабельных видов продукции.

К прошлому году в СССР производство средств производства составляло 75 процентов от общего объема, а в РСФСР—77. Значит, россияне больше других заняты техническим оснащением народного хозяйства и меньше других—удовлетворением житейских потребностей. Капиталовложения в непроектируемую сферу с 1975 года возросли в России лишь на 1 процент, зато в Киргизии—на 13, в Молдавии—на 9, а в Узбекистане—на 10.

В объеме использованного национального дохода фонд потребления населения составляет в России 74,4 процента, зато в Молдавии—80,2, в Эстонии—80,8. По этому показателю РСФСР занимает 11-ю позицию при четвертом месте по национальному доходу на душу населения.

И все же прибалтийских экономистов следует поблагодарить. За то, что они заставили заговорить нас об эквивалентности межреспубликанского обмена. Подсчеты нужны (хотя многое, увы, им не поддается). На каких весах, например, взвесить судьбы сотен тысяч человек, отправившихся из родных российских мест не на тепленькие местечки, а в сырые котлованы прибалтийских строек, в чад индустриальных гигантов? В Эстонии, где готовы теперь отправить их куда-нибудь подальше, на предприятиях союзного подчинения трудится лишь 15 процентов рабочих коренной национальности.

Оскудение русской глубинки, конечно, результат не только этой политики. Но и этой тоже. По данным переписи 1959 года, в России было более 294 тысяч сельских населенных пунктов. Тридцать лет спустя—156 тысяч. Сравним: в годы Великой Отечественной войны были разрушены сотни городов и 70 тысяч сел...

Чего стоят одни дороги. С учетом потерь продукции, они нам многого стоят. Более полутысячи центральных усадеб колхозов и совхозов не соединены с райцентрами трассами с твердым покрытием. А в самих хозяйствах на 10 тысяч гектаров пашни приходится таких дорог в среднем 12,5 километра. В Прибалтике—почти семьдесят. Характерно и еще одно соотношение. На 100 гектаров сельскохозяйственных угодий стоимость основных производственных фондов в Нечерноземье составляет 142 тысячи рублей, в Прибалтике—235 тысяч. Так что низкую урожайность нечерноземной картошки, например, замершую на отметке 75 центнеров с гектара, стоит относить отнюдь не к изъянам русского национального характера.

— Как суммировать сказанное? Более крупный трудовой вклад Прибалтики сомнителен, в лидирующее потребление неосомненно. Экономические механизмы, созданные в свое время для подтягивания отстающих, сегодня увеличивают неоправданную дифференциацию. А завтра ее хотят закрепить региональными хозрасчетом и самостоятельностью.

— К сожалению, нередко еще экономику приносят в жертву политике. Но ведь неизбежные при этом нестыковки наверняка будут приводить к административным мерам.

Разве разговоры о прибалтийских дензнаках, таможенных границах можно назвать попытками внедрения экономических механизмов? Все это меры типа «не пущать». И они приходят в противоречие и с концепцией общеевропейского дома, и с реалиями современности. В рамках общего рынка идут процессы интеграции, создана и уже функционирует денежная единица—«экию». У нас же забывается аксиома: чем больше ограничений, тем ниже уровень оптимизации.

— Какие же конструктивные выводы можно сделать из сказанного вами!

— Во-первых, региональный хозрасчет—детище перестройки и одновременно величайшая опасность для нее. Он чреват обострением противоречий.

Полный хозрасчет может быть только у товаропроизводителей—у предприятий. Регион же несет в основном социальные, политические функции. В смысле экономическом он должен только регулировать процессы—с помощью налоговой, амортизационной политики и так далее.

Из всех республик разрешить стоящие перед ними проблемы самостоятельно, по оценке специалистов, способны лишь РСФСР, Украина и Белоруссия.

Поэтому вести речь надо не о полном хозрасчете, а о налаживании подлинно экономических связей между предприятием, регионом и единым народнохозяйственным комплексом.

Пока в общесоюзной системе ущемленным будет оставаться ее такой основополагающий элемент, как Россия, своего, регионального успеха никто не дожидается. Это становится ясным, если хоть немного утрудить себя подсчетами. На чужом горбу в рай все-таки не въедешь...

— Спасибо, Владимир Львович, за беседу. В нашей «семье единой» сейчас как раз нужен беспристрастный фининспектор.

Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ,
обозреватель ТАСС — специально
для журнала «На боевом посту».

НЕАСТОВВАЯ ФОРТУНА

ПОВЕСТЬ

Иван ЧЕРНЫХ

— Простите, что пришлось вас побеспокоить, — извинился Гусаров, отодвигая от стола кресло. — Присаживайтесь, пожалуйста. Вы, вижу, в курсе случившегося здесь несчастья. Я — председатель комиссии по расследованию происшествия.

— Я догадалась, — кивнула Таримова.

— Ваш Андрей был другом Арефьева...

— Я вам кое-что сразу же должна объяснить, Виктор Николаевич. Исчерпывающих ответов от меня ждать, увы, нечего. Я ведь здесь совсем недавно, Игоря видела всего несколько раз, да что там Игоря, мы ведь и с Андреем не все знаем друг о друге. Случайное знакомство...

— Нельзя ли чуть подробней? — попросил Гусаров.

— Я решила написать книгу об испытателях, вот меня и познакомили с Батуровым. Он... Ему нужно плечо, понимаете? И я хочу, я думаю... В общем, не знаю, какая я ему буду опора, но мне очень хочется, чтоб он опять поверил в себя. Я не буду вам лучше ничего говорить, я дам лучше его дневник. Может, в нем вы найдете ответы хотя бы на некоторые вопросы...

Таримова раскрыла сумочку и достала из нее толстую тетрадь. Протянула ее Гусарову:

— Вот он.

— Спасибо... Я вижу, вы еще что-то хотите сказать?

— Да, — она чуть помолчала, словно раздумывая, говорить или все-таки нет. Наконец решилась. — Но то, что я скажу, основано лишь на моей интуиции, не более. То, что произошло трагедия, — не вина техники. Дело не в катапульте. Андрей много рассказывал о катапульте, о конструкторе Веденине... Катапульту, простите за лиризм, все любили, а там, где любовь и согласие, не может быть грубых просчетов.

— Хорошо, — улыбнулся Гусаров. — Обещаю вам учесть вашу интуицию при расследовании.

Таримова поднялась.

— Я пойду. Просьба: тетрадь не потерять и вернуть мне, как только все выясните.

Едва за ней закрылась дверь, Гусаров открыл тетрадь.

ИЗ ДНЕВНИКА АНДРЕЯ БАТУРОВА.

«...Я стал бояться. Еще после того, когда испытывал новый парашют для выброски тяжелых грузов и попал в переплет: едва выдернул вытяжное кольцо, как почувствовал рывок, и меня сразу начало опутывать стропами. Не успел понять, что происходит, как был скручен по рукам и ногам, словно преступник. В ушах нарастал свист воздуха, крутились, как

Окончание. Начало в № 2.

в калейдоскопе, земля и небо. Пережеле-
стнутый стропами купол тянулся за мной
колбасой.

Я все видел, чувствовал, понимал, но
ничего не мог поделать. На груди висел
запасной парашют, а в наковленном кар-
мане комбинезона лежал нож. Я изго-
нулся, поджал ноги, напряг все силы,
прекрасно понимая, что разорвать опу-
тавшие меня жгуты не в силах и десяток
таких, как я, мужчин.

Говорят, в минуту смертельной опас-
ности человек способен на невозможное и
необъяснимое. И я сделал это невозмож-
ное и необъяснимое — дотянулся до спа-
сительного ножа.

Потом, на земле, медленно приходил
к себе, осознавая случившееся. Позвали
к телефону.

— Андрюша, поздравляю, — сказала
жена ласково, чем немало удивила ме-
ня — раньше она никогда не поздравля-
ла. — Зайди в бухгалтерию и не забудь
купить своему Пончику (так я называл ее
в лучшие годы нашей жизни) подарок.
Понял?

Она не спросила, как я себя чувствую,
что пережил, ее интересовало одно —
деньги: даже в бухгалтерию подруге по-
звонила!

Я получил триста рублей «испытатель-
ских» и пригласил друзей в ресторан.
В ту же ночь я ушел из дома...

Веденин, добрая душа, предложил мне
отпуск — он понимал, что я пережил, до-
гадывался, что в душе моей поселился
страх, но в то время признаться в тру-
сости было выше моих сил. И я перед
сном, чтобы избавиться от кошмаров, на-
пивался. Думал, таким путем избавлюсь
от стресса, но стоило мне протрезветь и
вспомнить о пережитом, как нервы на-
чинали шалить еще сильнее.

А надо было работать — подошло вре-
мя испытания «Фортуны». Скоросветов
был ко мне благосклонен, и мне не хо-
телось его подвести.

Настал день испытания.

— Ни пуха ни пера, — пожелал мне
Скоросветов и по-отечески положил на
плечо руку. — Ждем тебя с победой.

За меня взялись специалисты: подсо-
единяли к телу датчики, помогали обла-
читься в снаряжение, проверяли прибо-
ры. Я шутил с ними, а на душе скребли
кошки. Но и в то утро я еще не считал
себя трусом: все испытатели перед са-
мым обыкновенным, даже тренировочным
прыжком испытывают волнение, легкую
боязнь — так было со мной и ранее, — но
то была совсем иная боязнь; эта же
леденила душу. Мне не хотелось лететь
на испытание «Фортуны», я был на грани
отказа; только стыд перед товарищами,
перед Ведениным и Скоросветовым
удерживали меня. Все считали меня сме-
лым и опытным, а Скоросветов — лучшим
из лучших, и опровергнуть их мнение
значило поставить крест на своей карье-
ре.

Я тогда позавидовал Игорю — Веденин
предложил ему перейти в конструкторы-
инженеры, а он, чудак, отказался. Сидел
бы себе в кабинете, карандашиком попи-

сывал. Ни ранних подъемов тебе, ни бес-
сонных ночей, ни опасных ситуаций.

«Фортуна» пугала меня больше, чем
первый прыжок с парашютом, первое ис-
пытание новой системы. Чем — я и сам
не мог понять. Снова вспомнился тот слу-
чай, когда я был на волосок от гибели, —
скрутившие меня стропы, ужасный свист
ветра в ушах.

И Ольга приехала совсем некстати. По-
друга моей юности... Узнала, что я разо-
шелся с женой, примчалась: «Не думай,
я не навязываюсь. Просто знаю, что те-
бе сейчас плохо. Побудь рядом, уеду без
обиды, как только скажешь».

Перед отправкой на полигон мы до по-
луночи гуляли по городу, потом пошли
к ней в номер... Все было вроде прекрас-
но, но Ольга заметила, что на душе у
меня тревожно.

— Ты чем-то обеспокоен? — спросила
участливо.

И ей я не мог признаться.

— С чего ты взяла?

— По глазам вижу.

— У меня ответственное задание. Зав-
тра улечу, а дней через пять вернусь
и — в отпуск!

— Значит, мне можно ехать? Пока
подыщу там комнату или сниму номер...

— Поезжай.

Чтобы спать спокойно и не напугать
своими кошмарами Ольгу, я снова выпил
коньяку. Утром капитан Измайлов об-
наружил у меня повышенное кровяное
давление. Но мы давно нашли с ним об-
щий язык, выпили не одну бутылку, и он
понимающе подмигнул мне:

— В профилактории отдохнешь как
следует.

Но и в профилактории, пока шла под-
готовка к эксперименту, я не обрел спо-
койствия. Нервы окончательно распали-
лись, и я с нетерпением ждал дня ис-
пытания. И вот он наконец настал. Из-
майлов послушал пульс, измерил кровя-
ное давление, недовольно покрутил го-
ловой:

— Ты снова — того?..

— Что ты, Марат Владимирович! —
усмехнулся я. — Где здесь возьмешь? И
я за тебя пригласил. Просто переусердст-
вовал на физзарядке.

— Жулик ты, — не поверил доктор. —
Смотри у меня...

Меня одели в доспехи, и мы с подпол-
ковником Грибовым направились к «Фор-
туне», установленной на специальном
стеллаже и готовой к испытанию.

Около нее уже хлопотали пороховики,
аэродинамики, прибористы-инженеры и
механики всех профилей. Меня опустили
в кресло, и я, глядя, как тщательно и
заботливо готовят меня специалисты к
полету, начал успокаиваться.

Через несколько минут подъемник под-
нял кресло вместе со мной и опустил в
самолет-лабораторию. Летчик забрался в
кабину, однако команды на запуск дви-
гателя долго не поступало — видно, жда-
ли, когда ослабнет ветер. После двухднев-
ного циклона и осенних южных ливней
небо наконец прояснилось, но ветер все
еще бесновался.

Ольга ждала меня уже в Батуми, купалась, загорала, а я «загорал» в кабине самолета. Хотелось быстрее покончить со всем этим, быть с Ольгой.

Наконец самолет пошел на взлет. Голоса моя была как в тумане. Но когда загорелось табло «Пошел!», я дернул кра-ные скобы.

Приземлился благополучно и в тот же день помчался в Ясноград за отпускным билетом...

Оля поджидала в аэропорту. Ей удалось снять номер в гостинице, и мы нашу встречу и мой отпуск отметили в шикарном ресторане. Два дня мы блаженствовали, впервые я чувствовал себя легко и свободно и спал крепким сном измученного тяжелой работой человека. А на третий под утро мне приснился страшный сон, будто я падаю с раскрытым парашютом, который почему-то не держал меня, а стремительно несся к земле, словно полотно было лишь видимое, нереальное. А вокруг меня кружил Игорь и назидательно повторял: «Ты предал нашу дружбу, поступил не совестью, и вот к чему это привело». Я хотел возразить, сказать что-то в оправдание, но слова застревают в горле.

— Ты тоже разобьешься! — все же крикнул я.

Игорь усмехнулся:

— Возможно. Но я все-таки довел дело до конца. А ты струсил, утаил от меня главное.

— Несчастный интеллигентик! — разозлился я и поддал друга ногой. Но нога вдруг попала в строды, ее закрутило и дернуло так, что я проснулся от боли. Потрогал ее у бедра — боль не утихала. И я вдруг вспомнил! Ногу дернуло там, в небе, в момент испытания «Фортуны». Видимо, не сработал фиксатор, нога вышла за габариты кресла, вот ее и рвануло. Я мгновенно среагировал... То же могло произойти и у Игоря, когда его врачало. А на кинолентку этот момент не попал из-за того, что нога была затенена. Вот почему при катапультировании с манекеном никакого вращения не было — ноги манекена закрепляли наглухо. Вот отчего у меня на душе было мутно — такой провал в памяти! Из-за перенапряжения или... Какая теперь разница...

Завтра Игорь должен лететь на заключительный эксперимент, за два звука... Как же быть? Удар будет сильнее вдвое... Надо немедленно сообщить Веденину, Скоросветову...

При воспоминании о временно исполняющем обязанности начальника летно-испытательной станции на душе стало мутно, как тогда, после приземления. И я понял почему: он засыщал меня ластивыми словами, не давая собраться с мыслями, закрыл рот премиальными и обещанным орденом. А попробуй теперь объяснить...

Я так расстроился, что из груди невольно вырвался стон.

Ольга открыла глаза.

— Что с тобой, милый?

— Нога болит, — соврал я.

— Ты что, и ночью, пока я спала, прыгал с парашютом? — пошутила Ольга.

А мне было не до шуток. Хоть в самом деле прыгай с десятого этажа нашей гостиницы, где располагался номер с видом на море.

Я встал и, прихрамывая, подошел к окну. Море было не по-осеннему спокойное, синевато-бирюзовое, но какое-то чужое, холодное. Я закурил.

Ольга поднялась на подушке.

— Что с тобой происходит, чем ты угнетен?

— Кажется, я сделал подлость, — признался я.

— Кажется или сделал? — переспросила Ольга, и лицо ее побледнело. Я догадался, что ее напугало.

— Нет, не по отношению к тебе, — успокоил я ее.

— А по отношению к кому?

— К Игорю.

— К твоему лучшему другу?

— Да. Собственно... я и сам ни о чем не подозревал. Только вот сегодня память каким-то чудом восстановила то, что было при испытании. Если бы нога не заболела, и не вспомнил бы.

— А что произошло?

И я рассказал ей все, умолчав лишь о возможных последствиях.

— Что же теперь делать? — обеспокоилась Ольга.

— Не знаю. Завтра Игорь должен лететь.

— Это очень опасно?

Я пожал плечами.

— С тобой же ничего не случилось? —

Ольга вопросительно посмотрела на меня. — А растяжение — эка невидаль.

Я не стал объяснять, что Игорь будет катапультироваться на большой скорости.

— В конце концов можно дать телеграмму, — обрадовалась Ольга найденному выходу.

— Ты не представляешь себе, что произойдет, — возразил я. — Мы и без того задержали катапультирование на полгода.

— Но разве ты виноват? И может, тебе просто приснилось, а нога заболела совсем по другой причине?

— Может, и приснилось.

— Когда ты катапультировался?

— Неделью назад.

— И только теперь почувствовал растяжение? Какая чепуха. Не кажется тебе, милый, что ты ужасный паникер? Подумаешь, велика беда — то ли ногу сорвало с подножки, то ли оступился где-то. Забудь про свои болячки, с тобой любящая женщина...

Днем мы купались, загорали, катались на глассере. Солнце светило по-весеннему, и море, тихое и спокойное, действовало умиротворяюще; лицо Ольги было счастливо, а я никак не мог отогнать дум о «Фортуне», предстоящем катапультировании Игоря.

После обеда мы пошли в дельфинарий. Умные дельфины прыгали через кольца, играли с мячом, резвились, как шаловливые дети, но и они не развеяли моих мрачных мыслей. А веселую итальян-

скую кинокомедию «Уличный регулировщик» я не досмотрел до конца.

Ужинать уговорил Ольгу в ресторане. Но и коньяк не принес облегчения. Я метался, как затравленный зверь, и не находил выхода.

— Тебе все-таки следует позвонить на службу, — посоветовала Ольга. — Все объяснишь и снимешь с души камень.

— Что объяснять? — возразил я. — Если б я знал определенно.

Я дггал. Теперь мне было ясно — нога вышла за габариты кресла, и ее сорвало. Но как объяснить? Сдачу «Фортуны» сразу отставят, начнут проверять, анализировать. И кто поверит мне, что только через неделю я почувствовал боль и вспомнил? Все труды, все муки и все, чего я достиг, полетит в тартарары... Собственно, я мог и не вспомнить... А возможно, все обойдется: Игорь сосредоточится, сконцентрируется и ногу не сорвет? А если и сорвет, ну, вывихнет, сухожилие растянет, не более...

На ночь в тайком от Ольги выпил таблетку ноксирона и все равно спал спокойно, тревожно и проснулся с тяжелой головой и невеселым настроением.

Ольга уже встала, приняла душ.

— Доброе утро, — весело приветствовала она. — Сегодня ты спал как убитый и храпел на всю гостиницу.

— Прости.

— Я-то прошу... Ночью я тоже думала. Иди умывайся и звони. Хватит себя казнить.

Я посмотрел на часы. Начало восьмого. Скоро Игорь поднимется в воздух. Ольга права...

Я пошел в ванную, принял горячий душ, и голова просветлела. Вышел, набрал телефон междугородной.

— Прошу Ясноград. Срочно. По самому срочному, — назвал номер и фамилию Веденина.

Телефон долго молчал. Я оделся и вял газеты, которые принесла Ольга. Но читать не мог.

Наконец зазвонил телефон.

— Заказывали Ясноград?

Ждал еще минуту, показавшуюся вечной.

— Алло, приемная слушает. — Я узнал голос секретарши Веденина.

— Это Батуров. Мне нужно поговорить с Юрием Григорьевичем по очень важному вопросу, — предупредил я, зная, что секретарша под благовидным предлогом может отказать, как не раз делала, когда Веденин был очень занят.

— А Юрия Григорьевича нет, — ответила секретарша. — Он улетел на полигон. У меня все оборвалось внутри.

— Когда?

— Сегодня. Недавно. У нас погоды не было.

Я, как утопающий, схватился за соломинку.

— Арефьев еще не отработал?

— Юрий Григорьевич дал команду без него не начинать.

— Спасибо! — крикнул я. Бросил на рычаг трубку, схватил с вешалки плащ, шляпу и пулей помчался к выходу. Ольга выбежала за мной.

— Ты куда?

А я уже садился в только что освободившееся такси.

— Деньги в чемодане, — крикнул я Ольге. И шоферу; — В аэропорт, быстрее...

Мне повезло: и билеты на самолет были, и вылетал он через 40 минут. На аэродроме посадки мне подвернулся «газик», и я, пообещав щедро заплатить, уговорил шофера подбросить меня на полигон.

И все-таки я не успел: прямо перед нашим носом, когда подъезжали к полигону, самолет-лаборатория пошел на взлет. Я кинулся на КДП.

— А ты откуда взялся? — удивился Веденин.

— Верните самолет, — крикнул я. — «Фортуна» нельзя испытывать — у меня ногу сорвало с подножки, фиксатор до конца не работал.

— И давно ты установил это? — спросил Веденин совсем не грозно.

— Вчера, — ответил я виновато. — Я из Батуми.

— Спасибо, — поблагодарил Веденин. — И мы тут разобрались, что к чему. Правда, только сегодня, но, как говорят, лучше поздно, чем никогда...

Через двадцать минут Игорь доложил: — Катапульта сработала, как часы. Чувствую себя превосходно...

В Батуми я вернулся на пятый день. Прилетел утром и застал Ольгу в гостинице. Она удивилась, даже растерялась, сказала, что не ждала меня и собирается уезжать домой — укладывала чемоданы.

— Отставить! — весело приказал я. — Отдых продолжается. Будем загорать, купаться, развлекаться.

Мое хорошее настроение и предложение не обрадовали ее. Она была чем-то удрученная, рассеянная, даже не поинтересовалась, как прошли испытания, успел ли я предупредить Игоря.

— Нет, — покачала она головой. — Мне надо ехать.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Она пожала плечами.

— Никто. Просто пора.

— Ты обещала провести со мной весь отпуск.

— Но ты-то сбежал.

Ах, вот что ее обидело! Я стиснул ее в объятиях и поцеловал.

— Не сбежал, и ты знаешь это. Так что перестань кукситься, разбирай чемоданы, переодевайся. Позавтракаем — и на пляж.

Ольга нехотя подчинилась.

Она надела легкий цветастый сарафан, который ей очень шел, сунула в сумку купальник, полотенце.

— Ты забыла часы, — напомнил я, случайно глянув на ее загорелую руку, у запястья которой белела полоска от браслета. Эти золотые часики я подарил ей в Москве перед поездкой сюда, в Батуми.

Ольга совсем скисла, села на диван и опустила голову.

— У меня их украли, — сказала чуть слышно.

— Из-за этого ты и расстроилась? — обрадовался я. — Не велика ценность, купим новые. Деньги-то целы? — вспомнил я свой пятирублевый остаток в кармане, остальные, около пятисот рублей, были у Ольги.

Она кивнула.

— Хорошо, что я забрала их из чемодана и спрятала.

— Так у тебя здесь украли? — удивился я. — Что еще взяли?

— Больше ничего, — почему-то смущилась Ольга. — Может, еще где... или сама потеряла, — добавила неуверенно она. — Я только утром хватилась...

— Идем завтракать.

На первом этаже гостиницы работал буфет. Мы спустились туда и заказали яичницу с сосисками, чтобы долго не ждать, по стакану чая и кефира. Из головы не выходила история с часиками, что-то мне в ней не нравилось. Я вспомнил, что, переодеваясь, оставил в костюме удостоверение личности, и решил подняться за ним — чего доброго, могут и его стащить.

В номере орудовала уборщица, черноглазая вертлявая девушка лет восемнадцати.

Я взял удостоверение, и у меня мелькнула идея. Пошарил в тумбочке, заглянул под кровать.

— Что-нибудь потеряли? — участливо спросила девушка.

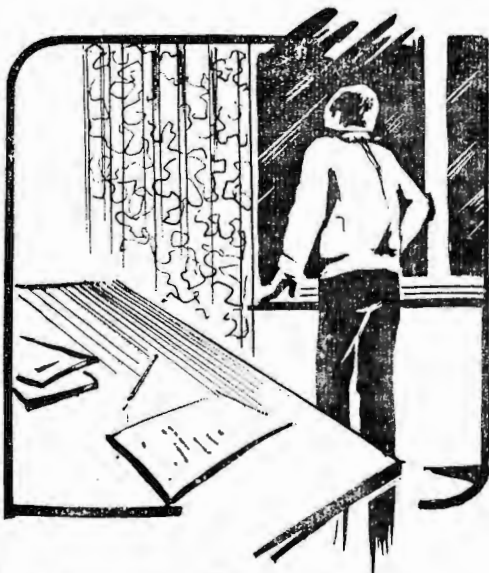
— Часики жены куда-то запропастились. Вы случайно не видели?

— Нет. Я только что начала приборку.

— А вчера вы убирали?

— Вчера этот номер остался вообще неубранным. До обеда мы меняли белье, а потом нас послали клумбы прополоть. А вечером сунулась сюда, тут молодой человек. Я не стала беспокоить.

— Молодой человек? — Мои глаза, наконец, стали квадратными — рассмеши-

ли девушку. — Вы не ошиблись?

— Еще чего. Я сначала тоже удивилась — а где же вы? Да мало ли...

— Я к другой ходил, — решил шуткой отделаться я, жалея, что затеял этот разговор; но изобразить веселую и беззаботную мину не удалось — сердце уже жгли обида и возмущение: Ольга, которую я чуть ли не боготворил, перед которой считал себя виновным!..

— Вот она и оплатила вам. И в накладке не осталась: мужчина-то — орел!

— А я, по-твоему, не орел?

Девушка окинула меня взглядом с ног до головы.

— Ничего. Но тот высокий, голубоглазый, плечи — во! — она развела руки. — В общем, красавец..

Так я распрощался с Ольгой. Навсегда.

На этом записки Батурина кончались. Гусаров откинулся на спинку кресла, задумался: сколько узнал нового о людях, которых не раз видел, но и предположить не мог, какая у них интересная и нелегкая жизнь. А одного из них уже нет...

СОМНЕНИЕ

1

Ясноград. 9 октября 1988 г.

Не зря говорят: чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть; Гусаров же поддался интуиции, взял в помощники себе Петриченкова только потому, что тот произвел на него хорошее впечатление. И вот теперь раскаивался: Петриченков вел себя так, словно он уже старший инспектор службы безопасности полетов, а Гусаров его подчиненный. Расследование вел самостоятельно, не только не советовался со своим начальником, но и старался некоторые факты держать в тайне. Встретил заместителя главкома ВВС на равных и поспешил доложить: «Расследование катастрофы закончено, причина и виновные выявлены». На предостережение Гусарова: «Ты снова горюпишься» возразил с усмешкой: «Лучше быстро и верно, чем долго и запутанно».

Откуда и когда появились эти амбиция, самоуверенность и прямо-таки неуважительное отношение к своему, прямому начальнику? А ведь именно его собирался Гусаров оставить своим преемником, всюду выставлял принципиальным и бескомпромиссным инспектором службы безопасности полетов, вдумчивым и эрудированным офицером...

Куда и зачем он торопится? Спешит карьеру сделать, генеральский чин ему покоя не дает?

А может, он, Гусаров, не прав? Расследование Петриченков ведет мастерски, доводы его убедительны, и сколько Гусаров ни ломал голову, приходил к тому же выводу — дело в катапульте.

И все-таки сомнение не покидало его, что-то не так, чего-то они не учли, до чего-то не докопались; и он снова и снова шел по пути Арефьева, анализируя каждый его шаг, каждое движение, каждое слово, а доходил до приводнения и словно упирался в стену: здесь он потерял сознание, но отчего? Если виновата не катапульта, то что или кто? Болезнь Арефьева и удар о воду, которые вызвали шоковое состояние? А умер отчего? От боли или от воды, попавшей в легкие и вызвавшей удушье?

Возможно, и так, но какие у него доказательства? Никаких...

А если прокрутить испытательскую цепочку наоборот, посмотреть на события с другого конца?

Арефьев умер на палубе катера, пока его везли к берегу. Поплыvem обратно, к месту, где подняли его с лодки... Арефьев без сознания, тяжело дышит. Надо снять скафандр. А если сломан позвоночник? Это обострит боль и может вызвать смерть... Значит, снимать скафандр нельзя. Но он стесняет и без того тяжелое дыхание — надо разрезать скафандр!

Почему не сделал это Измайлов?

Гусаров прошелся по номеру — было уже далеко за полночь, а спать ему не хотелось. Вернулся к столу и записал в своем рабочем блокноте: «Выяснить у Измайлова, почему он не снял с пострадавшего скафандр?» Раскрыл папку с документами, пробежал глазами медицинское заключение. Остановился на словах: «вследствие продольной и радиальной перегрузок произошел компрессионный перелом третьего поясничного позвонка, вызвавшего повреждение спинного мозга и паралич конечностей».

Убийственная фраза и... убедительная. Хотя Веденин и Матушкин возразили единодушно: откуда взялась радиальная перегрузка?

Действительно, откуда? Чем она доказана? Пока ничем...

И новая запись в блокноте: «Радиальная перегрузка?»

Прочитал далее: «При оказании первой помощи больного из шокового состояния вывести не удалось, а при транспортировке его на берег между 9 и 10 часами произошла внезапная остановка сердца...»

Еще один убийственный довод, который

очень трудно опровергнуть, хотя попытаться можно. Все тем же вопросом: почему не сняли скафандр?

«...При патологоанатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился: ...на третьем поясничном позвонке отмечено клиновидное сплющивание...»

Это козырной туз Петриченкова и медиков.

«...в легких пострадавшего обнаружено незначительное количество морской воды, что дает основание полагать о его шоковом состоянии при приводнении.»

Точка. Утвердительная точка во всем заключении. И что бы ни думал Гусаров о Петриченкове как о человеке, инспектор службы безопасности свое дело знает, и в логичности суждения ему не откажешь.

И все-таки какой-то изъян в заключении был, чем-то оно вызывало сомнение, недоверие.

Чем?

Гусаров прочитал заключение более внимательно. Нет, ни одна фраза, ни одно слово, ни одна запятая не остановили его.

Голова начала побаливать — переутомился. Да, он очень устал. А Петриченков доложил, что готов отчитаться на военном совете...

Он готов, а Гусаров еще нет. Может, и вправду — дорогу молодым? Что ж, если Петриченков окажется прав...

2

Утром Гусаров еще раз прочитал заключение и понял, что в нем ему не нравилось и что вызывало сомнение: «...в легких пострадавшего обнаружено незначительное количество морской воды...»

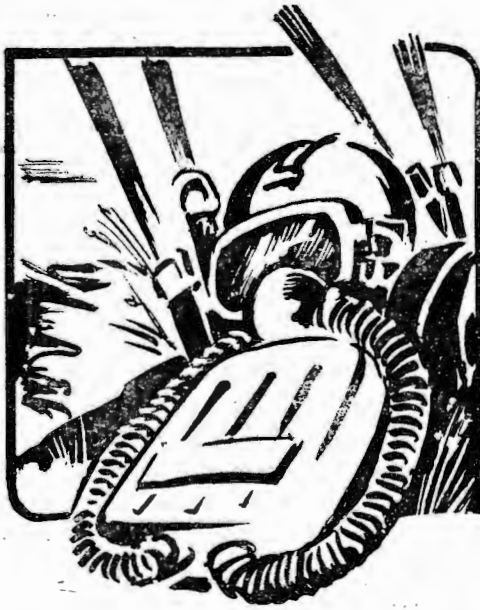
Как она попала в легкие, и что значит «незначительное количество» — несколько капель или пол-литра — у каждого своя мерка; хотя в том положении, в каком находился Арефьев, и несколько капель могли оказаться роковыми: он был напряжен, сконцентрирован и вдохи делал полной грудью.

Быстро одевшись и выпив стакан чаю — по утрам Гусаров не завтракал, — он направился на материально-технический склад к Скоросветову. К своему удивлению, он встретил там и полковника Петриченкова — уж не пришла ли и ему мысль о скафандре? Но едва завидев своего начальника, Петриченков прервал разговор, поздоровался и попросил разрешения удалиться.

— Почему же, беседуйте, — возразил Гусаров, — если я вам помешал, извините, я подожду.

— Нет, нет, все в порядке, — смутился Петриченков. — Я зашел на минутку, чтобы предупредить подполковника Скоросветова, что, возможно, придется пригласить его на военный совет — он хорошо знает все процессы подготовки и испытания катапультного устройства Веденина.

— В таком случае я вас не задерживаю, — разрешил Гусаров и, дождавшись, когда полковник уйдет, спросил у Скоросветова: — Скафандр, в котором произ-

Не понял шутку и Скоросветов. На лице его обозначилась тревога. С чего бы это?..

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

1

Москва, 13 октября 1988 г.

Гусаров шел к трибуне неторопливо, легко и уверенно, чуть приподняв красивую голову; в каждом его движении чувствовалась твердость и непоколебимость. Веденину уже приходилось слышать доклады Гусарова, и всякий раз он восторгался его ясной логикой, убедительностью аргументов, против которых не находилось и возражений. Теперь же эти ясность и убедительность пугали Веденина: сам Гусаров, похоже, расследованием не занимался, перевернул все своему помощнику полковнику Петриченко, человеку малоопытному и, как показало Веденину, самоуверенному, стрившему версию на старых фактах, на показаниях таких необъективных людей, как Скоросветов и Измайлов, — видимо, для этой цели он и вытребовал их на военный совет.

Почему так поступил Гусаров? К Веденину он относился уважительно и катапульти его поддерживал на всех этапах, отстаивал внедрение на все типы самолетов. Неужели и здесь неблагоприятную роль сыграл Скоросветов? Вполне. Шанс отомстить своему бывшему начальнику, по чьему настоянию его понизили в должности, он не упустит...

Гусаров поднялся на трибуну, достал из внутреннего кармана мундира блокнот — в руках у него никаких официальных бумаг не было, что еще более настораживало, — обвел зал неторопливым, сочувственным взглядом.

— Товарищи конструкторы и изобретатели, товарищи генералы и офицеры, — заговорил он не категорично, твердым чеканным словом, как бывало раньше, а мягко и проникновенно. — Разрешите мне сегодня нарушить наше принятое правило: не зачитывать протокол расследования происшествия, а просто доложить о нем, рассказать все по порядку, как и от чего мы потеряли замечательного офицера, отца двоих детей, лучшего испытателя центра. Почему я хочу отойти от правил? — Гусаров сделал паузу, еще более интригуя слушателей, которые и без того сидели, затаив дыхание, а Веденин, забыв об остальных, весь подался вперед, заслонив собою рядом сидящего генерала, и тот вынужден был похлопать его по плечу. — Во-первых, потому, что доклад должен был делать мой помощник полковник Петриченко, но он внезапно заболел. Во-вторых, считаю, что прямое общение достовернее, чем через бумагу. Согласны? — Присутствующие заулыбались, по ряду прокатился оживленный шумок. — Кто из нас не помнит простую истину: в авиации мелочей нет? Все помним. А к нашему большому сожалению, легкие происшествия чаще всего происходят именно из-за мелочей: кто

водил испытание Арефьев, у вас, Иван Антонович?

— Так точно, здесь. Полковник Петриченко осматривал его.

— Покажите, пожалуйста, и мне.

Скоросветов открыл шкаф и достал белый с гофрированными наплечниками и наколенниками скафандр.

— Вы присутствовали при испытании его Арефьевым?

— Так точно. И в барокамере, и на воде. Вместе с капитаном Мовчуном.

— Как считаете, мне этот костюмчик подойдет?

Глаза Скоросветова удивленно расширились.

— Вам?.. Вы?..

— Да, я хочу окунуться в нем. Хотя бы в вашем бассейне. И непременно с парашютом. Позвоните, пожалуйста, Мовчуну, пусть он захватит парашют.

— Понятно. — Лицо Скоросветова стало серьезным и озбоченным.

Через полчаса Гусаров, облаченный в скафандр, скованный и неуклюжий, как средневековый рыцарь, плюхнулся в бассейн и, окунувшись с головой, сделал глубокий вдох.

Вода в рот не попала.

— А ну-ка, окуните меня пару раз, а потом потяните за стропы парашюта в сторону, чтобы вдыхательный клапан был в воде, — попросил Гусаров Мовчуну и Скоросветова.

И когда капитан и подполковник надавили на гермошлем вторично, а Гусаров сделал второй глубокий вдох, в рот плеснула вода. Он поперхнулся, ударил по рукам помощников и, едва вынырнув, открыл щиток гермошлема.

— Хватит, — сказал, отплеываясь, с улыбкой. — Вы рады стараться, чтобы утопить генерала.

— Та шо вы, товарищ генерал! — не понял шутки Мовчун. — Мы ж как вы просили.

то что-то недосмотрел, кто-то что-то недоделал, кто-то что-то проморгал, а бывает, и кто-то в чем-то словчил. — Гусаров перевел дыхание и продолжил набравшим силу и твердость голосом: — Когда мы узнали о происшествии и ознакомились с документами, причина оказалась нам настолько ясной, что не требовалось вроде бы никаких экспертиз, кроме медицинской. Посудите сами: катапульта при рождении имела характерный дефект — вращение до десяти радианов, о чем засвидетельствовано в заключении испытателем Арефьевым. Накануне товарищ Арефьев находился в госпитале с диагнозом — остеохондроз. Что это за болезнь, многие из вас знают, потому вполне можно было допустить, что испытатель потерял сознание от перегрузки. Медицинское заключение подтвердило наше предположение. — Гусаров развернул блокнот и прочитал: — «Вследствие продольного сжатия и радиального скручивания на третьем поясничном позвонке обнаружено клиновидное сплющивание; в легких пострадавшего обнаружено незначительное количество морской воды, что дает основание полагать о его шоковом состоянии при приводнении». — Гусаров распрямился, окинул зал взглядом чуть прищуренных, таящих загадку глаз.

— Итак, казалось бы, все ясно, улики, как говорят юристы, налицо. И все-таки давайте еще раз вдумаемся в фразу: «в легких пострадавшего обнаружено незначительное количество морской воды». Как она попала в легкие? Почему? Вы ответите: «Ясно почему — попала через дыхательный клапан скафандра». Верно. Другого пути у нее нет... Кстати, товарищ Веденин, а почему вы взяли скафандр Алексева, а не Коржова, которым пользовались ранее?

Веденин уже задавал сам себе этот вопрос и жалел, что поддался уговорам Измайлова и Скоросветова, но сделанного было не вернуть. Ему не хотелось здесь, на военном совете, обнаружить взаимоотношения с Коржовым, потому он ответил уклончиво:

— Начальник материально-технического снабжения убедил, что скафандр Алексева предпочтительнее.

Гусаров повернулся к Скоросветову.

— Иван Антонович, поясните нам, почему вы предпочли новый скафандр, еще не принятый на вооружение, проверенному не однажды?

Скоросветов вытянулся, лицо покрылось пуновыми пятнами. Вопрос и для него был столь неожиданным, что он нашелся не сразу, но быстро взял себя в руки и, ткнув пальцами дымчатые очки, ответил довольно твердо:

— Сложностей особых, если говорить откровенно, не было. Просто мы обратились к товарищу Алексеву из-за чисто этических соображений.

Веденин недоуменно пожал плечами: «мы» — кого он имеет в виду, из-за каких «этических соображений»?

От Скоросветова не ускользнуло недоумение на лице главного, и он поспешил пояснить:

— Прежде всего, мы брали в расчет

145
то, что Веденин и Коржов конкуренты. Во-вторых, скафандр Алексева более совершенен, имеет ряд преимуществ. Поэтому мы и выбрали его.

— Кто это «мы»? Вы имеете в виду Веденина? — спросил Гусаров.

Скоросветов стрельнул глазами в Веденина и, прочтав на его лице возмущение, поправился:

— Нет, не Веденина. К капитану Алексеву я обращался с капитаном Измайловым.

— Врач хорошо разбирается в средствах спасения и вместе с вами отвечает за материально-техническое обеспечение? — не сдержался от иронии Гусаров.

— Просто за компанию, — потупил голову Скоросветов.

— Скажите, капитан Алексеев ваш друг?

Подполковник пожал плечами.

— Да, мы в хороших отношениях.

— А как вы с ним подружились? Насколько мне известно, Алексеев у вас в гарнизоне сравнительно недавно и деятельность его никаким образом не связана ни с материально-техническим обеспечением, ни с медициной.

Скоросветов молчал.

— Может, вы вспомните, на какой почве родилась ваша дружба? — обратился Гусаров к Измайлову, и капитан, вопреки своей врожденной медлительности и неуклюжести, подскочил, как brave солдат, и застыл.

— Мы знали, что капитан Алексеев занимается изготовлением скафандра, а на склад как раз поступила новая ткань, я и решил предложить ее конструктору, — нашелся наконец Скоросветов.

— Так, — многозначительно протянул Гусаров, переводя взгляд с одного на другого, и было похоже, что ему известно намного больше, чем предполагают подполковник и капитан. — Значит, предложить новую ткань... А за какие услуги? — Гусаров перевернул листок в блокноте и прочитал: «В мае, числа точно не помню, ко мне обратился подполковник Скоросветов и капитан Измайлов и попросили изготовить им к личным автомашинам противоугонное радиоустройство. Я поначалу отказался. Но в июне меня вызвал наш главный инженер и, сами понимаете...» — Гусаров оторвал взгляд от блокнота и пронзающе посмотрел на Скоросветова и Измайлова. — Правильно здесь написано? — ткнул генерал пальцем в блокнот.

Скоросветов и Измайлов опустили головы.

«Нет, не зря величают его «Рентгеном», — с благодарностью подумал о Гусарове Веденин, и с плеч будто гора свалилась. — Вот до каких деталей докопался. А я-то уши развесил: «Удобнее, совершеннее, перспективнее»...

Скоросветов вдруг поднял голову и сказал с вызовом:

— Я понял, к чему вы клоните. Но клиновидное сплющивание третьего поясничного позвонка со счетов сбросить не удастся.

Да, Скоросветов был не из тех, кого можно взять голыми руками, и реакция

у него была испытательская — он сразу же нашел, за что уцепиться.

Гусаров чуть заметно скептически ухмыльнулся.

— Что ж, очень хорошо, что поняли. До сплющивания позвонка мы еще дойдем. А сейчас объясните военному совету, почему вы взяли в экспериментальный полет скафандр Алексева?

— Я уже отвечал: скафандр Алексева имеет ряд преимуществ — легче, удобнее, с автоматической системой переключения кислородного питания.

— Кстати, объясните, пожалуйста, принцип работы этой системы.

Скоросветов недоверчиво покосился на Гусарова, пожал плечами.

— Пожалуйста. Обычный принцип: при наборе высоты мембрана дыхательного клапана за счет разности давлений постепенно прикрывает доступ воздуха и открывает чистый кислород. При снижении, наоборот: клапан приоткрывается, и в него поступает воздух.

— Значит, если скафандр попадет в воду, клапан пропустит и ее?

«Вот к чему так долго и путанно вел Гусаров», — понял Веденин.

— Не совсем так, — не согласился Скоросветов. — Во-первых, дыхательный клапан расположен высоко, и если испытатель приводняется, то клапан попадает в воду лишь на доли секунды, за которые в скафандр может попасть мизерная капля, и она, понятно, не является смертельной.

— Вы уверены? А если человек скован скафандром и дыхание затруднено? Кстати, товарищ Измайлов, почему вы не разрешили скафандр, чтобы сделать искусственное дыхание?

— Так сколько он стоит! — сорвалось с уст врача. — Моей полочки за год не хватило бы рассчитаться.

В зале возмущенно загудели. Измайлов спохватился и, втянув голову в плечи, сел. На помощь ему пришел Скоросветов.

— Это все теория. А сплющивание позвонка со счетов не сбросишь.

— Вы правы, Иван Антонович, — с усмешкой сказал Гусаров. — Клиновидное сплющивание третьего поясничного позвонка со счетов не сбросишь. Как не сбросишь и то, что Арефьев накануне лежал в госпитале. Но клиновидное сплющивание приобретено Арефьевым еще в детстве, о чем свидетельствовали сделанные ранее рентгеновские снимки. Кстати, товарищ Измайлов, — повернулся Гусаров к капитану, — почему вы не приобщили их к делу?

Измайлов беззвучно пошевелил губами и наконец прохрипел невнятно:

— Не-не могу знать... У меня не было. Не знаю, куда подевались...

— Как же так?! — загремел заместитель главкома. — Вы, лечащий врач, и не знаете?

Измайлов и вовсе сник. И снова подал голос Скоросветов:

— Разрешите, товарищ генерал-полковник авиации? А кто еще видел эти снимки? Может, их выдумали?

— Вот даже как?! — возмутился Гусаров. — А ведь это подсудное дело — уничтожать вещественные доказательства. Но тот, кто сделал это, все же просчитался, не все уничтожено. — И Гусаров, отойдя к стене, где висели рентгеновские снимки, отстегнул два негатива. Протянул их заместителю главкома. — Посмотрите, товарищ генерал-полковник. Один сделан шесть лет назад, а второй — после гибели Арефьева.

Заместитель главкома внимательно посмотрел снимки на свет — один, второй раз, прочитал даты на них и пустил их по рядам, сказав при этом:

— Комментарии излишни. Суд, думаю, до конца во всем разберется.

2

Всю обратную дорогу Веденин думал о военном совете, перебирая в памяти выступление то одного, то другого, и хотя по существу его оправдали (эксперимент решили повторить), победителем он себя не чувствовал. Настроение было прескверное, словно в грязной луже выкупался.

Начальник летно-испытательного центра генерал Гайвороненко сидит сейчас рядом с ним в самолете тоже поникший: и ему досталось по первое число. Что ж, все правильно, под их крылышком росли и зрели Скоросветов с Измайловым. Сколько раз уличали эту пару в непорочности, подличании, а материал на увольнение не представляли, пересаживали из одного кресла в другое...

Гайвороненко посмотрел в иллюминатор, чему-то усмехнулся и пододвинулся ближе к Веденину. Спросил с невеселой улыбкой:

— Что нос повесил? За критику обиделся?

— Критика, говорят, питает истину. Надо не обижаться, а уроки извлекать. Вот этим я и начал уже заниматься. Думаю сейчас, кем Арефьева заменить.

— Батуров уже знает о гибели Игоря?

— Да. И я слышал: он намерен вернуться к нам. Очень толковый испытатель...

146

КТО НАПИСАЛ

«Лунную сонату»?

НА ЭТОТ ВОПРОС НЕ СМОГ ОТВЕТИТЬ НИ ОДИН ИЗ 200 ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА МУЗЫКАЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ.

«Ну и что? — считают их командиры. — Солдату это знать не обязательно. Вот если бы он обязанности часового не рассказал или порядок допуска проверяющего на пост...»

Логика подобных рассуждений ясна. Все, что к боевой службе и учебе отношения не имеет, — лишнее, и ничем иным, как пустым времяпровождением, быть не может. Позвольте с таким ошибочным мнением не согласиться!

Одна из самых серьезных причин всех наших бед в стране и войсках тоже — бескультурие. Так думаю не только я одна, большинство членов нашего женсовета. Используя сравнительно скромные возможности военного городка, стараемся хоть как-то восполнить духовный дефицит у военнослужащих.

В плане работы культмассовой комиссии — конкурсы, тематические вечера, дискотеки. Задумки женсовета не оседают на бумаге. Они — в жизни. Участники клубной художественной самодеятельности поставили спектакль-плакат «Ордена заговорили...», рок-оперу «Репка» по военным мотивам, сказочное новогоднее представление для детей, провели конкурс «Мужчины, вы помните звание свое?». В памяти воинов надолго останется встреча с ветеранами Великой Отечественной войны. И в этом немалая заслуга старших сержантов Т. Алимовой и Л. Русских, ефрейторов Г. Сизиковой и Н. Грохольской, сумевших создать на ней атмосферу serдечности, теплоты и доверия.

С легкой руки женсовета проведено несколько вечеров отдыха для офицеров, прапорщиков, сверхсрочнослужащих и членов их семей. Активное участие в них приняли жены военнослужащих Л. Макарова, Л. Николаева, В. Кириенко, С. Иванова, М. Гладких, Т. Морева и Н. Голубчикова.

Большинство мероприятий, проводившихся по инициативе женсовета, удались на славу. И прежде всего потому, что в них привнесли свои мысли, творческие находки, энтузиазм все его члены.

Прапорщика Наталью Николаевну Берелину, например, самодеятельные артисты называют «наш продюсер». Раздобыть костюмы для выступающих, нужный реквизит, напоить чаем участников концерта, напечатать сценарий — эти и другие хлопоты на ее плечах.

В выпуске устного журнала «Штрихи к портрету Ленина» участвовала библиотекарь клуба В. Жумагулова, тоже член женсовета. Человек равнодушный, любящий и знающий свое дело, она не случайно представлена к званию «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Валентина Михайловна всегда поможет подобрать необходимый литературный материал, посоветует, как лучше провести то или иное мероприятие. Опытный культпросветработник, она привила любовь к книге не одному поколению воинов.

...Согласитесь, добрых дел на счету женсовета немало. А могло быть и больше. Если бы больше было у нас среди командиров и политработников единомышленников. Иные офицеры ни одного (!) нашего мероприятия не посетили. Клуб, в их понятии, место для проведения собраний и просмотра кинофильмов. Мало того, что сами туда дороги не знают, они еще его запретной зоной для подчиненных объявили. А каково нашим участницам художественной самодеятельности слышать в свой адрес язвительное: «Артистки!»?

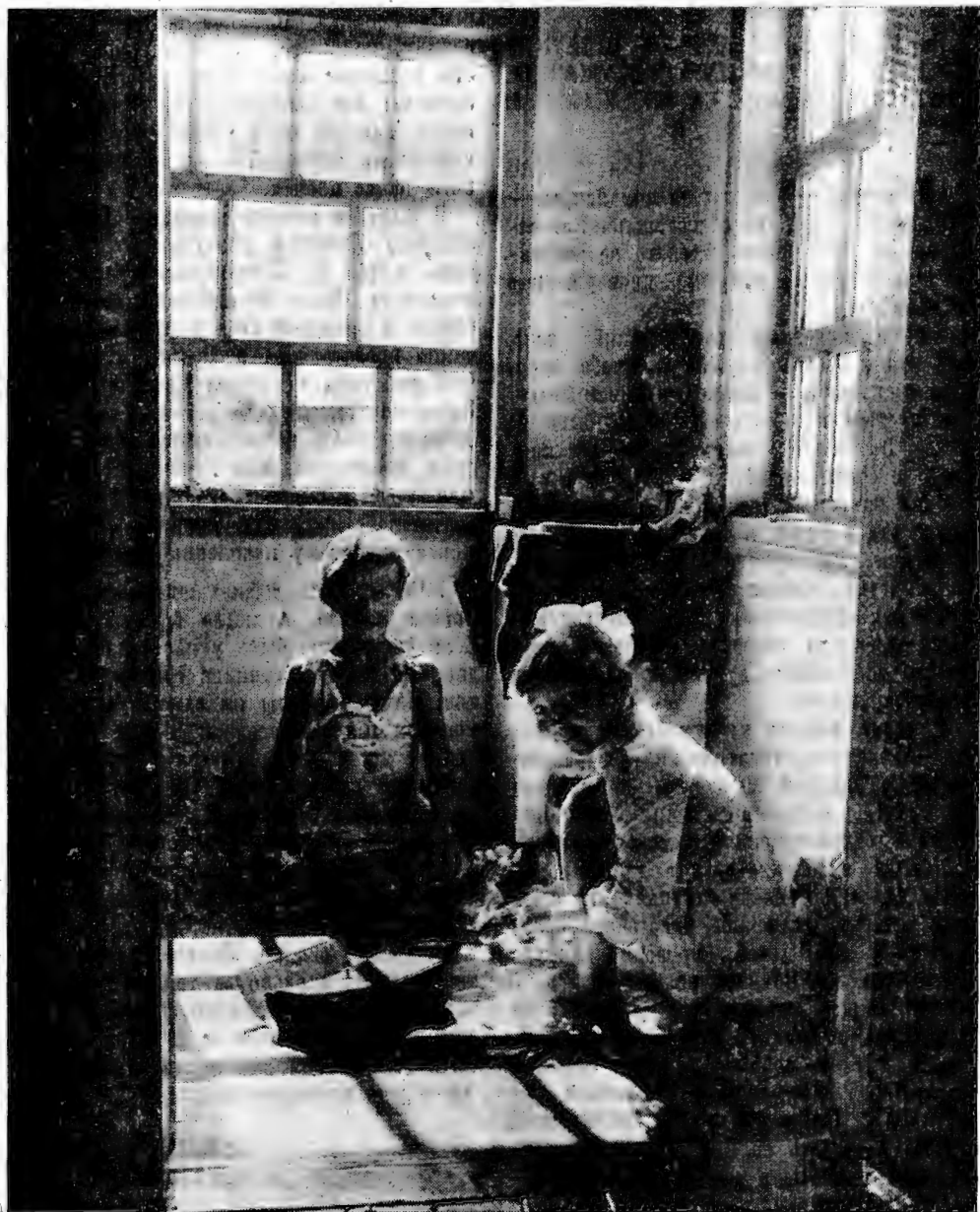
Нет слов, обидно. Не столько за прозвища такие, сколько за то, что не понимают некоторые товарищи простую истину: приобщать воинов к культуре, создавать им условия для полноценного отдыха — дело не только женсовета...

И. ПОЛОМОШНОВА,
член женсовета части.

НАШ ВЕРНИСАЖ

Сегодня в нашей рубрике — творчество Бориса Булгакова. Пристальность взгляда, неожиданность открытий, высокое техническое мастерство исполнения — все это характеризует фотоработы офицера как настоящие произведения искусства.

- Лето на даче.
- Подруги.
- Ноктюрн.

706
147

Мужской нам, Женщинами...

ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ

С праздником, дорогие женщины! С новыми успехами, новыми радостями, новыми надеждами! И еще с такой новостью: редакция решила начать публикацию материалов, посвященных чисто женским проблемам — семейным делам, воспитанию детей, различным домашним хлопотам. Каждая из вас по собственному опыту знает, насколько трудно решаются они подчас.

А почему бы нам всем сообща не помочь друг другу разобраться в этих самых заботах! Попробуем!

Для начала хотелось бы услышать: как вы относитесь к такой задумке, что именно, на ваш взгляд, надо обсудить, чем поделиться! Как вы считаете: следует ограничиться только хозяйственными делами! Или вынести на наш общий совет и нравственные вопросы, проблемы обустройства семьи, правовые и культурные аспекты!

А пока представляем вам, дорогие подруги (надеемся, мы будем дружить!), всего понемногу, этаким винегрет из проблем, советов, рецептов. Судите сами, что получается, рядите, что нам нужно, и присылайте, пожалуйста, собственные оригинальные предложения, идеи, пусть самые неординарные. Обсудим!..

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

«...А СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА НАС НЕ ИНТЕРЕСУЮТ»

Невыносимо тяжело на душе. Вот уже несколько месяцев нашу семью переполняют горе, отчаяние, обида, которые нанес нам отец...

Семья наша была очень дружная, трудолюбивая, скромная. Мама — учительница, брат — школьник, а вот уже медработник, а отец — прапорщик внутренних войск. И вдруг над нами надвинулись черные тучи: отец объявил, что уходит из дома, что уже два года у него другая женщина. Целых два года лжи!

И все равно нам хотелось склеить семью, ведь

мы, особенно брат, так его любили. Мама заболела с горя, у брата невроз сильный. Попыталась нам помочь директор школы А. М. Бабошина. Поехала она поговорить с командиром и замполитом. Так они ее даже в кабинет не пригласили, ответили грубо и сухо: «На работе он дисциплинирован, нет замечаний, а семейные дела нас не интересуют». Мама обратилась к комбату Василию Ивановичу. Просила приехать к нам, поговорить, посмотреть, какой была наша семья. Пообещал командир, да так и не приехал. Неужели никому не

вдомек, что отличная служба отца — это же большая заслуга моей матери! А товарищи его по службе, они, оказывается, все знали, и никто не осудил, даже помогали ему нас обманывать.

Конечно, я понимаю, что семью снова не соберешь, но так обидно: почему же никто не помог нам, когда еще можно было, почему командиров, сослуживцев моего отца не интересовала его жизнь вне службы!

С уважением
Оксана ИЛЬЧЕНКО.

УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.

АЧХ
148

Вот такое горькое письмо получили мы от девушки, потрясенной уходом из семьи самого родного для нее человека на свете. Что тут можно сделать, чем помочь?.. Конечно, мы послали запрос вышестоящему начальнику «для принятия соответствующих мер». Да какое тут начальство, когда такая ночь в семье!

И все же... Отчаянный крик Оксаны вскрывает важную, как нам кажется, вечную боль военных семей — как соединить службу и семью, как их примирить, как

тепло, внимание и строгость командиров сделать по-настоящему отеческими. Поэтому давайте подумаем над этим тревожным письмом вместе: помогут ли здесь «соответствующие меры» начальников? Стоило ли дочери звать на помощь или лучше вспомнить о гордости? А может, отец в любом случае останется для детей отцом? И вообще легко это — предавать тех, кто тебя любит, даже если твоя любовь ушла?..

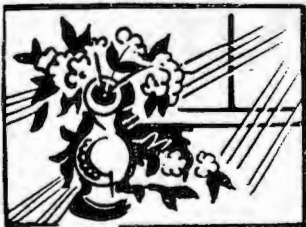
ДАРИТЕ ЖЕНЩИНАМ ЦВЕТЫ!

БУКЕТ К 8 МАРТА

По случаю Международного женского дня хороши букеты из дорогих цветов — роз, гвоздик, герберы — и обязательно любимых теми, кому они предназначены. Но если таких цветов нет?

Гуляя с детьми в выходной день, поищите на снежном покрывале сухие былинки, веточки причудливой формы. Аккуратно сор-

вите их, пусть отойдут немало в тепле. Затем опустите в очень крепкий раствор поваренной соли. Когда пруттики, стебельки покроются кристаллами соли, словно инеем, осторожно вынимаем их из раствора, раскладываем на просушку. Очень красиво смотрятся «заснеженные» таким образом ветки на фоне зеленой лапы сосны или ели.

Цветы дарить — большое искусство. Сколько оттенков чувств, настроения в языке цветов, в умении составить красивый и красноречивый букет! Поделитесь этим умением?

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ!

ТОРТ «ЗЕБРА»

В год Лошади этот торт выглядит оригинально. 1,5 стакана муки, 1,5 стакана сахара, 200 г сметаны, 80 г маргарина, 3 яйца тщательно перемешиваем, добавляем немного гашеной соды и делим тесто на две части. В первую добавляем 3 ст. ложки порошка какао и снова перемешиваем.

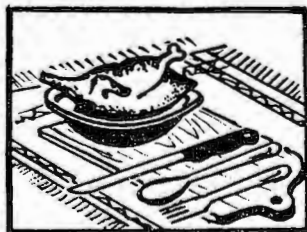
На смазанную маслом глубокую сковородку кладем в середину поочередно по ст. ложке белого теста, затем черного и т. д. Верх торта украшаем вареньем, цукатами, орехом

— словом, у кого что найдется под рукой. Кремом можно нарисовать «лошадку».

Выпекать на среднем жару 30—40 минут.

КОЛБАСКИ ИЗ КУРИЦЫ

Сырую тушку разрезать пополам со стороны грудки, снять кожу, стараясь не разорвать ее, снять мясо с костей, можно добавить и сердце, легкие, печенку. Все перемешать с солью, перцем, мелкопорезанным чесночком. Подготовленную массу плотно завернуть в кожу в форме колбаски (для «заплаток» возьмем кожу от горлышка). Приго-

товленные колбаски завернуть в фольгу, перерезать несколько раз нитками, кипятить в просторной кастрюле около 30 минут, охладить в бульоне. Вынуть, снять нитки и фольгу, поставить на холод. Нарезать перед подачей на стол.

..... ТРАВЫ, ТРАВЫ, ТРАВЫ!

ЗНАХАРКИНЫ ЗАГОТОВКИ

друг другу стать знахарками, ведуньями, врачевательницами. Пока расскажем о том, что можно заготовить уже в марте — апреле, как этим богатством распорядиться.

Листья брусники обладают многими полезными свойствами, применяют их, в частности, при ревматизме, подагре. Сейчас самая пора сбора листьев для домашней аптечки. Их ну-

жно осторожно срывать с побегов или обрезать сами побеги, но ни в коем случае не вырывать бруснику с корнем! брать ровно столько, сколько надо семье до следующего урожая. Для сушки раскладываем тонким слоем на доске, противне в хорошо проветриваемом помещении или в духовке при низкой температуре.

Эта рубрика — о целебных травах, овощной зелени, ягодах. Наверное, и у вас есть свои секреты сбора и использования природного лечебного сырья? Присылайте их сюда, помогите

ТАКИЕ У НИХ БУДНИ

Что создает хорошее настроение в праздники? Наверное, прежде всего добрые будничные дела, чувство удовлетворенности свершенным. Так считают женщины-контролеры подразделения, которым командует капитан И. Агапов. А дела у них действительно идут неплохо.

На снимках:

■ Старший прапорщик М. Сидельникова — не последняя в боевой учебе.

■ Немало общих проблем приходится решать капитану И. Агапову и командиру взвода, активной общественнице старшему прапорщику Г. Якубенко.

■ Пропуск транспорта осуществляет прапорщик Л. Макарова.

Выполняя многочисленные пожелания наших читательниц больше внимания уделять «чисто женским» проблемам, «Пульт» пригласил в гости ведущую популярной рубрики «Спросите Марину» еженедельника «Собеседник» — Марину Крайнюю.

«Специалист по моде», Марина твердо убеждена, что нет изначально «провинциальных» или «лесных», в худшем смысле этого слова, женщин. Чтобы быть элегантно и красивой, считает она, необязательно часто покупать новые наряды, гнаться за модой.

И чтобы убедить в этом читательниц, Марина сама представляет модели и предлагает всем

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЛАТЯНОЙ ШКАФ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

— Счастливая, — завидовали мне подруги. — В Москве отдохнешь... — Да что вы, девочки, я ж в командировку, какой отдых! — отбивалась я, а сама судорожно думала, как бы одеться так, чтобы и по-деловому, и в меру празднично.

В джинсах и свитере — несолидно, в юбке с кофтой — вроде старомодно, костюм — да где ж его взять-то, времени мало, чтобы по магазинам сейчас бегать. В ателье заказать — пошить не успеют. Оставался последний вариант — податься к приятельнице, которая всегда знала, где и что можно купить...

В эту ночь я не знала покоя: снились какие-то люди, груды тряпок, потом я вдруг оказалась в театре, почему-то в ватнике, и все показывали на меня пальцем, ехидно улыбаясь.

«Нет, так не пойдет, — проснувшись утром, решила я. — Надо заняться собой».

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Зеркало, как и каждое утро, встретило меня сонным растрепанным существом. Но теперь я не побежала переодеваться, готовить завтрак, — внимательно смотрела на эту «дамочку» и думала: молодая — да, но уже не юная, вот и морщинки у глаз; конечно, можно еще лет десять в брючках «пробегать» — удобно, что и говорить! Но кто я, есть ли у меня свой образ, стиль, ведь, в сущности, сама себя не знаю. Почему-то захотелось быть элегантно, подтянутой, захотелось выпрямиться, красиво идти, а не бежать, не спешиться, как это

вечно приходится делать. Думать, что это старость, мне вовсе не хотелось. Зрелость? Быть может.

Я открыла шкаф, вынула приобретенное вчера за две цены платье и стала подбирать к нему пояс. Желтый — нет, красный — тоже нет, сиреневый — возможно... Правда, не очень-то цвета сочетаются между собой, но мне нравится. Я вообще стараюсь все проверять на опыте: приложу, скажем, к платью шейный платок — а цвета, по теории, не подходят друг к другу. Но если мой глаз это не раздражает — надеваю. Вот и на этот раз выбрала голубой платок, по интуиции — не знаю, может быть, кому-то такое сочетание и покажется странным.

Смущало меня только, что это платье деловым не назовешь — цвет уж слишком яркий. Стала искать варианты — в чем же ехать в командировку? И снова остановилась на старом как мир сочетании — юбка и блузка...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

На улицах Москвы царствовала зима. Прохожие, ежась от холода, ускоряли шаг. Я глазела по сторонам, и все мне здесь нравилось. Две девушки в ярких куртках и застиранные джинсы весело переговаривались между собой. За ними шел высокий детина в длинном черном пальто и смотрел поверх голов куда-то вдаль. Мимо торопливо прошла молодая женщина: из-под серого цвета шубки чуть выглядывала черная кожаная юбка, открывавшая красивые стройные ноги.

Я зашла в телефон-автомат и позвонила. Моя давняя, еще школьная подруга ахнула:

— Неужели приехала? Лети ко мне. Жду!

В дверях меня встретила взрослая, красивая женщина, отдаленно напоминающая мою подругу Милку. На ней был черный пиджак без воротника и широкие брюки. Мы пили чай и говорили «о жизни», вспоминая далекие годы и беззаботную школьную юность.

Мила — художник-модельер, работает в ателье. Предложила мне: «Сейчас коллекцию весеннюю отшиваем, не хочешь посмотреть?»

Я мгновенно оделась. Через минуту мы уже мчались на такси в центр.

— Понимаешь, — сказала Мила, — главное, научиться комплектовать свой костюм. Ведь человеку удобнее иметь отдельные предметы, которые, сочетаясь друг с другом, дают массу вариантов. Смотри, чем иметь, скажем, платье, которое быстрее брюк или юбки выходит из моды (пальто — быстрее, чем полупальто или куртка) — лучше приобрести жакет, несколько блузок.

— А почему платье быстрее выходит из моды? — вспомнив о своей недавней покупке, спросила я.

— Модность таких вещей, как платье, выражается конкретнее, что ли, традиционнее. И поэтому они быстрее устаревают.

В ателье я увидела вещи очень красивые, неожиданные и, как мне показалось, для носки вполне приемлемые. Мила решила дать мне уроки на практике и поэтому заставила надеть то, что мне понравилось.

— Сначала красный костюм. Тебе этот цвет должен пойти. Отлично. А теперь еще берет.

— Да что ты, я никогда их не носила, — засопровивлялась я. Но берет уже красовался на мне.

Я посмотрела в зеркало и — ахнула. Передо мной стояла элегантная молодая женщина, похожая на меня. Но это была не я. Уже не я.

— Слушай, — восхищалась Мила, — как на тебя сшито. И так тебе идет! Знаешь, его ведь можно по-разному носить: и с блузкой, и без нее; и юбку отдельно, и «верх»; и под плащ, и на свитер — как угодно. Тебе непременно надо пошить такое.

— Ты с ума сошла! Забыла, что я не в Москве живу? Я же со стыда сгорю в нашей провинции.

— Послушай, а ты что, преступление совершаешь или оскорбляешь кого, ты не задумывалась над этим никогда? — вдруг посерьезнев, отрезала Мила. — Почему предмет одежды, который появляется на каком-то конкретном человеке, не оставляет других в покое? Не потому ли, что они себе не могут позволить этого, или потому, что не умеют? Так, сейчас будешь примерять вещи, а я тебе скажу, что тебе из них надо будет шить. Поняла? — ее тон не допускал пререканий. И я молча кивнула.

Следующей на очереди была какая-то невероятная белая блузка с кружевами и вышивкой и юбка с баской. Эта самая бас-

ка отстегивалась, и юбка тогда становилась менее нарядной, более деловой.

Волосы она заставила затянуть наверху, и я превратилась в гимназистку.

Каждое переодевание Мила комментировала.

— Теперь совершенно другой образ, ты видишь? В этом костюме можно пойти на любое торжество. Так, теперь вот этот розовый костюм. Посмотри, какой прелестный цвет. Он смягчает твой облик, придает ему элегантность и свежесть. Да и варианты любые, при желании, комплектуются.

Я была поражена. Я не узнавала себя. Элегантность. Женственность. Неужели это мой стиль, мой образ, неужели придется отказаться и от моих любимых брюк, свитеров? И что же теперь остается — выбирать, какой образ мне ближе? Впрочем, почему выбирать — или-или? Ведь можно не чередовать эти стили, сочетать их, находя все новые и новые варианты и оттенки, делать для себя открытия. Как это произошло со мной. И в этом возрасте они еще более желанны, чем в молодости.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Поезд мчал меня домой. Соседи по купе дремали, убаюканные мерным перестуком колес, а я смотрела на убегающие за окном селения, поля и перелески.

«Как мало, в сущности, нужно человеку, — думала я. — Изменить иногда свой облик, взглянуть в себя, сменить обстановку и уехать на пару дней от извечных забот — и тогда вдруг снова очень хочется жить. Почему мы не делаем это, почему несемся по жизни, не оглядываясь, живя только завтрашним и на завтра все откладываю?»

Стыдно признаться, что на такие мысли меня натолкнула не лекция философа, не беседа психолога по ЦТ, а хорошо оформленная, красивая, но, по сути, тряпка — как мы называем одежду презрительно. Не потому ли, что она все-таки нечто большее, чем просто одежда. Мы выбираем себе костюм, а, в сущности, манеру держаться, двигаться, говорить; он становится частью нашего характера, даже нашей «кожей», нашей «концепцией», которую мы носим на себе.

...Я поднялась на свой этаж, зажгла на кухне свет и поставила на плиту чайник.

Старый шкаф, где хранились все мои вещи — нужные и не очень, практичные и просто «выброшенные на ветер деньги», — был приоткрыт. Сегодня идти мне не нужно было нигуда. И все же я распахнула его дверцы. Придумывала варианты моего завтрашнего делового костюма, снимала с вешалок вещи и прикладывала друг к другу, искала подходящие пояса и украшения — это была игра, настоящая игра, легкая, без принуждения — и она доставляла удовольствие.

На кухне засвистел чайник, прервав мое первое путешествие в платяной шкаф. И теперь уже, я была твердо уверена в этом, не последнее.

Марина КРАЙНЯЯ.

Модели одежды представлены на с. 3 обложки.

Отчаяние

150

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Все знали, что преемником Фрунзе стал Ворошилов, — таким образом, армия сделалась сталинской. Через полгода после этого странно умер Дзержинский. Фактическим хозяином ОГПУ сделался Ягода. Первые распоряжения о слежке за Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Преображенским, Смилгой и Иваном Смирновым подписал он, Генрих Григорьевич, не Менжинский...

Приказ войскам Московского гарнизона на обеспечение порядка при высылке в Алма-Ату Троцкого отдал Ворошилов...

Дело о смерти Надежды Аллилуевой, жены генералиссимуса, Абакумов затребовать не решился: прикосновение к высшим тайнам Кремля чревато.

Тем не менее о «Мишеньке» и Холине доложил Берия.

Маршал взял материалы на Семашко, несколько дней изучал их, потом отправился к Сталину.

Выслушав Берия, тот, не скрывая раздражения, спросил:

— А ты разве не знал об этой гнусной сплетне? В свое время японский шпион Вогау преуспел в раскрутке этой гнусности... Вогау — известно такое имя?

Берия знал, что врать Сталину нельзя: либо нужна заранее подготовленная двусмысленность — генсек это любил, либо правда.

— Нет, Иосиф Виссарионович, неизвестно.

— Псевдоним писателя Бориса Пильяска, — зло сказал Сталин. — Как не русский, так прячется за псевдоним... Один Эренбург удержался, молодец, цену в людях достоинство... Ну, а Семашко... Встретился бы с ним... Карпинский с Бончем молчат, конспираторы... Лепешинская —

верна, я в ней убежден, тоже из нашей, истинно ленинской гвардии... Поговори с Семашко, по-дружески поговори: «Мы все знаем, шутить с огнем опасно, подумайте...» И пусть напишет статью о роли истинных ленинцев в гражданской войне; напечатать в «Известиях»...

Через пять дней Семашко подписал па-негирик в честь истинного организатора всех побед Красной Армия против беляков, об «иудушке Троцком», предателе и найми-те фашистов; закончил, как и положено: «Сталин — вера, надежда и гордость наро-дов всего мира».

Н А ЭТОТ РАЗ Аркадий Аркадьевич встре-тил Исаева сумрачно, из-за стола не под-нялся, несколько раздраженно кивнул на стул, что стоял возле маленького столика, поставленного перпендикулярно к его большому, с резьбой, письменному; сцепил свои крепкие пальцы и начал монотонно ударять ребром ладоней по толстому стеклу, под которым лежал список телефонов и фамилий.

— Объясните мне, — заговорил он на-ко-нец, аккуратно подыскивая нужные слова, — почему вы... полковник МГБ... ни на йоту не верите нам?

Исаев не торопился с ответом; удержал-ся, чтобы не хрустнуть пальцами; до на-тужной боли в ладонях сжал кулаки и откинулся на спинку стула:

— Во-первых, я никогда—во всяком слу-чае официально—не был еще «коронован» званием полковника МГБ. Я просто дзер-жинец. Для меня достаточно... И потом это какое-то странное новшество—держать пол-ковника МГБ в камере внутренней тюрь-мы... Впрочем, может быть, у руководства есть на этот счет свои новаторские сооб-ражения... Во-вторых, вы сказали «нам». Следовательно, вы не разделяете себя с Деканозовым? И с тем человеком, к ко-торому вы меня подняли, когда он орал на меня в присутствии Деканозова, как уго-ловник с Хитрова рынка... Вы едины с Сер-геем Сергеевичем? А он держал меня на стуле, пока я не свалился на пол, поте-ряв сознание. Вы едины и с теми, кто глу-мился надо мной во время морского пу-тешествия? Не отделяете себя от них?

— Не отделяю,—отрубил Аркадий Ар-кадьевич; взяв карандаш, быстро написал несколько слов на маленьком листочке бу-маги и молча передал Исаеву, приложив при этом палец к губам.

Исаев посмотрел бумажку, отставив ее от себя,—почерк был мелкий, неразборчи-вый; Аркадий Аркадьевич протянул ему очки, продолжая рубить:

— И никогда не буду отделять себя от моих друзей, запомните это! А демагогия вам не к лицу, стыдно!

На бумажке было написано: «Еще как отделяю!».

— Если не отделяете себя от них, я во-обще не стану с вами разговаривать,—от-ветил Исаев, кивнул на карандаш.

Аркадий Аркадьевич словно бы ждал этого; протянул ему «фарбер».

— И вообще я не буду говорить в этом кабинете,—продолжал Исаев,—где каждое мое слово записывается, а потом из этого вполне может быть склеена нужная вам композиция из нарезов пленки...

На бумажке написал: «Пригласите в ре-сторан — если пойдем пешком, стану гово-рить»; последнее слово резко подчеркнул—так резко, что даже обломился кончик ост-ро отточенного грифеля.

Аркадий Аркадьевич прочитал ответ; Исаев, изучающе глядя на него, резко под-винулся к большому столу, закрыв локтем обломившийся кусочек грифеля.

— Да, любопытно, черт возьми,—после долгой паузы ответил Аркадий Аркадьевич с усмешкой,—казалось бы, политик, то есть экономист, а не понимаете, что в стране дефицит серебра! А без него нет пленки для записывающей аппаратуры... Все день-ги—особенно золото и серебро—идут на восстановление из руин Минска, Сталингра-да, Харькова, Смоленска...

Достав пачку «Герцогвины Флор», про-тянул Исаеву:

— Курите...

Зажег спичку, запалил бумажку, тща-тельно растер пепел пальцами, высыпал на ковер, прошелся подошвой и, кивнув на отдушины, сыграл:

— Отвыкли от папирос, что ль? Сигареты легче раскуриваются?—и зажег вторую спичку, протянув ее Исаеву.

— Ваши папиросы отсырели,—ответил Исаев; не отводя глаз от лица Аркадия Аркадьевича.—На вашей даче эти же па-пиросы были хорошо высушены...

— Я не зря спросил о том, отчего вы нам не доверяете. У меня для вас есть два сообщения. Первое—неприятное, второе—радостное. От того, как вы прореагируете на эти сообщения купно, зависит очень многое. С какого начинать?

— С неприятного.

Аркадий Аркадьевич медленно поднялся из-за стола и пошел к сейфу,

Исаев неторопливо взял кусочек грифеля и положил его под язык; Аркадий Аркадьевич достал из сейфа папку, вернулся к столу, протянул ее Максиму Максимовичу: — Читайте.

Исаев сделал три быстрые, глубокие затяжки; табак был горьковатый, крепкий; закружилась голова; это головокружение, однако, было приятным, чем-то напоминавшим ощущение после бокала хорошего сухого шампанского; тщательно затушил папиросу—курил до картона, жадно; только после этого открыл папку.

Первое, что он увидел, было его заявление Лозовскому; прочитал записочку, приколотую к нему: «Дорогой Матвей Федорович, если мне не изменят память, автор заявления достаточно серьезно работал—если, конечно, это тот самый Юстас, кем он себя рекомендует; органы, убежден, разберутся в этом. Его отец, Владимир, знаком мне по эмиграции. Хоть он и был меньшевиком, но никогда не занимал враждебных по отношению к нам позиций. Он отошел от меньшевизма без какого бы то ни было давления, поняв бесперспективность идейной борьбы, и погиб от белогвардейской пули вместе с комиссаром Шелехесом... Был бы признателен, взгляды Вы личное дело Юстаса: если он действительно честно выполнял свой служебный долг, находясь за кордоном, нельзя ли подумать о списании? Лозовский».

— Кто такой Матвей Федорович? — спросил Исаев.

— Совесть партии, — торжественно объявил Аркадий Аркадьевич. — Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Федорович Шкирятов...

— Ну и каково мнение Матвея Федоровича?

— Разбирается... А теперь переверните страницу...

Сначала Исаев увидел большие красные буквы: «радиограмма»; ниже было что-то написано от руки, видимо, время отправления и приема, чьи-то резолюции, но он пропустил все это, потому что понял: весточка от Сани!

«Дорогой папа, как я счастлив, что ты дома! Мне не верили, что я ушел в Пльзень искать тебя! Теперь мое дело отправили на переследствие. Приговор отменен. Но я в госпитале. Не волнуйся, это бронхит. Через месяц сюда начнут летать «дугласы», меня обещали вывезти в Москву с первым же. Целуй маму, жду встречи, Саня».

— Где он? — спросил Исаев, откашлявшись.

— За Магаданом... Почтовый ящик семнадцать сто сорок четыре...

Исаев перевернул еще одну страницу; текст был очень короткий: «Гавриилу А. Н. из-под стражи освободить, отобраз подписку о невыезде вплоть до суда над Гелиовичем Я. П., где она обязана дать свидетельские показания».

Генерал-майор А. Иванов».

Исаев потер веки, судорожно вздохнув:

— Где она?

— Мне удалось договориться с руководством, — по-прежнему медленно, с плохо скрываемым раздражением ответил Аркадий Аркадьевич, — что ей позволить поехать на курорт... Она ж совершенно измучилась

за это время... Тюрьма не санаторий, что и говорить... Постарайтесь понять следователь: в стране разруха, половина России в руинах, и если перед ними сидит человек, хранивший книжонки Троцкого, Бухарина и Джона Рида, — вместе с долларами, — состояние их делается накальным, скажем прямо. Мы жестоко наказываем за это, но ведь люди есть люди... Завтра поедем провожать вашу... Сашеньку... на Курский вокзал... Вам уже подогнали полковничью форму, орденские планки, так что предстанете перед нею во всей красе. А потом — на дачу. Придется переодеться в штатское — Валленберга мы тоже поселяем там, начнете работать над сценарием.

— Через месяц, — ответил Исаев, — как только провозу на курорт сына.

— Давайте вернемся к вопросу о сроках после того, как уйдет поезд в Симферополь, — Аркадий Аркадьевич наконец улыбнулся. — С лагерным госпиталем попробуем связаться по радиотелефону. Это вас устраивает?

Не дожидаясь ответа, поднялся из-за стола и, снова показав глазами на отдушники, закончил:

— С вокзала зайдём отпраздновать освобождение матери вашего сына в ресторан «Москва» и выпьем по рюмке. Напишите, кстати, пару строк Лозовскому — поблагодарите за хлопоты. А потом возвращайтесь в камеру и хорошенько подумайте над нашим разговором...

(Письмо Лозовскому подшили к делу, которое уже вели на заместителя министра иностранных дел, — будет арестован вместе с членами Еврейского антифашистского комитета).

...В камере, продолжив с Валленбергом дискуссию о жизни римских цезарей (как выяснилось, они эту книгу тоже знали чуть ли не постранично), Исаев, расхаживая под «намордником», внезапно замер, потом подбежал к параше, согнулся над нею, изобразив внезапный приступ рвоты, незаметно достал обломок грифеля из-под языка, сунул его в карман и вернулся «под глазок», чтобы надзиратели не ворвались в камеру с обыском.

Валленберг, заметив странность в поведении сокамерника, подыграл:

— Тошнит? В солнечном сплетении нет боли? В левую руку не отдает?

Исаев, потирая грудь, хмуро поинтересовался:

— Хоронили кого из друзей, почивших от разрыва сердца?

— Старшего дядю, — ответил Валленберг. — Кстати, замечьте; от этой болезни не умирал ни один деспот, император или тиран... Даже Моисей, скончавшийся на сто двадцатом году, сдаётся мне, просто-напросто решил уйти в райские кущи: поближе к богу, подальше от суеты людской. Надоел ему шумливый народ. Все же от гомона устают больше, чем от могильной тишины вроде этой.

— Не успокаивайте себя, — сказал Исаев. — Вы произнесли этот пассаж для себя, вам ведь не больше пятидесяти, вам нужны люди, общество, общение...

151

— Мне тридцать пять,—Валленберг покачал головой.—И я стал очень бояться людей.

Исаев поразился:

— Тридцать пять? М-да... Эко вас жизнь покорежила...

— Знаете, я только в течение первого года ярился, даже хотел голову разmozжить о стену, но потом задумался: а если страдание угодно? Если это мой взнос в очищение человечества от скверны? Если бы я сломался, стал здесь нечестным, принял те гнусные условия, которые мне навязывал следов...

Исаев резко перебил:

— Мы же уговорились! Ни вы, ни я не говорим о наших делах!

Сев на койку, он откинулся, упершись выпирающими лопатками в мягкую шершавость войлока, стало закрыть глаза и сказал себе: «Этот Аркадий ведет игру, которую я не могу понять... По логике вещей, он сегодня должен был задать вопрос... В конце беседы, уже после того, как ошеломил своими новостями: «Зачем вы начали свое общение с Валленбергом по-русски? Это же неминуемо посеяло в нем недоверие к вам! Вы намеренно хотели заставить его затаиться? Чтобы потом могли сказать: «Банкир отведет меня на процессе как русского!» Почему вы запретили ему исповедоваться? Он жаждет разговора о своем деле! Он со всеми говорил об этом! Почему вы не произнесли ни единого немецкого слова? Почему даже Библию вы переводили с листа на английский? Хотите переложить ответственность на Валленберга, когда он отведет вас на процессе как русского агента, так, что ли?»

...Ночью в то время, когда надзиратель в очередной раз кричал о сдаче и приеме постов по охране врагов народа, Исаев сыграл резкое вскидывание с койки, — «разбудили слишком громкие голоса»; снова лег, закинул руки за голову, хрустко потянулся.

Потом поднялся, подошел к койке Валленберга, взял Библию, неловко толкнув при этом банкира; тот дернулся и открыл глаза, в которых был ужас.

Исаев прошептал:

— Извините, пожалуйста... Не спится... Я возьму по под черкивать, ладно? Мой ноготь вы отличите—буду работать безмянным пальцем.

— Старый конспиратор,—сонно улыбнулся Валленберг, и в глазах его уже не было ужаса, а какая-то ищущая, в чем-то даже детская доброжелательность...

Исаев стал у двери, под лампой, и начал читать «Песнь песней»; он слышал—потому что чувствовал, — как возле глазка сопяще стоял надзиратель; пусть себе, подумал Исаев.

...Через десять минут, когда охранник осторожно прикрыл смотровое оконце, Исаев достал из кармана кусок грифеля и начал быстро писать на заглавном листе Библии...

...Через полчаса Валленберг прочел: «Потребуйте вызова матери, адвоката из Стокгольма и местного дипломата. Если встречу ладут, соглашайтесь на процесс: да, вел п е

реговоры с Эйхманом во имя спасения несчастных от истребления в концлагерях. Агентом же гестапо, а тем более Эйхмана, даже фиктивным, чтобы облегчить переговоры, — не был. Это провокация нацистов, которые загода хотели поссорить мою страну с Советским Союзом.

Во время свидания с адвокатом, мамой и дипломатом из вашего посольства поставьте ультиматум: если я стану нести на процессе околесницу и клеветать на себя, потребуйте проведения экспертизы на месте, в зале суда,—по поводу инъекций... Следы на теле останутся, меня кололи, я знаю... Я буду выступать свидетелем обвинения, как штандартенфюрер СС Макс фон Штирлиц. Факт секретных переговоров признаю. Потребую от вас ответить на мои вопросы. Если пойму, что вы несете чушь, заявлю суду, что у меня другая фамилия, должность и национальность... Подойдите к параше и, разжевав, съешьте страницу... Согласитесь на процесс только в том случае, если я попрошу вас об этом, один на один, и не в камере, а на прогулке в лесу. Затем подтвердите это третьему человеку, генералу, который обеспечит вам встречу с мамой и другими шведами».

Валленберг рывком поднялся; Исаев замер; в тюрьме резкие движения подозрительны. Если надзиратель у окошка, может ворваться; нет, ответил он себе, сначала он побегит к тому, кто хранит ключи; все, тем не менее, обошлось: Валленберг разжевал бумагу, с трудом проглотил ее, вернулся на койку и, по-детски подложив руки под щеку, посмотрел на Исаева с невыразимой тоской и какой-то юношеской благодарностью: в глазах у него стояли слезы; одна скатилась по небритой щеке—медленно, как последняя капля внезапного весеннего дождя...

Исаев не отрывал глаз от Валленберга, а вспоминал писателя Никандрова, с которым сидел в двадцать первом в тесной камере таллинской тюрьмы; он вспоминал горестные слова Никандрова и свои — беспрекословные — возражения ему; как же я был тогда жесток в своей позиции, подумал он, как неперерекаем... Впрочем, я готов подписаться под каждым моим словом, но только тем, двадцать первым годом, прекрасным годом, когда никто не мог представить себе, что произойдет в стране девять лет спустя...

А он ответил, что потерять константу духа и морали, которым служит истинная русская литература, можно только однажды... «А вы, — сказал он мне, чекисту, который не скрывал от него правды, потому что верил ему, — хотите втянуть литературу в драку! Впрочем, вас можно понять... Вам нужно выполнить чудовищно трудную задачу, вы ищите помощь где угодно... Вы готовы даже от литературы требовать чисто агитационной работы, да будет ли прок?»

...Сашенька, сказал он себе, сынок, любимые, простите меня. По моей вине вы оказались в жерновах. Я не верю ни единому слову этого Аркадия. Я понимаю, как они испугались после того, как я в м а з а л Деканозову; страх не прощают, за унижение страхом мстят. И не просто, а кровью.

нОНИМАЯ, что ситуация в Политбюро продолжает оставаться зыбкой из-за открытого благоволения Старого Демона к Вознесенскому, маршал постоянно строил комбинации, которые бы укрепили его позиции. То, что он успел—после краха Жукова еще—подкинуть Старцу на «друзей» по Политбюро, постепенно, подспудно, медленно зрело в уме Кобы.

Вопрос с Молотовым решен—дело времени; после предстоящего ареста членов Еврейского антифашистского комитета жеву министра иностранных дел посадят—вражина; Ворошилов скомпрометировал себя во время войны, эпоха конницы кончилась, Тухачевский был прав, все сталинские фавориты—Клим, Буденный и Кулик не смогли противостоять немцам, бежали, фронт трещал. Каганович—не в счет; Шверник хорошо зарекомендовал себя в качестве судьи на первых пробных процессах против меньшевиков и технических интеллигентов, но не тянет на самостоятельность; Андреев—списанная фигура, Хрущев—мужик, у Микояна сидели дети, Булганин пойдет за тем, кто сильнее.

Только Егор Маленков, которого я вернул в Москву, я, и никто другой, понял раз и навсегда, что без меня он—ничто.

Конечно, поскольку безумный Старец заблудился, где родился, считает себя квасным русским патриотом, я не смогу—формально во всяком случае—претендовать на первую роль; фамилию не меняю, горжусь, что мегрел; Егор—первый, я—за ним; еще посмотрим, кто сильнее: Фуше или Талейран? А Егор вовсе не Талейран, а если и Талейран, то карманный.

Жизнь приучила Берия к тому, что мелочей не существует; именно поэтому информация об Исаеве, чье имя раньше, до лического сообщения Декабризова и Комурова, помнил зыбка (Лео Треппера и Шандора Радо знал, руководители «Красной капеллы», обоих видел во время допросов, легче всего в голове откладывались не фамилии, а лица), а этого Штирлица, который гнал какую-то информацию по поводу бернских переговоров немцев с Даллесом, не представлял себе; потом и вовсе забыл этот псевдоним—готовил встречу в Ялте, обрабатывал документы, не до агентуры, судьбы мира решались...

Но сейчас, когда близилась схватка, когда Старец может выкинуть фортель и отдать портфель главы правительства Вознесенскому, ситуация по-прежнему была неблагоприятной, и если действительно этот Исаев бабахнет книгу о той службе, кото-

рую в ту пору возглавлял он, Берия, его недруги получат в руки козырь, а ведь в Политбюро все его недруги, ибо понимают: ему известно о каждом из них все, абсолютно все, без исключения...

Поэтому, приняв Комурова на даче, как и условились, в воскресенье, пригласил его на прогулку по песчаным дорожкам соснового бора, спускавшегося к реке, где у причалов стояли мощные катера (летом любил смотреть молодых купальщиц, выбери какую постатней—полковник Саркисов через час доставит голубушку к столу: фрукты, вино, коньяк, ванная комната, сладостный момент ожидания любви под крахмальной простыней, потом быстрое прощание: «Вот тебе, лапушка, подарок—облигация пустяшная, всего двести рублей, но чуе мое сердце—на следующем розыгрыше возьмет пять тысяч»; говорил так потому, что брал в Наркомфине «для оперативных целей»).

Комурову верил безоговорочно, поэтому размышлял с ним вслух, словно бы проверяя на генерале логику своих умопостроений:

— Хозяин обожает все подробности о Гитлере, — он вдруг зло усмехнулся. — Еще бы... Так вот этот ваш Исаев, если он действительно общался с Борманом и Шелленбергом, бывал на докладах у Гимmlера, может рассказать много таких деталей, которые Куба проглотит... Однако всей информации сразу отдавать нельзя... Надо дозировать, чтобы разжечь в нем интерес... Я бы подумал, как подбросить Абакумову идею, предварительно повернув к этому вашему Штирлицу, чтобы тот—под запись—сказал: «Но самые важные сведения, имеющие выходы на завтрашний день—Гитлер заложил фугасы впрок,—я расскажу только товарищу Сталину». Понимаешь?

— Товарищ Сталин зека не примет, — убежденно ответил Комуров.

— Так посели его на даче, одень в форму: вернулся Герой, проверка кончилась, он чист, не случился: как такого не показать Иосифу Виссарионовичу?!

— Не очень понимаю смысл комбинации, — признался Комуров. — Что это даст—в связи с Вознесенским? И потом, мы лишаемся его как свидетеля на процессе Валленберга, он наш козырь...

Берия удивился.

— Почему? Его можно переводить на дачный режим хоть завтра. Вместе с Валленбергом. Отпустите жену. Вроде бы отпустите... Придумайте что-нибудь с сыном... Выступит на процессе Валленберга, дадим орден, а дальше—моя забота...

— Лаврентий Павлович, вы не видели этого человека. Случай совершенно особый.

Берия недоумевающе посмотрел на него:

— А что, ты уже не в силах устроить так, чтобы я лично посмотрел на него? Нужна санкция товарища Абакумова? Так попроси! Скажи, мол, Лаврентий Павлович просит вашего разрешения, товарищ министр!

Комуров обиделся:

— Если разрешите—я хоть завтра пристрелю Абакумова в его же кабинете...

— Не разрешу,—усмехнулся Берия.—К сожалению... Если уж и расстреливать—то в камере, после ареста и процесса. Да и надо ли? Дурак в лампадах дорого стоит... Запомни: Сталину сейчас нужно небольшое, но красивое дело против «великорусской автаркии», чтобы потом ударить по его любимым евреям; Израиль мы просрали, время менять ориентиры, нам нужно Средиземное море, нужны арабы, для этого изолируем от общественной жизни собственных евреев—неужели не понятен азбучный строй рассуждений Сталина? Он их ненавидит, но никогда в этом никому не признается; ты ж его знаешь: «Прежде всего интересы русского народа, мы ему служим и должны делать это отменно и впрок»... А народ в деревнях мрет от голода!—Берия резко оборвал себя.—Поэтому с Валленбергом не торопись, дорого яичко ко Христову дню... А главную комбинацию ближайшего будущего я вижу следующим образом: на предстоящей партконференции Питера нужно сделать так, чтобы там произошла какая-то заметная накладка: то ли Сталина мало в речах помнут, империализм ли будут недостаточно громить, не того человека проведут в Бюро—не знаю, это подробности, тебе о них и думать... Информация об этом скандале должна поступить на стол Сталина не от Абакумова... От Маленкова... Егор сам доложит Кобе... Вот тебе и дело против «ленинградского великорусского уклона»; выбешь показания у ленинградцев. Допросы проводи сам—особенно первые. Это ты умеешь—сломятся. От них нужно только одно: да, были связаны с Вознесенским и Кузнецовым, вместе думали о создании русской столицы в Ленинграде или Горьком... Дальше—само покатится... Вот тогда все отдашь Абакумову... И Вознесенский, и Кузнецов станут молчать, что бы с ними ни делали. И это замечательно! Егор доложит Старцу, что Абакумов, видимо, тоже тяготеет к великорусской группе... Сталин поручит следить за ним неотступно: что и требовалось доказать! Принимать его откажется, Витюшка—в кармане! С потрохами... Это—первый этап. Но этого мало... Поскольку Абакумов тряс Кремлевку, поднимал историю болезни Жданова, но в выводов не сделал, возьми у него ордер на арест пары-тройки профессоров—не из Кремлевки, а тех, кого туда приглашали на консультации; пусть те твои идиоты, кого не жаль, начинают их мотать: отчего ставили неверные диагнозы? По чьему указанию? Сколько за это получили? От кого? Пусть работают ласково, дружески, без крови. А ты доложи Абакумову, что, мол, вражины молчат. Но это—лишь когда я дам тебе сигнал... Старцу очень нужен очередной спектакль,—повторил Берия.—С кровушкой... Вознесенский в четверг докла-

дывал на ПБ: экономника трещит трагически, либо мы поможем сельскому хозяйству и вложим хоть какие-то средства в легкую промышленность, пособим группе «Б», либо возможны необратимые социальные диспропорции... Старец его спросил: «А если помогут наши пропагандисты? Уговорят народ потерпеть еще чуток? Назовут имена тех, кто мешает нам в работе? Объяснят, кто виноват в недостатке жилья, одежды, обуви? Мы не можем перекачивать средства из обороны на ботинки. Мы не можем заморозить группу «А» во имя «Б». Я лично довольствуюсь одной парой башмаков, почему другим надо больше?» А Вознесенский ответил, что, мол, это гомеопатия, а в создавшейся ситуации нужен скальпель... Сталин тогда спросил: «Беретесь быть хирургом?» А тот ответил: «Если поручите, дав полномочия,—возьмусь...» И Сталин улыбнулся: «А что, возраст у вас хороший, сорок пять, я в ваши годы уже был генсеком...». Ты понимаешь, что мы стоим на краю обрыва? Понимаешь, что выживший из ума деспот алчет крови? В ней—его спасение! Вот так-то... А уж когда наша команда доложит Егору, что и по евреям в хозяйстве у Абакумова шло раскачай ногу, арестованные профессора молчали, вот тогда и понадобится Валленберг... Цепь замкнется: гестапо—великорусская оппозиция—евреи—американская спецслужба...

Комуров остановился:

— Гениальная комбинация, Лаврентий Павлович! Просто-напросто гениальная! Ваше имя занесут на скрижалю!

— Ах Богдан, Богдан...—Берия вздохнул.—Порою меня потрясает твоя наивность. Как ребенок, право! Да разве я разрешу себе мараться в таком процессе? Это ж позор империи! От этого страну придется отмывать! Вот я ее губкой и отмою. Я. Никто другой. Запомни это.

...За обедом, испуганно извинившись, Комуров, зримо превозмогая себя, спросил:

— Лаврентий Павлович, но все же сориентируйте меня, дурака: зачем тогда нам этот Исаев?

Берия недоумевающе глянул на Комурова:

— Кто?

— Исаев-Штирлиц...

Берия не рассердился, ответил тихо и очень грустно:

— Политик, который ставит на успех лишь одной комбинации,—не политик, а недоумок... Взяв у Штирлица информацию о Гитлере, заинтриговав—через Абакумова—Хозяина, получив собственноручно санкцию Сталина на расстрел бабы этого самого Штирлица и его полоумного сына как шпионов и террористов—это тоже все на Абакумове, запомни,—видимо, я сам встречусь с Исаевым. Пусть его Владимирский готовит к этому загодя. Бородку приклею, усы нарисую.—Берия вздохнул,—я гримироваться научился еще в Баку, тряхну старинной. Если ваш Штирлиц—особый случай и если он узнает, что...

Берия резко оборвал фразу; даже себе нельзя в чем-то признаваться, а уж друзьям тем более...

...Посмотри со стороны, как дружески беседуют в ресторане «Москва» седой щеголеватый полковник с орденскими колодками (щеки запали, лицо в рубленых морщинах, видно, недавно из госпитала) и краснолицый веселый крепыш в поношенном костюмчике, глядящий влюбленными, сияющими глазами на своего военного товарища!

Исаев и Иванов, они же Штирлиц и Аркадий Аркадьевич, они же Юстас и генерал; на самом же деле — зек Владимир и полковник МГБ Владимирский; преследуемый и преследователь.

Аркадий Аркадьевич что-то говорил, весело смеялся, но Исаев сейчас не слушал его, вспоминая Сашеньку, ее сияющее лицо: «Нашего Санечку тоже привезли в Сочи? Ты запомнил: моя палата—тринадцатая?! Я люблю эту цифру! Ты напишешь мне? Я буду сочинять тебе письма в стихах, любовь!» — и уже за минуту перед тем, как поезд тронулся, трагичное и беспомощное: «Максимушка, поверь, доктор Гелиович ни в чем не виноват, это какая-то непонятная, недостойная интрига... Если сочтешь возможным, пожалуйста, помоги... Почему ты не хочешь взять ключи от дома? Я понимаю, у тебя теперь своя квартира, но, может быть, Санечку привезут раньше, он сразу пойдет на Фрунзенскую...»

Исаев резко потер лоб, выступили краснобагровые полосы; чуть поднял правую руку, словно бы прося слова.

Аркадий Аркадьевич еще ближе придвинулся к нему:

— Что, товарищ полковник?

— Этот доктор... Гелиович... Там можно что-то поправить?

— Я разрешу вам присутствовать на беседе с ним. И самому задавать вопросы. От вас будет зависеть, как поступить.

...Исаев помнил их разговор с Аркадием Аркадьевичем (как только они ушли с перрона Курского вокзала) практически дословно; он попросил, чтобы в ресторан поехали на метро: «Я ведь ни разу в жизни не видел этого чуда». — «На метро так на метро». — Иванов согласился легко, чувствовал себя иначе, чем в кабинете, и совсем не так, как во время первого выезда в город.

Заговорил Иванов не в вагоне; во-первых, Исаев заворуженно смотрел на станции, людей, нежно улыбался шумным детишкам (кадык елозил, но глаза оставались сухими), а во-вторых, ждал одиночества, которое и наступило, когда они вышли на станции «Охотный ряд».

— Отвечаю на ваш давешний вопрос о том, с кем я,—по-прежнему весело улыбаясь, но явно эту улыбку играя, начал Аркадий Аркадьевич, чуть понизив голос.— Раньше не мог, служба наверняка смотрит за вами, взаимная перепроверка, особенно в метро, так бежать легче, толпа, пневматические двери... Итак, я считаю Сергея Сергеевича и прочих—кроме Рата, он талантливый опер, — подонками, которые компрометируют высокое звание чекиста. Они пришли в аппарат недавно, вместе с новым министром Абакумовым. Почему с этого поста оттерли Лаврентия Павловича? Потому что он сохранил Родине маршала

152
153

Рокоссовского и маршала Мерецкова — обоих должны были расстрелять, пытали в подвалах, подвергали чудовишным мучениям... Они не падали в обморок, — вдару ожесточившись, заметил Аркадий Аркадьевич,—от того, что сидели недвижно на стуле! Их били металлическими прутьями, ясно?! Берия сохранил Родине авиаконструктора Туполева, министра Ванникова, который потом снабжал фронт «катюшами»... Он реабилитировал десятки тысяч ленинцев—практически всех, кого не успел расстрелять мерзавец Ежов... Думаете,—не питай я к вам уважение за ваши подвиги и не доложи Берия,—вас бы не истязали?! Еще как бы истязали... Словом, ситуация не простая... Попытка отодвинуть товарища Берия от непосредственного руководства органами произошла под воздействием чьих-то темных сил. Чьих? Не знаю. Но намерен узнать. Я не один в этом желании. То, что я вам сейчас сказал,—основание для моего расстрела без суда и следствия. Если хотите помочь мне... нам... свалить мерзавцев—включайтесь в работу... Да, да, сидя на даче или в камере—если я решу, что так угодно нашей борьбе... Если вздумаете играть на этом моем признании — вас убьют вместе со мной. Точка!—преврал он себя.—Все, забыли! Говорим о меню, вине и женщинам... И еще о фюрере... Меня очень интересуют взаимоотношения Гитлера с его окружением в начале их движения; честно говоря, национал-социализм, его рождение и развитие мы проглядели. Информации — серьезной и объективной, если хотите, бесстрашной—у нас практически не было. Стол в ресторане, скорее всего, оборудован, поэтому информацию дозируйте... И засадите фразочку: «О каких-то эпизодах—Гитлер заложил фугасы под будущее—я доложу только товарищу Сталину... Лично...»

— Скажите,—задумчиво спросил тогда Исаев, словно бы не услышав его, — а если бы товарищ Берия приехал в Москву в тридцать пятом году, процесса Каменева не было бы? Каменева с Зиновьевым не расстреляли бы?

Аркадий Аркадьевич долго молчал, улыбка с лица сошла:

— На это я ответить не в силах... И не потому, что боюсь. Просто—не знаю. Я, честно говоря, вопросы о прошлом себе не ставлю... Думаю о будущем, чтобы не повторился, упаси господь, тридцать седьмой...

— Спасибо за честность,—ответил Исаев.— Переходим к меню, вину и женщинам...

— Слушайте, Всеволод Владимирович,—покончив с солянкой, спросил Иванов,— а вы когда-нибудь фюрера вблизи видели?

— Что значит «видел»? На съездах партии, на приемах, в Байрейте—во время вагнеровских фестивалей,—много раз... Лично у него на докладе не был. Но ведь служба составляла каждый день материал: о том, кто его посетил, о чем шла речь, реакцию Гитлера на тех, кто был удостоен аудиенции, слежка за этими людьми... Так что кое-какую информацию о нем в здании на Приицальерхтштрассе при желании можно было получить...

— Эти материалы докладывали Гитлеру?

— Судя по тому, что обрабатывали их на нормальной машинке,—нет... Только то, что печаталось на «Ундервуде» с большими литерами, шло к нему тут же, с фельд-егерем...

— А кто получал материалы с нормальным шрифтом? Гиммлер?

— Конечно.

— А еще?

— Гесс, «брат фюрера», их не получал... Он вообще не жаловал службу, всегда подчеркивал, что государством арийцев правят не штурмовики или военные, но рабочий класс и бауэры...

— Кто?—Аркадий Аркадьевич не понял.—Сторонники Бауэра?

— Вы имеете в виду социал-демократа Бауэра?—Исаев не считал нужным скрыть усмешку.—Все социал-демократы, кто не успел сбежать, сидели в концлагерях, они ни разу не пошли на компромисс с нацистами... «Бауэр»—это «крестьянин»...

— А Борман?—спросил Иванов, пропустив замечание Исаева о социал-демократии.—Ему такие материалы отправлялись?

— Не думаю... Он бы обернул это против Гиммлера: «Фюрер, за вами следят»...

Аркадий Аркадьевич хохотнул:

— И назавтра бедолагу в пенсне шлепнули бы в подвале...

Исаев покачал головой:

— У нас неверное представление о партийном механизме рейха... Вы знаете, кто был самым сильным противником фюрера?

— Как это «кто»? Коммунисты...

— И социал-демократы. Не сбрасывайте их со счетов,—повторил Исаев.—Думаю, что в обозримом будущем именно они станут ведущей силой на Западе... Впрочем, это одна из тех тем, которые я готов изложить лишь товарищу Сталину, боюсь, другие меня не смогут понять из-за въевшихся стереотипов... Но я не об этом,—заметив восторженную улыбку Аркадия Аркадьевича, Исаев молча кивнул, подчеркивая этим, что он выполнил просьбу «генерала Иванова».—Я имею в виду другое... В двадцатых годах самым грозным противником фюрера был Геббельс...

— Тот самый?—искренне поразился Аркадий Аркадьевич.

— Именно... А гауляйтера Коха помните? Руководителя областной парторганизации в Кенигсберге?

— Не просто помню... Мы с ним работали—вместе с поляками... Молчит, сволочь...

— А вы знаете, что именно этот «друг фюрера» в двадцатых годах бросил лозунг: «В нашей рабочей партии решает большинство, а не папа! Долой партийных императоров, да здравствует национальная революция социалистов!» А кто его поддержал? Геббельс. Это было, если мне не изменяет память, в конце двадцать пятого... Так вот, он тогда прямо-таки заорал во время совещания, созванного истинным создателем партии Грегором Штрассером: «Я предлагаю исключить из рядов национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера как мелкого буржуа, пробравшегося в наши ряды! Мы—партия рабочего класса и трудового крестьянства! Мы не вправе тер-

петь в своих рядах ни социал-демократических, ни буржуазных элементов!»

Аркадий Аркадьевич слушал заворуженно, даже папироску не решился закурить, хотя Исаев видел, как рука его то и дело тянулась к открытой пачке «Герцоговины Флор»...

— Да вы курите,—сказал он.—И я закурю, если разрешите...

— Бога ради, Всеволод Владимирович! Водочки не хотите? Рюмашку?

— Обвалюсь... Тащить придется... На ваших харчах человек только что не умирает... И язык начнет заплетаться... Давайте выпьем, когда я переберусь на свою квартиру.

— Тоже верно,—согласился Аркадий Аркадьевич,—я водку ненавижу, а пить приходится, особенно на приемах—дело есть дело... Ну, и что потом?

— А через полгода Геббельс переметнулся к Гитлеру: тот посулил ему пост гауляйтера всех парторганизаций Берлина... И судьба Штрассера была решена...

— Погодите, погодите, тут что-то не сходится,—возразил Аркадий Аркадьевич.—Штрассера расстреляли в июле тридцать четвертого года, а вы говорите про двадцатые...

— Все сходится.—Исаев вздохнул.—Гитлер планировал комбинации против тех, кого считал недругами, не на год вперед, а на десятилетия... Думаете, он перед гибелью не заложил фугасы под будущее? Думаете, он ушел просто так, завещав лишь бить евреев? Не-ет, Аркадий Аркадьевич! Его фугасы так страшны, так изощренны, что и представить себе трудно...

— Какие именно?

— И это я готов открыть Иосифу Виссарионовичу. Только ему. После моей реабилитации... Никому другому, кроме товарища Сталина...

Иванов удовлетворенно кивнул, изумленно подумав при этом: «Ну и работа, ну и профессионал!»

...На этот раз в здание МГБ они вошли через подъезд; Иванов показал удостоверение, бросив охране:

— Товарищ со мной, на него есть пропуск.

Когда вошли в его кабинет, со стульев поднялись три человека: двое были в форме, а один, сутулый, седой, лохматый—без пояса; губы синие, глаза запавшие, но живые, мочки ушей оттянуты, увеличены—значит, болен.

— Это Геллович,—пояснил Иванов.— Тот самый... Можете допросить его.

— Я бы хотел поговорить с ним один на один.

Иванов внимательно посмотрел на тех двоих, что стояли рядом с доктором, что-то, видимо, понял—то, чего Исаев понять не смог, и поинтересовался:

— В гестапо такую просьбу, учитывая специфику нынешней ситуации, удовлетворили бы?

— Нет,—ответил Исаев.

Иванов кивнул; обратился к военным (капитан и подполковник):

— Ну что? Пойдем походом?

Когда дверь за ними закрылась, Исаев спросил:

AB
154

— Вы знаете, кто я?
— Вы очень похожи на Сашенькиного мужа. Там много ваших фотографий. Все, правда, размножены с одной.

— Где это «там»?
— У Сашеньки. На Фрунзенской...
— Как вас зовут?
— Яков Павлович.
— В чем обвиняют?
— В шпионаже и антисоветской пропаганде.

— В пользу кого шпионили?
— Я не шпионил... Эти доллары остались в наследство от моего дяди... Его брат уехал в Америку перед революцией... А когда ввели Торгсин, он перевел доллары, тогда разрешалось...

— С вашими доводами согласились?
— Да.
— Значит, обвинение в шпионаже отпало?

— Да.
— Вы действительно занимались антисоветской пропагандой?

— Да...
— В чем это выражалось?
— Я хранил и давал читать другим книги врагов народа.

— Кого именно?
— Троцкого и Бухарина. Будь проклят тот день, когда я получил эти книги...

— От кого вы их получили?
— От профессора Шимеловича.
— Кто это?

— Главврач Боткинской больницы.
— Почему он их вам дал?
— Потому что мы с ним очень дружили.

— В книгах есть призывы к антисоветским действиям?

— Я... Почему вы говорите так? Зачем? Не надо, пожалуйста! Я же признался во всем... Пошадите меня, я же хотел Сашеньке только добра! Она бы погибла иначе. — Гелиович заплакал. — Если бы вы только видели ее в сорок шестом! Если бы видели... Она никогда не любила меня... Я был вашей тенью... Она всегда любила только вас...
— Вас пытали?

Гелиович в ужасе откинулся на спинку стула:

— Что?! Зачем?! Почему вы так говорите?! Я не хочу!

— Как я говорю? Я просто спрашиваю: вас пытали?

— Нет. Со мной... Меня не пытали... Наши органы никого не пытаются...

— Тогда отчего вы признались в том, чего не было?

— Было! — истерично закричал Гелиович. — Я во всем признался! Было!

— Ни в «Азбуке коммунизма» Бухарина, ни в книге Троцкого «Октябрь», которые вы хранили, нет антисоветской пропаганды. Один автор — член Политбюро и наркомвоенмор, другой — редактор «Правды» и член ЦК, чушь какая-то...

— А я категорически повторяю, что меня никто не бил! — снова закричал Гелиович.

— Я говорю с вами, как друг, доктор. Я... Я благодарен вам за Сашеньку. И я

хочу вам помочь. Вы говорите, что вас не пытали... И что вы сами признались в антисоветской деятельности... Вы знали, что идете на преступление, спрятав у себя книги Троцкого и Бухарина?

— Все советские люди знают, что это преступление. Значит, и я должен был знать.

— Почему вы зашили эти книги в матрац моего сына... Почему вы так тщательно прятали литературу, изданную в Советском Союзе?

— Что вам от меня надо? — прошептал Гелиович. — Ну что, объясните?! Я никогда не откажусь от признания, которое карается восемью годами! И ни днем больше!

— Вас сломали, — сказал Исаев. — Вы просто бонтесь мне открыть правду, потому что знаете: нас здесь подслушивают... Закатайте рукава! Быстро!

Исаев подскочил к нему, думая, что именно сейчас-то в кабинет ворвутся; никто, однако, не ворвался. Руки Гелиовича не были исколоты; человек в своем уме, воля не парализована. А если кололи в ноги? Нет, его не кололи... Судя по тому,

как он вскинул кисти, чтобы закрыть лицо, когда я бросился к нему, его просто били... Человек идеи обязан выдерживать все, а этот несчастный, которому пообещали сохранить жизнь, подписал с ними договор на верность... А Иван Никитич Смирнов, спросил себя Исаев; член Реввоенсовета, большевик с девятьсот первого года? Почему он все признал на процессе Каменева? Испугался побоев? Не верю. Наклололи черт-те чем? Тоже не верю, какие-никакие, но ведь зрители были в зале суда, они бы заметили психическое нездоровье подсудимого?! Лион Фейхтвангер писал в своей книге «Москва, 1937», что Пятаков, Радек и Сокольников вели себя как совершенно нормальные люди, порою даже шутили, переговаривались друг с другом, отрицали пытки, хотя могли прокричать об этом... Ведь Радек лично знал Фейхтвангера, сказал бы ему по-немецки, все б полетело в тартарары и сделалось очевидным: спектакль, термидор, антиленинский путч!

Почему не прокричал? Ладно, сломали, не знаю еще как, но их сломали... А люди?! Зрители?! Если завтра на скамью подсудимых выведут Клима Ворошилова и тот начнет признаваться, что был гестаповским диверсантом, этому тоже поверят?!

Исаев ужаснулся этому вопросу, потому что растерялся, не зная, что себе ответить. Если поверят, тогда стоит ли вообще жить? Во имя чего? Значит, над народом тяготет трагический рок; такова наша судьба. Нет, возразил он себе с какой-то испугавшей его настроенностью, просто мы единственное государство, которое на протяжении веков было лишено самого понятия «Закон» и права на Слово.

— Если бы вы признались, что вас пытали, — устало сказал Исаев, подойдя к окну, — честное слово, мне было бы легче помочь вам...

И вдруг Гелиович рассмеялся:

— Да? Это как же? Предали б суду моих палачей?

Не оборачиваясь, Исаев ответил:

— Попробовал бы во всяком случае... Я ведь такой же зек, как и вы...

Гелиович поднялся...

— Отойдите-ка от окна, разрешите мне все кончить разом...

— Здесь непробиваемые стекла, пластик,— ответил Исаев. — Только шишку набьете.

— Помогите! — вдруг истошно закричал Гелиович. — Товарищ капитан, спасите! Помогите! Я больше не мо-о-о-гу!

Никто не вбежал в кабинет, было так тихо, что ломило в ушах.

— Простите, — сказал Исаев, отошел от окна и сел на стул рядом с Гелиовичем. — Я не скажу больше ни единого слова.

Простите...

И он опустил руки между ног точно так, как Гелиович; фигура отчаяния, кто только ее изваял?

...Когда Исаева вывели из кабинета, Володимирский, он же генерал Иванов, он же Аркадий Аркадьевич, обнял «Гелиовича»:

— Спасибо, Шурка!.. Ты сыграл гениально! Поезжай на Рижское море, — он протянул ему пачку купюр, — и отдыхай как следует... В клинику мы позвоним, мол, служебная командировка... Готовься к новому делу, брат... Громчайшее дело, такого еще у нас с тобой не было...

зал, что Максим Максимович просил встретить у вагона: «С автобусами мучение, очереди, а я вас емиг домчу».

В санатории ее встретила сестра в халатике, накрахмаленном до голубизны: померила давление, покачала головой: «Маловато, товарищ Гаврялина, размещайтесь, ваш муж попросил устроить для вас отдельную палату. Вообще-то у нас живут по два-три человека, но его просьба для нас — честь. И сразу пойдём к доктору».

Сашенька вошла в маленькую комнатку, открыла дверь на балкон и увидела зеркальную гладь моря, солнце было совершенно белым, окруженным желто-красным ореолом; жестяно, как-то игрушечно шелестела листва пальм.

Сашенька опустила в плетеное креслице и сразу вспомнила строки: «Я тело в кресло уроню, я свет руками заслоню и буду плакать долго-долго, припоминая вечера, когда не мучило «вчера» и не томил цепи долга»...

Она сняла жакетик, подумав, что сейчас ляжет спать и не проснется до завтрашнего утра, а когда проснется, будет новый день, она сядет к столу и напишет огромное письмо — сначала Максимушке, потом Санечке...

В дверь постучали:

— Открыто, — тихонько откликнулась она: в тюрьме соседки приучили ее к тишине. Боже, какие страшные женщины, меня нарочно посадили к этим проституткам и бандитским наводчицам, я ведь была готова на все, только б перевели к интеллигентным людям...

Вошла давешняя сестра и с прежней доброй, сострадающей улыбкой пригласила ее на осмотр...

В СОЧИ Сашеньку встретил разбитной парень, подхватил ее фибровый чемоданчик, ска-

Вид доктора поразил Сашеньку: поришельевски закрученные усы, борода, грива седых волос, ниспадающих на плечи, и пенсне, болтающееся на черном шнурке.

— Наслышан, наслышан, — скаля чуть выпирающие желто-прокуренные зубы, быстро заговорил он. — Вопросов не задаю, приучили пациенты... Но, голубушка, что это у вас за давление? Десяносто на шестьдесят! Я вас просто выпишу из санатория с таким давлением, — довольно расхохотался врач. — Помрете вы, а отвечать за вас кому? Мне, старому дураку Евгению Витальевичу Рыбкину, честь имею...

— Как замечательно вы говорите, — Сашенька сидела по-тюремному, заложив руки за спину, — совершенно забытый русский... Так говорил мой отец...

— Жив-здоров? Или почил?

— Не знаю... Мы потеряли друг друга во время гражданской.

(О том, что отец ее эмигрировал в Америку, не знал никто, кроме Максимушки. Раньше это было не так страшно, а сейчас...)

— Ну-с, давайте я сам померю давление, а потом послушаю вас... С легкими все в порядке? Туберкулеза не было?

— Нет. Так мне, во всяком случае, кажется.

Послушав Сашеньку, Евгений Витальевич сокрушенно покачал головой:

— Вы кто по профессии, голубушка?

— Учитель.

— Историк?

— Нет, литератор. Почему вы решили, что я историк?

Евгений Витальевич надел на нос пенсне, глаза стали сразу же ными, жесткими, ответил с ухмылкой:

— Самый трудный предмет. Особенно история нашего государства. Не правда точит... Ладно... Сие — российское горестное теоретизирование, взгляд в нечто... Начнем мы с вами курс лечения вот с чего, голубонька. Массаж с самого раннего утра. Потом полчаса отдыха и нарзанная ванна.

После нее — в кровать. До обеда. Засим спать. Мертвый час. Не менее ста двадцати минут. После мертвого часа возьмем грязь — и в кровать. На этот раз до утра.

— Какое страшное словосочетание «мертвый час», — сказала Сашенька. — Отдых, лечение, санаторий, мертвый час...

— Все претензии к космополитствующим лекарям, — раздраженно ответил доктор. — Притащили из-за границы это определение, совершенно с вами согласен, нелепо и страшновато...

— Евгений Витальевич, получается так, что я и к морю сходить не смогу?

— Голубушка моя, да вы и не дойдете! — Евгений Витальевич чуть повел носом, и пенсне легко соскочило на грудь; глаза снова сделались милыми и чуткою растерянными. — Сначала я вас укреплю, витаминчиками поколю, а потом гуляйте хоть весь день! Кстати, извините, но я обязан вас спросить: что это у вас на спине за шрамы?

Сашенька ответила так, как посоветовал следователь:

— Я была в плену у беляков... На Дальнем Востоке... это следы нагаек...

— Партизанили? — Евгений Витальевич снова надел пенсне.

Сашенька растерялась, к этому вопросу ее не готовили:

— Нет... Так уж случилось...

— Первая женщина, которая не умеет лгать, — сурово заметил доктор. — Поздравляю себя с такого рода открытием... И еще вот что, голубушка... На ночь вам будут давать чернослив и маленькую рюмочку коньяку, я бы не хотел травить вас бромом...

Сашенька покачала головой:

— Я только и мечтаю, как бы отоспать... Мне ни бром не нужен, ни коньяк...

— Тут с врачами не спорят, голубушка... Коньяк придаст вам бодрости, улучшит аппетит...

— Я такая голодная, что готова есть по пять раз в день!

— Простите, вы москвичка?.. Там же хорошее обеспечение... Что, держали диету?

— Да... Хотела вернуть форму... Чуть перестаралась...

...Коньяк, который ей приносили, выливали в рукомойник; через неделю почувствовала себя окрепшей; иногда, правда, вскидывалась ночью и тонко кричала от ужаса: грезилась камера и эти ужасные женщины, которые лезли к ней на нарты. Доктор разрешил прогулки; она уже написала четыре письма Максиму Максимовичу и три Санечке; не отправляла, мечтала сфотографироваться, когда не будет такой страшной.

Портрет получился на удивление хорошим, но, как ей показалось, с ретушью. Когда она сидела, рассматривая свои портретики, в дверь постучали.

— Открыто, — ответила она, думая, что пришла сестричка с витаминами.

На пороге, однако, стоял мужчина в штатском, но с военной выправкой.

— Разрешите, Александра Николаевна? — спросил он. — Не помешал отдыху?

Сердце ее сжало на какое-то мгновение, но сразу же отпустило, потому что мужчина, державший руки за спиной, переступил порог комнаты и протянул ей два роскошных букета:

— Гвоздики — от меня, розы — от Максима Максимовича, от сына — радиogramма...

Она схватила радиogramму: «Дорогая мамочка, примерно через две недели прилечу в Москву. Я тут хворал, бронхит, но меня поставили на ноги. Новый адрес папы знаю. Остановлюсь у него. Отдыхай как следует, родная. Целую, Саня».

Сашенька почувствовала, что расплачется, поднялась:

— Спасибо вам огромное...

И начала приспосабливать вазочки для цветов, незаметно утерев при этом слезы. Это дурно — позволять кому бы то ни было видеть в тебе то, что принадлежит только тебе и никому больше.

— Александра Николаевна, — продолжил между тем мужчина, — я, видимо, огорчу вас, но меня уполномочили сообщить следующее: полковник Исаев срочно вылетел за границу... С заданием правительства Союза ССР... Он очень волнуется за ваше здоровье... У нас есть возможность передавать ваши письма...

— Что?! Значит, он снова исчез?! Надолго?!

Опустив глаза, человек тяжело вздохнул:

— На два года... Поэтому, пожалуйста, напишите как можно больше писем... И ставьте на них разные даты: ноябрь, декабрь, январь... Поимаете?

— Я читала такой рассказ...

— Какой?

— Как умирающий писал письма своему самому близкому человеку, и тот получал их десять лет, уже после смерти того, кто... У меня плохие анализы?

— Как не совестно, Александра Николаевна! Лечащий врач сказал, что вы резко пошли на поправку... Просто когда человек работает за границей, он мучительно волнуется за своих, понимаете? Если мы передадим ему все письма скопом, без дат, он может занервничать — там, среди врагов, быстро учишься трагическому недоверию... По отношению ко всем. Увы, порою даже к своим: мол, не хотят говорить правду о ее здоровье...

— Когда вернется мой сын?

— Я не знаю...

— Вы не читали этого? — она указала глазами на радиogramму.

Посетитель нескрывая удивился:

— Но ведь это адресовано вам! Я не смел читать вашу корреспонденцию.

— Максим Максимович ничего не написал мне перед отъездом?

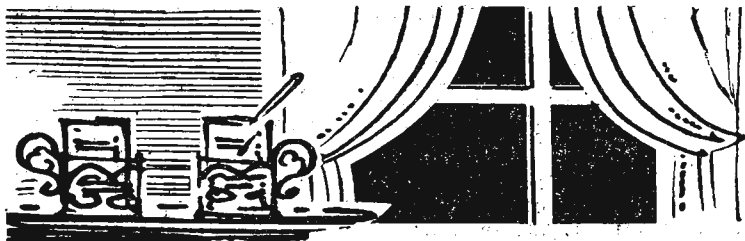
— Его письмо ждет вас в Москве. По законам конспирации это нельзя отправлять по почте. И еще просьба. Не надо называть его в письмах по имени. Он сказал, что вы знаете, как называть его...

Когда Сашенька написала девять писем, приехал тот же штатский. Темнело, луна начала серебрить море.

— Накиньте плащ,—посоветовал он,—я хочу пригласить вас на вокзал.

Она вскочила со стула:

— Приехал Санечка?

КОМУРОВА министр обычно принимал без очереди, прерывая встречи с другими сотрудниками, ибо знал, сколь дружен Богдан с Берией.

Так и сегодня он радушно усадил его за маленький столик, заказал порученцу «липтон» с английскими печеньками «афтер эйт» и, порасспросив о домашних, пригласил слушать своего могущественного подчиненного.

...Абакумов стыдился признаться себе в том, что панически боялся Комурова. Он боялся его не потому, что видел в деле: и на фронтах, когда случалось какое ЧП, и в камерах, где он лично пытал тех, кто отказывался сотрудничать со следствием при написании того или иного сценария для процесса (работал в майке—волосатый, неистовый; воялял потом, и это более всего запомнилось Абакумову: не крики начальника Генерального штаба Мерецкова, которого он истязал в июле сорок первого, а именно едкий запах пота); он боялся Комурова потому, что не мог понять таинственной непоследовательности его поступков и предложений, которые каким-то странным образом оказывались в конце концов верхом логического умопостроения, законченным, абсолютным кругом.

То ли он счастливчик, есть такой сорт людей, которых постоянно хранит бог, то ли в нем была сокрыта какая-то потаенная, неизвестная ему машина, которая умела превратить хаос в порядок.

Это последнее страшило его больше всего, даже больше, чем дружеское покровительство Берии.

Мне Берия тоже покровительствует, размышлял Абакумов, он мою кандидатуру назвал, век не забуду, зато я теперь бываю у генералиссимуса чаще, чем Лаврентий Павлович: кто знает, не придет ли час моего торжества, если я почувствую время, когда на стол Сталина нужно будет положить те материалы, которые, помимо моего приказа, сами по себе приходят в этот дом, ложась пятном на Берию. Тут и думать нечего! А узнай генералиссимус о дедках маршала?! Если б пять-шесть, у кого не бывает—а ведь уж под

На вокзале, однако, сына не было. Ее посадили в «столыпинку» и отправили этапом в Москву. Абакумов получил у Сталина санкцию на приведение в исполнение приговора: «высшая мера социальной защиты», Сталин посмотрел на карандаш,—цвет грифеля был красный.

две сотни подвалило! Девочек-то этих, как блядушек, так и именитых матрон, моя служба проверяет: не болтают ли, нет ли молодых любовников с трипаком или сифилисом, не имеют ли осужденных родственников...

...Комуров достал из папки постановление на расстрел террориста, власовского недобитка и предателя Родины Исаева, готовившего покушение на товарища Сталина, полностью признавшего свою вину, заявившего, что, если выйдет из тюрьмы, все равно уничтожит «тирана, губителя ленинизма».

— Это дело прошло мимо меня,—удивился Абакумов.

— Мимо меня не прошло,—ответил Комуров.—Нужно добро товарища Сталина, чтобы в нас с тобой камнями не кидали.

— А кто же в нас с тобой может кинуть камень?

Комуров вздохнул:

— Товарищ министр, во многия знания многия печали.

— Сколько раз повторять: я для тебя был и остался Виктором! Как не совестно тебе?! Или не гожесть в друзья?

Комуров подвинул ему постановление и ответил:

— Твои враги. Витя,—мои враги. Наши, говоря точнее. За Исаева хлопочет наш с тобой подопечный Соломон Абрамович Лозовский. Это у меня зафиксировано. Документально. Перед Шкирятовым слово замолвил... Понял? А Матвей прислал мне: «Прочитай, поэзия»...

— Где дело?

— У меня... Прикажете передать?

Абакумов понял, что Комуров снова загнал его в угол; просить прислать материалы после резкого перехода на «вы»—значит портить отношения.

— Как только буду у генералиссимуса—подпишу. Справочку только составь красивой, ладно?

— Хорошо, Витя, справку я тебе завтра же подготовлю.

Когда порученец принес «липтон» и печенье, Абакумов сам разлил кипяток, опустил пакетики в стаканы, поинтересовав-

шись, не хочет ли Богдан покрепче: «Два пакетика по эффекту воздействия равны рюмке хорошего вина».

— Какого?—спросил Комуров.—Крепленого? Или кавказского?..

Сейчас что-то попросит, понял Абакумов, постановления ему мало, неспроста он про крепленое спросил, кто-то из моей охраны им стучит, что я мадеру пью, только в их компании нахваливаю всякие там цинандали и мукузаны. Рот вяжет, вода водой, не берет, а государь не дурак был, мадеркой баловался. «Женский коньяк! Пусть называют как хотят, а по мне лучшего вина нет: и сладко на вкус, и пьянит томно...»

— Хорошего вина в бутылках мало,— ответил Абакумов уклончиво.—Вот когда меня грузины угощали зеленым сухим вином прямо из бурдюков—это, я доложу, сказка! Хотя грузинскую «Хванчару» люблю даже в бутылках...

— У нас есть лучшие вина... Скажи, Вятя, тебе о Рюмине ничего не докладывали?

— О Рюмине?—переспросил Абакумов, нахмурившись.—Кто это?

— По Архангельску работал, подполковник...

— А почему должны были докладывать? ЧП? Запросить?

— Не надо. Я прошу твоей санкции, дай его мне, буду готовить к хорошему делу.

— Да пожалуйста,—сразу же согласился Абакумов.—Тут моей санкции не нужно, подпisyвай приказ сам, используй по своему усмотрению.

...Вопрос о Рюмине был задан не случайно: подполковник попал «на подслух», находясь в квартире некоего Шевцова, за которым давно смотрели—крайний шовинист; крепко выпил и сказал: «А ведь в одном бесноватый фюрер был прав: евреев надо уничтожить! Смотрите, кто у нас сейчас ведет главную борьбу против родины? Кто продает страну за иностранные самописки? Евреи! Кто критикует русских писателей и артистов? Еврейские космополиты! Кто клеветает на русских шахтеров в кино? Еврей Луков, под русским псевдонимом прячется, сволочь! Кто завел в тупик нашу экономическую науку? Еврей Варга! Кто клеветает на нашу историю? Евреи. Кто какофонии сочиняет? Еврей Шостакович!»

Кто-то из присутствующих заметил, что Шостакович русский.

Рюмин и Шевцов взъярились: «Нет таких русских фамилий! И уши у него еврейские!»

Поскольку Владимирский разрабатывал Еврейский антифашистский комитет, Комуров сразу прикинул, что такой человек может пригодиться. Однако потом, подумав, решил взять этого Рюмина под свою опеку, надо сначала обкатать, а использовать—лишь тогда, когда наступит черед для коронного дела.

Берия намекнул, что политика Кобы будет однозначной, поскольку экономически русских еще больше зажмут, надо будет обращаться к их патриотизму, подчеркивать исключительность, поставляя «врагов», виновных в трудностях.

— Спасибо, Вятя,—поднимаясь, сказал Комуров.—И за чай спасибо. Действительно, прекрасный напиток... Только абхазский лучше, честное слово... Пришлось еще тебе этот чертов «липтон»... Товарищ Сулов в этом деле строг, поимей в виду... Ты лучше адлерский чай хвали, он русский: Краснодарский край, казаки, опора державы... Советую, как другу, Вятя...

С этим и ушел, оставив Абакумова в мрачной задумчивости.

...Домой министр вернулся рано, сказав помощнику, что захворал, мигрень. Велел соединять только с Поскребышевым и членами Политбюро, для всех остальных министров—закрыт.

Дочь уже вернулась. Он предложил ей поиграть в «морской бой»; сражались с увлечением, потом перешли на «крестики-нолики», он поддавался, изображал огорчение, любимица хохотала. Потом принесла колоду карт, сразились в «дурака».

Отодвинув руку с картами так, чтобы дочка могла подглядывать, с тоскою думал: «Беденькая ты моя кровинушка, случись что со мной, тебя такой ужас ждет, такие муки... Зачем я лез вверх, карабкался по проклятой лестнице?! Служил бы себе тихо и незаметно, так нет же, понесло! У нас только тихие выживают... Лишь маленькие да незаметные своей смертью помирают... А как уйти от судьбы? Мы ж все букашки, нас сверху в микроскоп разглядывают... Богдан неспроста этого самого Рюмина попросил... Он ничего просто так не делает, у него всегда коварство на уме... А потребуй я материалы, сразу наступит Лаврентий: «Мелочная опека, мешает инициативе, что за недоверие среди своих?!» Пойди, объясняйся! Он ведь член Политбюро, а не я... Беденькая ты моя нежность». Он поднял повлажневшие глаза на дочь: «Пойти бы в церкву, как с бабушкой Леной; покойницей, да и бухнуться на колени, прижаться лбом к вечным плитам храма Господня и помолиться б за нее... Мне-то ничего не страшно, огонь и воду прошел... Да и не отмолю себя, ее б уберечь...»

— Папуль, а ты почему не кроешь? У тебя же козыри есть! Так нечестно!

— И вправду есть,—вздыхнул Абакумов,—отобьюсь, сей миг покую, малышенька...

— Ты мне не поддавайся, я ж не маленькая! Неинтересно играть... А знаешь, меня сегодня училка отчитала...

— Вот проказница... За что?

— Я не смогла ответить, когда было покушение на Владимира Ильича...

Ну, завтра этой суке шею накрутят, подумал он, девочку попусту травмирует; отвел, однако, иначе:

— Такие вещи надо знать, дочура... В Ильича стреляла эсерка Фанни Каплан, космополитского племени, ей Бухарин пистолет в руки дал...

— Вот она б тебе двойку и влепила!—рассмеялась девочка.—Первое покушение на Ленина было в январе, еще в Петрограде! Его тогда какой-то швейцарец спас, собой прикрыл...

— Швейцарец?—Абакумов удивился.— Это кто ж?

— Платтен,—произнесла дочка чуть не по слогам и пошла к роялю: знала, что отец больше всего любил, когда она играла «Полонез» Огиньского.

А вроде Платтена этого самого мы расстреляли, подумал Абакумов. Уж не из троцкистов ли? Ну и учителя! Эти такому научат, что потом из детей колом не вышибешь...

Хотел было сразу пойти к себе и позвонить помощнику: пусть проверят учительницу, не контра ли, но, расслабившись, отдался музыке, любуясь стройной фигуркой дочери, грациозно сидевшей возле огромного белого «Бехштейна»...

...В это же самое время три врача-психиатра работали с Александром Исаевым, бывшим офицером военной разведки РККА, кавалером боевых орденов, а ныне зеком и придурком—не в груболагерном жаргонном смысле, а настоящим—он сошел с ума во время допросов.

Они уже час сидели с ним в маленькой комнате, оборудованной магнитофонами, и всячески пытались разговаривать несчастного. Молодой старик, однако, тупо молчал, глядя куда-то вдаль неподвижными глазами.

Один из врачей, самый старый, Ливин, попросил коллег выйти. Оставшись наедине с зеком, тихонько, дружески, доверительно спросил:

— Санечка, хочешь поговорить с отцом?

Зек продолжал смотреть сквозь доктора, но в глазах его что-то мелькнуло...

Ливин включил магнитофон, зазвучал голос Исаева: «Я хочу получить свидание с сыном...»

Зек вдруг умиротворенно улыбнулся:

— Папа...

— А ты его позови, Санечка, — так же добро, вкрадчиво продолжал Ливин.—Покричи: «Папа, папочка, папа!» Он тебя услышит... Ты ведь веришь мне?

— Папочка!—после долгого непонимающего молчания вдруг закричал Саня и, чуть отодвинувшись, поглядел на врача.—Папочка! Ты меня слышишь?

— Громче,—не отрывая глаз от зрачков Сани, нажал Ливин.—Кричи, что плохая слышимость... Ты ж не слышишь его, правда? Пусть говорит громче...

— Па-а-апочка! Что ты молчишь?! Говори громче! Почему ты замолчал?!

— А замолчал он потому, что слишком волнуется,—по-прежнему ласково, доверительно объяснил Ливин.—Столько лет не видел сыночка... Крики, что скоро приедешь к нему... Скажи, что уже выздоровел... Только кричи громче, тогда отец ответит...

...Послушав на стриг пленки, приготовленный подполковником медицинской службы Ливиним в тот же день, Владимирский позвонил Комурову:

— Отменная работа! Наложу на голос радиопомехи—получится вполне трогательная беседа.

— Не обольщайся,—ответил Комуров.— Твой подопечный так изощрен, что наверня-

ка проверит придурка подробностью, нам с тобою неведомой... Вот и конец твоей комбинации...

— Ничего подобного! У нас каждая фраза начинается с того, что тот орет: «Папочка, громче, я очень плохо слышу...» А на проверочном вопросе папочки мы прервем радиосеанс: «Помехи, попробуем завтра». Состояние у Исаева будет шоковое, с куша ет, поверьте...

— Ты еще не ударил его в лоб вопросом: «Что написал в Библии и передал Валленбергу?»

Владимирский ответил убежденно:

— Это мой главный козырь. Рано. Давайте послушаем, как они будут беседовать на даче, во время прогулок... Они ж не знают, что мы их и в лесу сможем слышать, шарашки не зря сливочное масло и кофей без цикория получают...

Комуров усмехнулся:

— Валяй. Я тебе верю, ответственность на тебе...

Когда Исаев, надрываясь, прокричал в трубку:

— Санюшка, сыночек, любимый, перед вылетом подстригись, как стригся в Кракове... Помнишь?!

В этот момент Сергей Сергеевич остановил пленку с голосом Александра Исаева, а вторую, на которой был записан треск и шум радиопомех, сразу же усилил. По прошествии полминуты, пока Максим Максимович надрывался—«алло, Саня, Санечка, сыночек, алло, ты слышишь меня?»—снова сквозь писк и треск радиопомех дал голос сына: «Папочка, говори громче, я ничего не слышу...»

...А потом Аркадий Аркадьевич распекал в присутствии Исаева радистов; те виновато оправдывались:

— Товарищ генерал, но это же Колыма! И так чудом вышли! Радиограмму хоть сейчас передадим и запросим немедленный ответ.

— Чтобы завтра же была связь!—бушевал Аркадий Аркадьевич.—Деньги любите получать, а работать не умеете!

Нервно закурил, прошелся по кабинету, потом словно бы споткнулся:

— Извините, Всеволод Владимирович, не предложил вам. Курите...

Исаев медленно поднял на него глаза:

— Я хочу стакан водки. И отвезите меня на дачу. Валленберга присылайте завтра. И если я сегодня попрошу на вашей даче еще стакан водки, пусть мне дадут. И приготовят хорошую зубную пасту. Или отменный чай. Отбивает запах перегара.

Аркадий Аркадьевич сел рядом с Исаевым, положил ему руку на острое колено и проникновенно, с болью, сказал:

— Спасибо, товарищ полковник... Я не сомневался в том, что у нас с вами, у большевиков, все так и кончится...

И, вызвав своего лошеного секретаря, повелел:

— Бутылку лучшей водки, банку икры и кусок вареной осетрины.

156
157

ВОЗДУХ был прозрачен и хрупок. Проснувшись, Исаев увидел верхушки сосен, сразу вспомнил тот русский, затрепанный журнал, что он нашел в оккупированном Париже на книжной набережной Сены; «и так неистовы на синем размахи огненных стволов...»

Поднял голову с мягкой, топкой подушки: стволы деревьев были действительно огненными. «Размахи» или «разбеги», — подумал Исаев, — и то и другое слово подходит к сути, к этой извечной красоте. Как же им больно, когда ни медленно, с перекурком, пилят, боже ты мой!»

Он поднялся. Голова после вчерашней водки кружилась. Спустил худые ноги с выпирающими коленями на коврик, в дверь сразу же постучались. Значит, постоянно смотрит надзиратель, понял он. Вошел, однако, не солдат, а «Макгрегор», Виктор Исаевич Рат.

— Доброе утро, Всеволод Владимирович, как спалось?

— Хорошо спалось, благодарю. Что там со связью? Наладили?

— Информации пока что не поступало. Позавтракаем и после этого позвоним Аркадию Аркадьевичу...

— Валленберга еще не привезли?

— Нет.

— Когда?

— Не знаю. Указаний не получал.

Завтракали на веранде, залитой солнцем. Масло, сыр, два яйца всмятку, кофе; хлеб был двух сортов — черный и серый. («Мы называем «рижский», — пояснил Рат, — самый, по-моему, вкусный, в вашу честь заказал.») Потом послушали последние известия по радио: перевыполнение плана уборки хлеба колхозниками Одесской, Херсонской и Белгородской областей, приветственное письмо вождю всех народов, гениальному зодчему нашего счастья великому Сталину от строителей Днепрогэса, восстающего из руины. Максим Максимович запомнил две подписи — парторга ЦК Дымшица и секретаря обкома Брежнева. Диктор сухо зачитал сообщение о продолжающейся борьбе с вероломством группы театральных критиков-космополитов типа Альтмана и Борщаговского. Закончился выпуск прогнозом погоды: обещали солнце.

— Стакашку не засосете? — поинтересовался Рат.

— Это вы по поводу водки?

— Почему? С утречка хорошо пойдет джинс с тоником, здесь все есть, — он усмехнулся, — как в Лондоне. Так что? Устроить оттяжку?

Исаев поинтересовался:

— У вас дедушка есть?

— Умер... Прекрасный был дедушка Исай Маркович, пусть ему земля будет пухом...

— Неужели он вас не учил: «Проиграл — не отыгрывайся, выпил — не похмеляйся»?

— Он у меня и не пил, и не играл, Всеволод Владимирович. Он с конца прошлого века был в революционной работе... В большевиках он был с начала и до конца, без колебаний...

— Рат? — Исаев удивился. — Я помню многих ветеранов, что-то такой фамилии нет в голове.

— Вы его знаете, — убежденно ответил Рат, — прекрасно знаете, только под другой фамилией...

— Давайте позвоним в Центр, — сказал Исаев. — Как там дела со связью...

— Пошли, — согласился Рат, — телефон рядом.

...Голос Аркадия Аркадьевича был потухший, грустный:

— Возвращайтесь, Всеволод Владимирович, есть новости.

Говоря так, он не лгал: после вчерашнего разговора с ним Комуров встретился с Берией и, доложив ему об успехе в комбинации по делу «Штирлица — Валленберга», сказал, что начинается работа на даче.

Берия поздравил его, просил передать благодарность Володимирскому, а в конце разговора предложил заехать после работы, вечером: «Надо перекинуться парой слов о проекте».

Начав с какого-то малозначительного вопроса и дождавшись того момента, когда Комуров начал отвечать, как всегда многословно и обстоятельно, Берия достал из сейфа красную папку тисненой кожи и положил ее перед Богданом.

Тот на мгновение прервал доклад, вопросительно посмотрев на Берию. Маршал кивнул головой: мол, продолжай.

Дослушав Комурова, сказал:

— Погляди, думаю, пригодится...

«После многочисленных запросов в МИД СССР со стороны шведского правительства, связанных с «исчезновением» во время освобождения Будапешта подданного Швеции некоего Валленберга, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин запросил дело Валленберга и пообещал принять посла.»

На беседе товарища Иосифа Виссарионовича Сталина с послом присутствовал замминистра иностранных дел т. Лозовский С. А.

Посол Швеции Содерблом был приглашен в Кремль, однако не для беседы о «деле» Валленберга, ибо такого «дела» нет, оно сфабриковано антисоветской пропагандой, а в связи с окончанием срока аккредитации в Союзе ССР.

Накануне беседы, зная, что Содерблом наверняка передаст послание Короля и премьер-министра Швеции, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин затребовал справку по поводу боев за Будапешт и вызвал для беседы маршала Маллиновского, который якобы встречался с Валленбергом по просьбе последнего в Дебрецене.

Действительно, во время протокольной беседы, после того как посол Швеции выразил благодарность Генералиссимусу Сталину за выдающуюся роль Советского Союза в победе над нацизмом и фашизмом и попросил передать сердечную признательность коллегам из Министерства иностранных дел, он перешел к вопросу о Валленберге.

Сначала посол коснулся вопроса о том, что, когда в Стокгольме в октябре 1944 года узнали о приходе в Будапеште к власти нациста Салаши и изучили первую официальную декларацию нового лидера, в которой он, в частности, призывал к тотальному противостоянию большевизму и немедленно истреблению евреев в Венгрии, Его Величество Король Швеции отправил телеграмму регенту адмиралу Хорти, в которой заявил протест по поводу официального заявления г-на Салаши, объявив его «неприемлемым» и «противным духу гуманизма и цивилизации». Именно в это время в Венгрии работал шведский дипломат, секретарь посольства Рауль Валленберг, успевший к тому времени спасти тридцать тысяч евреев от уничтожения. Посол отметил выдающуюся роль Валленберга, его беззаветное мужество, абсолютную честность. Валленберг, продолжил посол, проделал немислимое: он со дня на день отодвигал исполнение приказа Гитлера о тотальном уничтожении всех несчастных. «Валленберг»... — хотел продолжить посол, но был прерван товарищем Иосифом Виссарионовичем Сталиным, который просил произнести фамилию шведского дипломата по буквам, что и сделал немедленно советник-посланник Швеции г-н Баркхольст.

Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин записал крупными буквами фамилию Валленберга.

Посол продолжил свой рассказ о том, как Валленберг отправился из Будапешта в Дебрецен на встречу с представителями Красной Армии и, выезжая из города, на улицах которого шли бои, встретил русских солдат и спросил их о том, каким путем лучше добраться до штаба. После этого он исчез.

— Он ехал на вашей машине? Под флагом Швеции?—спросил товарищ Иосиф Виссарионович Сталин.

Посол ответил в том смысле, что он ехал именно на шведской машине. Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин поинтересовался, известно ли господину послу, что советской авиации был отдан приказ ни в коем случае не атаковать машины под шведским флагом? Посол ответил, что он прекрасно помнит этот приказ и благодарен за него Генералиссимусу Сталину. Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин ответил, что благодарить надо не его, а Молотова с Вышинским. «Я убежден,—заявил посол,—

что советская авиация не нападала на шведский автомобиль, такая возможность исключается нами».

Обратившись к т. Лозовскому, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин указал: «Надо посмотреть, был ли такой же приказ у немцев и салашистов?»

Затем товарищ Иосиф Виссарионович Сталин задал вопрос шведскому послу: «Какое объяснение происшедшему печальному инциденту было дано советской стороной?»

Посол ответил, что никакого ответа получено не было, хотя в сорок пятом году посол СССР в Швеции г-жа Коллонтай и заместитель министра иностранных дел г-н Деканозов заявили, что Валленберг находится под протекцией войск Красной Армии...

Товарищ Иосиф Виссарионович Сталин прервал беседу словами, в которых содержалось обещание предпринять все возможные для изучения вопроса, поднятого шведской стороной.

Запись беседы сделана 15 июня 1946 года.

— Ясно?—вдохнув, спросил Берия.—Тот... У меня все время это в памяти шевелилось. Непокорно было на душе. Я-то был в отъезде, когда произошла эта беседа, товарищу Сталину готовил ответ Деканозов, но материал не удовлетворил товарища Сталина, он попросил обдумать все еще раз, но больше к этому вопросу почему-то не возвращался. Едем, поужинаем на Качалова, мне сегодня сидеть часов до трех...

В машине задумчиво продолжил:

— Но самое любопытное заключается в том, что спустя четыре дня после этой беседы в Кремле член Политбюро Венгерской Компартии Ласло Райк устроил гала-концерт в «память о герое Рауле Валленберге»... И знаешь, с кем он советовался по этому вопросу по линии МИДа?

— Представить не могу, Лаврентий Павлович...

— И я не мог. С Соломоном Абрамовичем, нашим другом Лозовским... Понимаешь, куда я клоню?

— Нет,—откровенно признался Комуров.—Ваша мысль, Лаврентий Павлович, всегда так неожиданна, изящна, всеохватна, что я не в силах предугадать поворот...

— Не люблю комплименты,—отрезал Берия, выслушав, впрочем, их до конца.—Мысль как мысль, нормальная мысль. Поскольку нам нужны контактные зоны, товарищ Сталин может пере решить: вместо процесса над агентом гестапо Валленбергом он прикажет разыскать его и подарит Стокгольму. Объяснение? У нас шведский никто не понимает, нет переводчиков, не уразумели, кто такой, думали, мол, фашист маскируется. Тогда что?

— Тогда плохо. Ведь его сильно жали.

— Так вот, пусть с ним этот ваш Штирлиц поработает в камере, ублажит, если, как ты мне сказал, ваш «гранит» согласился на сотрудничество. Нам нужна правда, понимаешь? Полная правда!

...Вернувшись от Берия к себе, Комуrow работу на даче отменил: пусть Исаев начинает «разминать» Валленберга в камере. Тот теперь на допросах молчал, требовал свидания со своими шведами и матерью... Пусть этот самый Штирлиц поможет нам узнать всю правду, а там решим, что делать.

Владимирский ответил:

— Но ведь Исаев сразу предупредил Валленберга, товарищ генерал: «О делах не говорить». Он этим вполне ясно разъяснил шведу, что камера «на подслушке»... Мы можем узнать правду только на даче.

Комуrow поднял на Владимирского глаза:

— Приказ поняли?

— Так точно, товарищ генерал.

— Вот и исполняйте...

...Аркадий Аркадьевич встретил Исаева у двери, передал две радиogramмы от сына: «Бушуют ветра, постригусь, как ты велел, обещали восстановить связь в ближайшие дни». Во второй, более развернутой, просил поцеловать маму, благодарил за то, что отец устроил ее в такой прекрасный санаторий и просил срочно выслать, если, конечно, это не очень трудно, набор американских витаминов.

Аркадий Аркадьевич кивнул на три коробки американских витаминов, лежавшие на столе:

— С утра этим занимался.

Исаев поинтересовался:

— А как же вы ему это доставите? Там же самолет сесть не может.

Аркадий Аркадьевич искренне изумился:

— Так ведь грузы-то мы туда парашютами сбрасываем!

Потом еще более потускнел лицом, досадливо махнул рукой:

— Все не верите? Ловушки ставите?

— Теперь не ставлю,— ответил Исаев.—

Ответ логичен.

Аркадий Аркадьевич протянул ему конверт.

— Сашенькино письмо и фотография...

Исаев прочитал письмо несколько раз, вглядываясь в каждую строчку, кадык несколько раз ерзнул в горле, однако лицо было непроницаемым.

— Спасибо.

Аркадий Аркадьевич походил по кабинету и, подняв глаза на отдушину, многозначительно посмотрел на Исаева.

Тот едва заметно кивнул: если здесь все снимают, то зрителю показалось бы, что он всего лишь устало опустил голову.

— Всеволод Владимирович, я посоветовался с товарищами, и мы пришли к выводу, что Валленберга нельзя везти на дачу.

— В камере он говорить не станет. Вы же фиксируете наши с ним собеседования. Я с самого начала предупредил его, чтобы он не затевал разговоров о деле. Это ваша вина: удовлетвори вы мои требования, все могло сложиться иначе...

— Я думаю,— после долгой паузы ответил Владимирский, мучительно сдерживая себя, чтобы не хлестануть этого гада по морде и не спросить, что он писал шведу на Библии,— делу можно помочь. Но это... Мне даже страшно говорить. Это обижает вас к страданиям...

— Считаете, что сейчас я благоденствую?

— Работаете,— сухо отрезал Аркадий Аркадьевич.— Вы на службе, Всеволод Владимирович. Вы под погонами... Так вот, если мы вернем вас после двухдневного отсутствия в камеру, то вернем в наручниках... А сейчас выпьете таблетку брома, чтобы сразу свалиться на койку. Вас поднимут. Вы снова свалитесь, вам прикажут встать, но вы не сможете, тогда вам объявят карцер. Поспите в другой камере, хоть сутки. Потом снова оденут наручники и приведут к Валленбергу. И вы исповедуетесь ему, потому что, скажете вы, вполне возможно, что вас расстреляют, а вы хотите, чтобы правда о вашей жизни осталась в памяти хотя бы одного человека...

— И я расскажу ему о себе всю правду?

— Именно.

— Он спросит, отчего вы мне не верите? — Исаев пожал плечами.— А если верите, то отчего держите в браслетах и хотите расстрелять? В голове нормального человека такое не укладывается...

— Во-первых, мы вам верим, Всеволод Владимирович, и вы это поняли. Во-вторых, именно потому, что мы вам якобы не верим, он вам поверит, И раскроется...

ОЖЬ рождает ложь,— задумчиво заметил Валленберг и поменял тряпку с холодной водой на распухших оладьях-кисях Исаева.

—Я не сказал здешним следователям ни

единого слова лжи и чем больше убеждал их в том, что говорю правду, тем меньше они верили мне. Особенно в связи с «Джойнт Дистрибьюшн Комити»...

— Почему?

— Не знаю. Они все время требовали открыть агентуру «Джойнта» в Восточной Европе. Я не понимал их поначалу, путал-

ся, вы ж знаете, сколько в Англии и Америке этих самых «джойнтов»?! Что ни комитет, то непременно «джойнт» — «объединенный»... Я им говорил, что в Штатах было только одно сокращение, понятное всем: «Борд»...

— Я не знаю этого сокращения, — признался Исаев.

— Видимо, запомнили, — ответил Валленберг, и Исаев лишний раз подивился его такту. Только верь мне, дружище, только верь, я знаю, что сделаю на процессе — «подстригись, как в Кракове»; никогда мы с Санькой об этом не говорили, а прервали нас именно на этом моем вопросе, они смонтировали пленку — это ясно. Что ж, им за это коварство и отвечать... И в письме Сашеньки есть строки Гумилева, она их не зря вставила. Я говорил ей во Владивостоке, что этот поэт несет в себе постоянное ощущение тревоги и неверия в реальность происходящего.

— Вы просто запомнили, — повторил Валленберг, нахмурившись, словно бы перед принятием трудного решения. — Первым забил тревогу о тотальном уничтожении всех евреев, живущих в Европе, британский министр Антони Иден в своем выступлении в палате общин, что равнозначно обращению ко всей империи... Но при этом британцы играли, не желая пускать евреев в Палестину: «возможны трения с арабами». Везде и всюду «разделяй и властвуй», как горько это, как постоянно... Вы знаете, что Лондон предложил Рузвельту провести совещание о гитлеровском геноциде евреев? И что тот сначала отказался?

— Не знал. РСХА такими сведениями не располагало...

— Британские службы умеют хранить свои тайны, — сказал Валленберг. И Исаев сразу же отметил всю опасность этой его фразы: начнут мотать, откуда ему это известно... Пусть не гестаповский шпион, а британский — все одно сойдет...

— Дальше, — требовательно перебил Валленберга Максим Максимович.

Тот удивленно пожал плечами: мол, что я сказал неосторожного? И продолжил:

— Так вот, Рузвельт медлил... Почему? Для меня это до сих пор загадка. Только после того как стало известно, что гитлеровцы сжигают пятнадцать тысяч евреев ежедневно, Белый дом дрогнул и государственный департамент создал «Комитет помощи беженцам войны». И этот-то «Уор рефьюджи борд» передал из своего бюджета миллион долларов организации, распределявшей талоны на еду и жилье среди бежавших от Гитлера евреев: здесь ее называют «Джойнт», мы называли «Объединенный распределительный комитет»... Мою кандидатуру, — мол, готов помочь спасению несчастных, — предложил представитель «Борд» в Швеции — ведь из-за состояния войны Америка не могла послать в Венгрию своего человека, чтобы заступиться за евреев, обреченных на уничтожение. В Стокгольме все знали, что я отказался заниматься банковскими операциями, хоть и преуспел в Палестине еще до войны. Банкир — профессия циников, право, — Валленберг вздохнул. — Из Южной Африки — я там тоже разворачивал дела нашего банка

«Энскилд» — дедушке прислал письмо, что, мол, я талантлив и все такое прочее, прекрасный организатор, но для настоящего банкира слишком уж большой фантазер... Словом, «Борд» депонировал в нашем семейном банке «Энскилд» семь миллионов долларов для спасения венгерских евреев, которых Гитлер, чувствуя приближение краха, приказал уничтожить. Шло лето сорок четвертого, Красная Армия наступает, союзники высадились в Европе, финал войны, конец нацизма...

— Гитлер не считал войну проигранной даже в марте сорок пятого, — возразил Исаев. — Он же был фанатиком.

— Я тоже был фанатиком, когда спасал евреев от сожжения.

— Вы не были фанатиком. Вы просто исполняли свой человеческий долг. Фанатизм Гитлера шел не от идеи, а от паранойи и самовлюбленности... Ну, дальше?

— А дальше я приехал в Будапешт. Это было девятого июля сорок четвертого. Приехал как секретарь шведского посольства по гуманитарным вопросам. И как раз в это же время там начал разворачивать свою активность оберштурмбаннфюрер СС Эйхман. Я хотел спасти евреев, а он хотел сжечь их в Освенциме... Как солому... Сотни тысяч... С детьми, с беременными женщинами... Я купил — доллары-то у меня были — множество домов в Будапеште, таким образом, в венгерской столице появилась шведская недвижимость — попробуй прикоснись к собственности нейтральной державы! А потом я начал выдавать евреям шведские паспорта... Вы не представляете себе, что творилось в шведской миссии и у меня, на улице Минервы, где я открыл свой отдел! Десятки тысяч несчастных осаждали мои двери, ужас, ужас! У меня до сих пор в ушах этот страшный вопль тысяч людей... Я был наивным идиотом, вы даже не представляете, сколь наивек я был, когда собрал совещание представитель министров внутренних дел Венгрии, нацистов и руководителей еврейской общины... Эйхман требовал немедленной депортации, а я уповал на здравый смысл... Но я знал от венгров, что адмирал Хорти наконец понял: война проиграна... Более того, шеф будапештской жандармерии Ференци сказал мне: «Валленберг, я восхищен вашей идеей со шведскими паспортами и охранными письмами для евреев... Думаю, Хорти согласится признать этот шаг вашего правительства правомочным...» Он же потом и шепнул мне: «Хорти отправил своих людей в Москву на другой день после того, как Румыния повернулась к русским и объявила войну Гитлеру и нам... Он готов подписать мир, но этот мир должен быть почетным, иначе нация не примет его...» И началась политическая игра в постепенность: пока люди Хорти пробирались в Москву, адмирал сменил своего премьера. В кресло сел Геза Лакаш, либерал, но в первой же речи заверил всех, что Венгрия будет продолжать борьбу против русского большевизма и американского еврейства... А тогда нельзя уже было играть... Надо уметь вовремя действовать: утрата времени невосполнима, особенно в политике,

Исаев мягко улыбнулся:

— И в любви.

Валленберг, тяжело вздохнув, повторил:

— И в любви. Верно... Так вот, немцы что-то поняли, и в Будапешт...

Исаев кивнул:

— Дальше я знаю: в Будапешт приехал мой старый добрый друг, посол по особым поручениям фон Риббентропа, вечно молодой Эдмонд Везенмайер...

— Откуда вы его знаете?— вновь настаивал Валленберг. Порою он делался похожим на оленя: замрзал и немигающе глядел прямо перед собою.

— Я вместе с ним готовил вторжение нацистов в Югославию, Рауль,— ответил Исаев.— Кстати, по-русски меня зовут Максим. Или, если хотите, Всеволод.

Валленберг, не отрывая глаз от лица Исаева, ответил:

— Максим легче... Вы готовили вместе с этим мерзавцем оккупацию Югославии?!

— Такова была моя официальная миссия. Я прожил среди мерзавцев немало лет, Рауль. Я тогда бомбардировал Москву шифровками, что вторжение вот-вот начнется. Льшу себя надеждой, что эти мои сообщения в чем-то подтолкнули Москву заключить договор с югославами в ночь перед началом гитлеровского вторжения...

— А кто подтолкнул Москву отречься от этого договора спустя пять дней после разгрома Югославии?— жестко спросил Валленберг.

Опасаясь, что тот будет продолжать свои рискованные «подставные» вопросы, Исаев вновь взял огонь на себя:

— Сталин делал все, чтобы отдалить начало войны...

— Он бы отдалил начало войны, подписав договор с Черчиллем, который сражался против Гитлера,— отрезал Валленберг.

— Погодите, Рауль,— снова перебил его Исаев.— Вернемся к Везенмайеру: его профессия была подготавливать вторжение... Я помню, что он мотивировал ввод гитлеровских танков и дивизий СС необходимостью защиты южного фланга обороны рейха... Как вам удавалось тогда работать? Эйхман ведь стал не «представителем дружественной страны», а обычным оккупантом...

Валленберг отрицательно покачал головой:

— В полной мере он стал оккупантом в середине сентября, когда гестапо получило неопровержимые данные, что Хорти начал переговоры о мире. Тогда его сбросили, и пришел сумасшедший Салаша... Еще более ярый антисемит, чем Гитлер, хотя был выходцем из армянской семьи... Откуда в нем это? Эйхман подписал секретный протокол с министром полиции Салаша, совершенно безумным Габором Вайна о том, что часть евреев депортируют в Германию на принудительные работы, часть поселят в центре Будапешта, в гетто, и что наши паспорта теряют свою силу... Только немцы вправе определять: выпустить еврея со шведским паспортом за границу или сжечь в крематории. Кое-как мне удалось отменить расстрел несчастных в гетто и депортацию на принудительные работы в Германию— это же был камуфляж крематориев... Салаша

159

согласился создать «еврейские батальоны принудительного труда»: людей бросили на восток рыть окопы и строить укрепления против той армии, которая шла их освобождать... Расстреливали тех, кто плохо работал, дурно выглядел, не так шел в колонне: салашисты— это звери, те же гитлеровцы... А в ноябре, когда уже все трещало и русские вовсю наступали, меня пригласил Эйхман в свою штаб-квартиру в отеле «Мажестик»... Дверь его громадного люкса заперли, и он стал допрашивать меня, зачем я работал в Палестине в тридцать седьмом? Почему мой дядя выступает против великого фюрера германской нации, друга всех народов мира, защитника цивилизации от большевизма? Почему Рузвельт платит мне деньги? Какие американцы встречались со мною? Русские? Кто напечатал мне тысячи проклятых валленберговских паспортов? В каких типографиях? Он, кстати,— Валленберг прерывисто вздохнул,— не говорил о «Борде», он только и трещал о шпионах из еврейского «Джойнта»... А потом сказал: «Всех евреев с вашими паспортами мы депортируем в Данию». И засмеялся. Причем смеялся искренне, глядя на меня, как победитель, сваливший противника по боксу в нокаут. Я же понимал, что Дания— это фикция, там лагерей нет, несчастных расстреляют по дороге, как только вывезут из города... У меня были секунды на раздумье... Знаете, что я придумал? Я сказал ему: «Пусть отпрут дверь, я пошлю шофера за бутылкой виски и блоком сигарет... После этого продолжим наше собеседование...» Эйхман долго сидел не двигаясь, потом обернулся и заржал так, как умеют орать лишь одни немцы: «Открыть дверь!» И все то время, пока мой шофер ездил за виски, Эйхман ходил по кабинету и навистывал мотив еврейской песенки, представляете?! Он, Эйхман,— и еврейский мотив?!

— Сколько времени он свистел?— Исаев задал этот вопрос строго, без обычной своей мягкой улыбки.

Лицо Валленберга внезапно замерло и осунилось:

— Этот же вопрос мне задавали все здешние следователи... Даже делали специальный эксперимент...

— Уверю вас, так бы поступило и Федеральное бюро расследований...

— А я говорю, что он ходил и свистел!— вскочив с нар, тонко закричал Валленберг.— Он свистел и ходил! Как заводной! Вы ведь жили там, по вашим словам! Тогда вы знаете, что со жратвой у них было плохо! А с сигаретами— и вовсе! У них не было сигарет! Не было! Они травляли свой народ каким-то сирадом, гнилым сеном! А я еще сказал шоферу, чтобы он взял банку ветчины и круг сыра! Эйхман ждал еду, понятно вам?! Эта тварь хотела жрать!

(Окончание следует)

увеличивает нагрузки

**МАСТЕР СПОРТА СССР ВАЛЕРИЙ БОГДАНОВИЧ
ДЕЛИТСЯ С ЧИТАТЕЛЯМИ СЕКРЕТАМИ СВОИХ ТРЕНИРОВОК**

В прошлом номере мы опубликовали начальный комплекс тренировок по системе В. Богдановича. Сегодня предлагаем вниманию читателей второй и третий.

Итак, по первому комплексу вы прозанимались, в зависимости от вашей физической подготовленности, 6—12 недель. Нагрузка постепенно увеличивалась. Во-первых, за счет возрастания веса отягощения, во-вторых, путем сокращения отдыха между подходами. Теперь он должен составлять примерно полторы минуты.

Во втором комплексе меняется принцип увеличения нагрузок: они не возрастают линейно, как это было на первом этапе занятий, а варьируются волнообразно. «Тяжелые» тренировки чередуются с «легкими». Делается это следующим образом. (Комплекс рассчитан на 8—9 недель занятий; три раза в неделю через день). Вначале вы делаете к упражнениям по три подхода, затем доводите их до четырех. Но, запомните, последняя, третья тренировка в неделю—обычно ее назначают на пятницу—«легкая». То есть нагрузка уменьшается, количество подходов снижается до двух вместо трех-четырех.

Прежде чем приступить к тренировке, необходима активная пятнадцатиминутная разминка на все группы мышц. Чувствуете, что вы основательно разогрелись, размялись? Тогда приступаем к основному комплексу.

1. Стоя, штанга на плечах, под пятками деревянный брусок высотой 5—7 см. Приседания (3—4 подхода по 10—12 повторений).

2. Лежа на горизонтальной скамейке, штанга в руках, хват средний. Жим (3—4 x 10—12).

3. Подтягивания на перекладине до касания грифа затылком. Хват широкий (3—4 x 10—12).

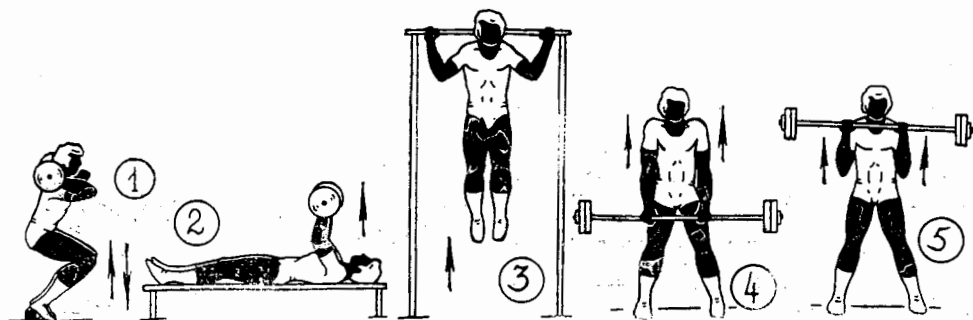
4. Стоя, штанга в опущенных руках, хват средний. Не сгибая руки в локтях, поднимать плечи (3—4 x 10—12).

5. Стоя, штанга на груди, хват средний. Жим (3—4 x 10—12).

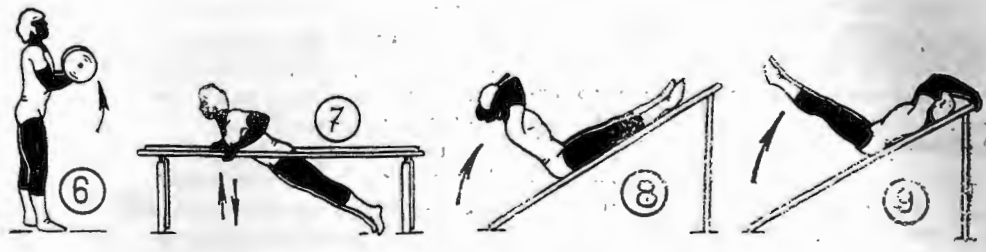
6. Стоя, штанга в опущенных руках, хват средний. Сгибая руки в локтях—подъем на бицепсы (3—4 x 10—12).

7. Отжимания на брусьях. Упор средний (3—4 x 10—12).

8. Лежа на наклонной скамейке головой вниз, ноги закреплены, руки за головой.

160

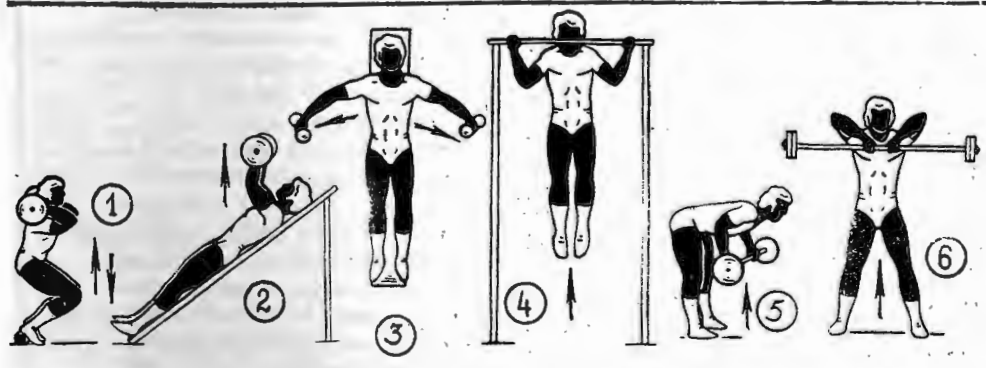

Подъемы туловища до касания колен грудью (2—3 подхода с максимальным количеством повторений (макс).

9. Лежа на наклонной скамейке головой вверх, руками держаться за верхний обрез скамьи. Подъемы прямых ног (2—3 х макс).

Напомню, как подбирать вес отягощений. Он выбран правильно, если с максим

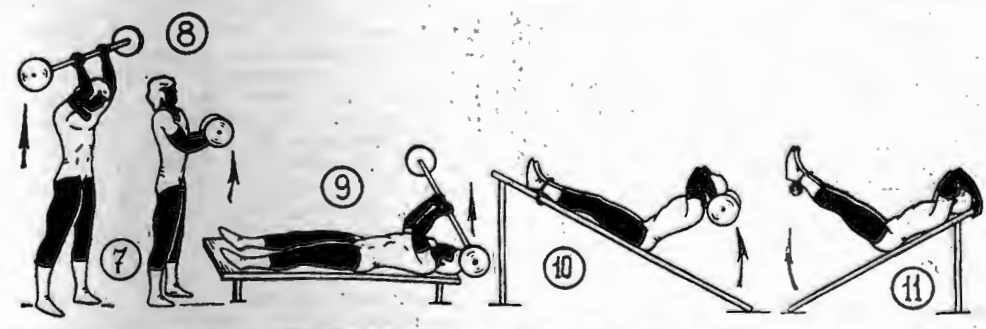
мальным усилием вы можете в трех подходах выполнять лишь по 10 повторений. Однако в последнем подходе вы должны сделать хотя бы на одно повторение больше. В конце концов вы достигнете результата—12 повторений в каждом подходе. Пришло время увеличить вес отягощений. Его надо поднять настолько, чтобы вашим пределом вновь стали 10 повторений.

А теперь третий комплекс, к занятиям по которому вы перейдете через 2—3 месяца. Он рассчитан на 10—12 недель занятий. В комплекс включены не только упражнения для увеличения мышечной массы, но и для качественной проработки основных мышечных групп.

Вес отягощений подбирается так же, как и в предыдущем комплексе. Последняя тренировка в конце недели—«легкая». Отдых между подходами 1,5—2 минуты.

1. Стоя, штанга на плечах, под пятками деревянный брусок высотой 5—7 см. Приседания (3—4 подхода по 8—10 повторений).

2. Лежа на наклонной скамейке под углом 30—45 градусов, голова вверху, в руках штанга, хват средний. Жим (3—4 x 8—10).

3. Лежа на горизонтальной скамейке, в руках гантели. Разводка рук в стороны (2—3 x 10).

4. Подтягивание на перекладине до касания грифа подбородком. Хват широкий (2—3 x 10—12).

5. Стоя в наклоне, штанга в опущенных руках, хват чуть шире среднего. Тяга штанги к поясу (3—4 x 8—10).

6. Стоя, штанга в опущенных руках, хват узкий. Тяга штанги к подбородку (3—4 x 8—10).

7. Стоя, штанга на плечах за головой, хват средний. Жим (3—4 x 8—10).

8. Стоя, штанга в опущенных руках, хват средний. Сгибать руки в локтях—подъемы на бицепсы (3—4 x 6—8).

9. Лежа на горизонтальной скамейке, штанга у лба, хват узкий—примерно 15 см. Жим (3—4 x 8—10).

10. Лежа на наклонной скамейке головой вниз, ноги закреплены, руки с отягощениями за головой. Подъемы туловища до касания колен грудью (3 x 15).

11. Лежа на наклонной скамейке головой вверх, руками держаться за верхний обрез скамьи, к ногам прикреплено отягощение. Подъем прямых ног вверх (3 x 15).

Напомню основное правило дыхания: в момент максимального напряжения необходимо делать выдох, во время поступательного движения снаряда или минимальной нагрузки—вдох. Если вы работаете с предельными весами, то у вас получится естественная задержка дыхания—натуживание. Но в атлетизме редко возникает необходимость тренировки со снарядами максимально возможного веса.

На этом комплексе заканчивается пора вашего ученичества в атлетизме. Следующие комплексы строятся по сплит-системе, то есть разделения нагрузок на различные мышечные группы. Нагрузка возрастает, а вам придется самостоятельно овладеть принципами построения атлетических тренировок.

Записал С. МАЗУРЕНКО,
корр. «Советского спорта»
для журнала «На боевом посту».

ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ

Массовость, мастерство. Практика работы спортивного комитета нашей части убедительно доказывает: эти понятия нельзя противопоставлять, тогда одно помогает другому.

Судите сами. Есть у нас спортсмены очень известные: заслуженные мастера спорта СССР майор В. Барнашов и капитан А. Пушница, мастера спорта СССР международного класса лейтенант Т. Калимулин и рядовой О. Лучихин. Есть мастера спорта СССР и кандидаты в мастера. Так вот, они не живут особнячком, не замкнулись в своем кругу, а тренируют команды стрелков, волейболистов, гиревиков, футболистов, многоборцев, тяжелоатлетов. Благодаря активности и энтузиазму наших мастеров построены гимнастические городки, волейбольные площадки, спортзал, стрелковый тир, комплекс для занятий тяжелой атлетикой, бассейн. Эта база используется в ходе плановых занятий по физической и огневой подготовке, а также в часы спортивно-массовой работы. В различных состязаниях охотно участвуют и члены семей военнослужащих. Большинство солдат и сержантов ряда подразделений имеют спортивные разряды. Они хотят быть сильными, ловкими, здоровыми и берут пример с прославленных спортсменов.

Майор А. ДОРОФЕЕВ,
судья первой категории.
УВВ по Западной Сибири.

ОТВЕТЫ НА ЧАЙНВОРД-ШИФРОГРАММУ «ОХОТНИК»

1. Волчатник. 2. Костромич. 3. Чернотроп. 4. Популяция. 5. Ягдтерьер. 6. Разбойник. 7. Колосовик. 8. Куркавка. 9. Абориген. 10. Недоступ. 11. Перейрок. 12. Кисточка. 13. Альбинос. 14. Серебро. 15. Обжимка. 16. Арбалет. 17. Токовик. 18. Карабин. 19. Навадок. 20. Карда. 21. Арлекин. 22. Настрел. 23. Лончак. 24. Колено. 25. Одионец. 26. Цветок. 27. Калибр. 28. Решето. 29. Объезд. 30. Дунет. 31. Тайган. 32. Номер. 33. Рывок. 34. Котел. 35. Лабаа. 36. Зыбун.

В клетках прямоугольника: «Труслювому зайцу и пень кажется волком».

УСЛОВИЯ ПРИЕМА в высшие военно-учебные заведения МВД СССР в 1990 году

161

ВЫСШИЕ военные училища МВД СССР готовят офицеров для внутренних войск. В училища принимаются военнослужащие срочной службы независимо от военной специальности и срока службы, военнообязанные из числа уволенных в запас военнослужащих срочной службы в возрасте не старше 23 лет, военнослужащие сверхсрочной службы по истечении двух лет сверхсрочной службы, прапорщики по истечении двух лет службы на должностях прапорщиков или офицерских должностях в возрасте не старше 23 лет, гражданские лица в возрасте от 17 до 21 года, имеющие законченное среднее образование, годные по состоянию здоровья и успешно сдавшие вступительные экзамены.

В Высшее политическое училище МВД СССР принимаются члены КПСС, кандидаты в члены КПСС и члены ВЛКСМ по рекомендациям политических органов воинских частей или райкомов (горкомов) КПСС и райкомов (горкомов) ВЛКСМ.

Срок обучения в высших военно-учебных заведениях—4 года. Военнослужащие, желающие поступить в военно-учебные заведения, до 1 апреля года поступления на учебу подают рапорт по команде на имя командира воинской части, в котором указываются воинское звание, фамилия, имя, отчество, должность, год и месяц рождения, образование, наименование военно-учебного заведения (факультета), в которое желают поступать.

К рапорту прилагаются: копия документа о среднем образовании (аттестата, свидетельства, диплома), партийная (для членов КПСС и кандидатов в члены КПСС) или комсомольская (для членов ВЛКСМ) характеристика, три заверенные фотокарточки (без головного убора, размером 4,5 x 6 см), автобиография, характеристика, служебная карточка. Подлинный документ об образовании предъявляется по прибытии в военно-учебное заведение.

Поступающие на учебу проходят профессиональный отбор и сдают вступительные экзамены. В высших военных командных училищах—по русскому языку и литературе (письменно), по математике и истории СССР (устно) и физической подготовке (практически); в Высшем политическом училище—по русскому языку и литературе (письменно), по математике, географии и истории СССР (устно); в Харьковском высшем военном училище тыла—по русскому языку и литературе (письменно), по математике, обществоведению и физике (устно). Поступающие на интендантский профиль вместо экзамена по физике сдают экзамен по химии (устно). Для определения физической подготовленности кандидаты в Высшее политическое училище и Харьковское высшее военное училище тыла подвергаются практической проверке по упражнениям Военно-спортивного комплекса ВС СССР.

Лицам, окончившим училища, присваивается звание «лейтенант» и выдается диплом общесоюзного образца с присвоением квалификации:

— в высших военных командных училищах—«офицер мотострелковых войск с высшим военно-специальным образованием, преподаватель начального военного обучения»;

— в Высшем политическом училище—«офицер-политработник с высшим военно-специальным образованием, преподаватель общественных дисциплин в средних учебных заведениях»;

— в Харьковском высшем военном училище тыла—«офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации автомобильной техники» (автотехнический профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер по эксплуатации вооружения» (оружейно-технический профиль); «офицер с высшим военно-специальным образованием, инженер-экономист» (интендантский профиль).

В период обучения курсанты обеспечиваются питанием, обмундированием и денежным содержанием по установленным нормам. В конце каждого учебного года им предоставляется тридцатидневный отпуск с правом бесплатного проезда по железной дороге к месту отпуска и обратно.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

СМИРНОВ Э. Зима тревоги нашей	1
ЧАВАЧИН В. Работа над ошибками	3

■ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

ПОНОМАРЕВ В. Не упустить свой шанс	7
--	---

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ	9
------------------------------	---

■ КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ?

КУДРЯВЦЕВ В. Первый тайм мы уже проиграли	16
---	----

■ МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Из горячих точек	17
----------------------------	----

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

БАРСУКОВ В. Профессиональные войска: за и против	13
--	----

СМИРНОВ Л. Действовать в рамках закона	13
--	----

СТУДЕНИКИН П. Еще раз про бабушку, саперную лопатку и... «тбилисский синдром»	22
---	----

КВИНТ В. Что почем в «семье единой»?..	53
--	----

■ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

На пути к правовому государству	28
---	----

■ У НАС В ГОСТЯХ «СОВЕТСКИЙ ВОИН»	38
---	----

■ К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ФАТЬЯНОВ А. Хлебушко	45
--------------------------------	----

КРИВЕЦ В., ШТУТМАН С. И солдатская копейка воевала	47
--	----

■ ПРОБЛЕМЫ КАЖДОГО ДНЯ

ГЕРАЩЕНКО В. Пыль в глаза	20
-------------------------------------	----

Прапорщики-контролеры: наболело!	50
--	----

■ 8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

ПОЛОМОШНОВА И. Кто написал «Лунную сонату»?	65
---	----

Между нами, женщинами...	68
------------------------------------	----

КРАЙНЯЯ М. Путешествие в платяной шкаф	71
--	----

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ЧЕРНЫХ И. Неистовая «Фортуна» (повесть, окончание)	56
--	----

СЕМЕНОВ Ю. Отчаяние (роман, продолжение)	73
--	----

Стихи (подборка)	36
----------------------------	----

■ САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

МАЗУРЕНКО С. Увеличиваем нагрузки	92
---	----

Живой границей между ослепленными националистическими предрассудками боевиками встали в Закавказье внутренние войска. Ради спасения человеческих жизней, во имя восстановления правопорядка, мира и спокойствия на истрадавшейся от кровопролития и насилия земле несут они свою нелегкую службу.

«В ОСОБОМ РАЙОНЕ».

...Город поразила вспышка безумия. Люди бегут из города, при этом вступают в смертельные схватки друг с другом, пытаются покончить с собой. Зона действия безумия продолжает расширяться...

Владимир МИХАНОВСКИЙ.
«БОЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ»
(Фантастическая повесть).

Ушу является традиционным китайским видом спорта... Уроки дает выпускник Всекитайской академии ушу тренер-методист Максим Гладков.

«УШУ: ИСКУССТВО И ОРУЖИЕ».

Художественное оформление **К. Ф. Рожкова, Е. К. Селиновой.**

Технический редактор **И. В. Володина.**

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.**

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57, Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Слано в набор 5.01.90 г.
Формат бумаги 70x108/16.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 16.02.90 г.
Зак. № 338.

Усл. печ. л. 8.4 + вкл. 1/4 п. л.
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

В роли манекенщицы —
автор материала
Марина Крайняя.
Костюмы из коллекции
художника-модельера
Людмилы Надточий.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЛАТЬЯНОЙ ШКАФ

Мы выбираем себе
костюм, в сущности,
манеру держаться,
двигаться, говорить;
он становится частью
нашего характера,
даже нашей «кожей»,
нашей «концепцией»,
которую носим
на себе».

Фото Б. Задвиля.

Вас приглашает ЗИЛ

Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева (производственное объединение ЗИЛ) приглашает воинов, заканчивающих службу во внутренних войсках, принять участие в его реконструкции и освоении выпуска новых отечественных автомобилей.

Предприятию требуются специалисты в области электроники, автоматики, наладчики, операторы автоматических линий ГПС и станков с ЧПУ, электрики, водители, испытатели двигателей, слесари механосборочных работ, водители-испытатели, специалисты инструментального производства и другие специалисты машиностроительного профиля, а также рабочие всех строительных специальностей. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии без отрыва от производства.

Заработная плата повременно-премиальная и сдельно-премиальная. Всем принятым на завод одиноким иногородним

работчим предоставляется благоустроенное общежитие квартирного типа, с пропиской в г. Москве. Созданы также жилищные условия для вновь образующихся семей.

На заводе имеются: управление подготовки кадров с курсами повышения квалификации, автомеханический техникум и филиал Всесоюзного заочного машиностроительного техникума, автомобилестроительный институт.

К услугам автозаводцев – санатории, дома отдыха, спортклуб "Торпедо" с 32 спортивными секциями, Дворец культуры, многопрофильная больница, поликлиника, комбинат общественного питания и т. д.

По вопросам приема на работу обращайтесь письменно по адресу: 109068, г. Москва, ул. Автозаводская, 18. Управление рабочих кадров ЗИЛ.

Справки по телефонам: 277-87-58, 277-93-09, 277-80-27.

Выезд к месту работы по вызову.